

Решад Нури
ГЮНТЕКИН

Решад Нури ГЮНТЕКИН

коллекция лучших романов

Старая болезнь

Старая болезнь

Решад Нури Гюнтекин — классик мировой литературы, родился в 1889 году, преподавал французский язык и служил атташе по делам культуры в посольстве Турции в Париже. Его книги и по сей день самые читаемые в Турции, по ним снимаются фильмы и сериалы, которые обожают зрители, в том числе и российские.

«Любить, а точнее любовь, все это смешная болезнь былых времен» — таков лозунг Зулейхи. И только поэтому она соглашается на брак с человеком, которого, как ей казалось, не любит... Но имеет ли смысл бежать от наслаждений, не поддаваться власти чувств, которые обладают гораздо большей силой, чем разум? Как знать, может, Зулейха одумается? Но слишком поздно...

ISBN 978-5-486-02723-9

9 785486 027239

 МИР КНИГИ

Решад Нури
Гюнтекин

Старая болезнь

Reşat Nuri
Güntekin

Eski Hastalık

Решад Нури
Гюнтекин

Старая болезнь

УДК 821.41
ББК 84(5Тур)
Г99

Reşat Nuri Güntekin
ESKİ HASTALIK

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

The SAID WORK is protected by the
International Copyright conventions.

(НАСТОЯЩЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ защищено
Международными Конвенциями по авторским правам).

This book is published with the arrangements
of **ONK AGENCY LTD.**

(Настоящая Книга издана по договоренности
с **ONK AGENCY LTD.**)

Гюнтекин, Решад Нури
Г99 Старая болезнь /Пер. с тур. А.А. Блиновой. — М.: ООО ТД
«Издательство Мир книги», 2009. — 288 с.

Любовь — это старая болезнь, достойная книг былых времен! Таков был девиз юной Зулейхи. И если надо вступить в брак по расчету, чтобы угодить отцу — что ж, тем лучше! Если это и не назовешь счастьем, то для того, чтобы создать нормальную семью, вполне достаточно. Зулейха приготовилась не быть равнодушной к мужчине, за которого собиралась замуж. А что касалось любви, то контракт, который они подпишут в бюро бракосочетаний, не предусматривал такой статьи. Однако со временем Зулейха поняла, что сильно заблуждалась. Но, как выяснилось, слишком поздно...

ББК 84(5Тур)

Copyright © 1938 Reşat Nuri GÜNTEKIN
All rights reserved

© Блинова А.А., перевод, 2009

© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2009

ISBN 978-5-486-02723-9

Глава первая

Дверь приоткрылась. Сиделка знаком позвала в коридор главную медсестру, которая в это время читала у окна газету.

— Сестра Магда, пришел муж мадам, они с доктором разговаривают.

Сиделка говорила настолько тихо, что пожилая женщина с трудом слышала ее. Но, несмотря на это, она приложила палец к губам.

— Тсс... Тише, — сказала она и продолжила уже шепотом: — Когда он пришел?

— Недавно... Они подойдут сюда с доктором...

— Сейчас нельзя...

— Меня прислал доктор...

— Нельзя... Скажи доктору, что больная крепко спит... Позже я приду и расскажу, что и как.

Сестра Магда нахмурила густые брови и подняла на лоб очки, которые надевала только когда читала. Разговаривая с девушкой в коридоре, она встала перед дверью палаты и краем глаза следила за движениями больной.

Сиделка сомневалась, что пострадавшая молодая женщина, которая пролежала здесь уже почти две недели, могла все время так беспробудно спать. Главный врач не смог чем-либо объяснить этот сон и списал это на сотрясение мозга, полученное при аварии. И больше к этому вопросу он не возвращался.

Симуляция да и только — вот как это выглядело в глазах сиделки. В эту минуту больная перевернулась на другой бок, естественно, стараясь, чтобы движения

выглядели как у спящей, и оказалась лицом к стене. Сиделка решила, что та стремиться утаить, что ее беспокоит то, что она услышала.

Догадка была верна. Зулейха не спала и напряженно прислушивалась к шепоту в коридоре, чтобы не пропустить ни слова. Значит, Юсуф пришел сюда! Еще немного, и они встретятся, им придется посмотреть друг другу в глаза, разговаривать... Страшно!

Но Зулейха с удивлением отметила, что все это пугает ее вовсе не так, как она ожидала. Сердце билось ровно — ни дрожи, ни трепета!

Она понимала, что если бы в эту минуту ей пришлось заговорить, то даже голос бы не дрогнул. Ей захотелось глубоко вдохнуть полной грудью. Зулейха немного приподнялась на подушке, приоткрыла рот и, пытаясь дышать ровно, как человек во сне, думала.

Еще несколько часов, и будет уже четырнадцать дней... Зулейха до сих пор видела, как сидит в открытом спортивном автомобиле, мчащемся по дороге из Алемдага* в Чамлыджа**. Луна такая яркая, что вокруг светло, как днем... За рулем — молодой человек в белой рубашке с закатанными рукавами. Они едут так быстро, что Зулейха постоянно ударяется о своего спутника плечом и двумя руками с трудом удерживает шарфик, чтобы его не унесло встречным ветром. Пару раз она уже готова была сказать: «Помедленнее... чуть помедленнее», но самолюбие ей не позволило.

Мешало и другое: они не то что неслись, они мчались, слившись со звуком, и эта гонка приятно щекотала нервы, а кроме того, давала ощущение тщетности любых усилий перед лицом чего-то глобального.

Проезжая на той же скорости через деревню Дудуллу***, они столкнулись с водовозом, который ехал им

---

*Алемдаг — небольшая гора неподалеку от Стамбула. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

** Чамлыджа — холм в азиатской части Стамбула, самая высокая точка города.

*** Дудуллу — сейчас район Стамбула в азиатской части города.

навстречу. А потом вдруг темнота, смутные видения, забытьё... Зулейха увидела себя словно со стороны: вот в темной грязной комнате ее окружили странные люди, вот она на секунду приоткрывает глаза, вот она на море сидит в чем-то похожем на моторную лодку, пьет воду из рук бородатого мужчины. Но все это оказалось чередой видений, о которых с трудом можно было судить, приснилось ли ей это или случилось на самом деле.

Зулейха пришла в себя только вечером следующего дня после аварии. Из того, что ей говорили после, следовало, что спасение ее и ее друга — просто чудо. Столкновение было настолько сильным, что их отбросило прямо в резервуар для воды. Раны на ногах, руках, голове и груди Зулейхи являлись просто мелочью в сравнении с той огромной опасностью, которой им удалось избежать. Ссадины зажили через несколько дней, только рана от острого камня на правой икре еще не затянулась. Но и она была не тяжелой и не представляла угрозы для жизни.

Однако вот уже четырнадцать дней Зулейха находилась в этой палате, не зная, ни когда выйдет отсюда, ни куда или к кому пойдет.

***

Лежа в кровати, Зулейха воскресила в памяти последние часы перед аварией.

Послеобеденное время... Она скромно сидела в окружении родственников и друзей в саду оживленного ресторанчика в Суадийе*. В это время у ворот остановился небольшой спортивный автомобиль, из него вышел молодой человек и, засунув руки в карманы, направился прямо к столику, за которым сидела Зулейха.

Этот молодой человек — спортсмен, который на той же машине, что стояла сейчас у дверей, минувшей

---

* Суадийе — район в юго-восточной части Стамбула, рядом с Мраморным морем.

осенью занял второе место на любительских соревнованиях в Бююкдере*. И вот уже четыре месяца, что Зулейха находилась в Стамбуле, он за ней ухаживал.

Подойдя к столу, он вытащил руки из карманов, направиł на сидящих небольшой пугач и сказал:

— Руки вверх... Кто дернется, застрелю... — И потом продолжил: — Я промышляю разбоем на машине... И приехал, чтобы увезти Зулейху в горы... Ну-ка, иди впереди меня...

Действия молодого человека, который своим внешним видом (он был в белой рубашке с закатанными рукавами и с красным платком на шее) чрезвычайно походил на ковбоя из какого-то невероятного фильма, возымели небывалый успех. Девушки, женщины, молодые и даже пожилые мужчины, улыбаясь и вскрикивая, поднимали руки вверх. Всем было интересно участвовать в этом небольшом представлении.

Джентельмен-разбойник, держа пистолет в одной руке, а другой — приобняв Зулейху за талию, поцеловал кончики ее пальцев и ладонь и потянул прямо к автомобилю.

Что в этом дурного? Неужели нельзя поучаствовать в этой в высшей степени живописной и остроумной киносценке? Что можно сказать на то, что молодая женщина прокатится с молодым другом, с которым она ходила на танцы, плескалась у берега на пляже, перебрасывалась шутками и который учил ее плавать, обхватив словно статую? Да и кто в наше время настолько старомоден, чтобы начать распускать из-за этого сплетни?

Молодой человек закрыл Зулейху в машине, затем обошел ее и прыжком сел за руль. Они поехали в Бостанджи**.

Чуть погода он сказал:

---

* Бююкдере — район Стамбула в верхней части Босфора на европейском берегу.

** Бостанджи — район и одноименная пристань в азиатской части Стамбула.

— Зулейха! Они, верно, все еще смеются, думая, что это некий спектакль, но ты знай, что я и впрямь тебя похитил и увезу в горы. Сейчас мы направимся в лес на гору Алемдаг и будем любоваться на самую яркую луну в году.

Зулейха сердится и делает вид, что хочет выскочить из машины. Но все это не более чем продолжение той игры, что началась чуть ранее.

Когда последние дома остались позади, они остановились перед грязно-белой лавкой бакалейщика, купили хлеба, сыра и яиц. И хотя весь ассортимент съестного состоял из трех-четырех видов продуктов, в витрине оказался широкий выбор спиртных напитков. Купив две бутылки лучшего из того, что там было, вина, они поехали дальше. И двинулись навстречу надвигающемуся вечеру, горам и луне.

Любые знакомства или происшествия, если они не удостоились обсуждения среди друзей, проходят мимо как события столь незначительные, что уже через три дня от них не остается и следа.

Но что делать, если история о несчастном случае с автомобилем, разбившемся ночью на обратном пути из Алемдага, — как бы близка к истине она ни была, — стала достоянием общественности и получила широкую огласку, официально представив пострадавших любовниками. Они лежали, скатившись в грязь, в объятиях друг друга, пока не подспела помощь. Поэтому так и останутся в памяти людей, как влюбленные.

В первые дни газеты не называли их имен только из соображений какого-то высшего человеколюбия и сострадания, ограничившись короткими заметками о «молодой женщине из знатной семьи нашего вилайета* и спортсмене, сыне известного за границей коммерсанта». Но из-за обилия фотоснимков с места аварии и страха конкуренции это человеколюбие не продержалось и двадцати четырех часов. Уже на второе

---

* Вилайет (современное иль) — единица территориального деления Турции, провинция.

утро в газетах вместе с фотоснимками, отпечатанными на отдельных вкладках, появились и их настоящие имена.

Фотографии были самые разные: вот Зулейха лежит на моторной лодке, вот их вывозят на пристань Топхане, укладывают в автомобиль «скорой помощи» и отправляют в больницу. Но ни на одном снимке раненой и лежащей без сознания женщины не было хорошо видно ее лица. Наконец, когда в руки одной из вечерних газет попала копия фотокарточки, сделанной в день ее свадьбы, удалось удовлетворить всеобщее любопытство. Там Зулейха была вместе с мужем, но художественный редактор газеты просто вырезал его ножницами, оставив место пустым.

В первый день коридоры и сад больницы оказались переполнены. Друзья и знакомые Зулейхи, узнавшие об аварии, съезжались со всего Стамбула. Но когда в последующие дни несчастный случай начал медленно превращаться в скандал, поток друзей потихоньку схлынул, больница стала пустеть.

Причиной этому стал не только страх считаться родственником опозорившейся женщины. У Зулейхи, которая вот уже четыре месяца гостила у своего дяди в Стамбуле, в далеком вилайете Ичель*, в особняке Гельюзю был муж, который приходился внуком потомственному землевладельцу.

Никто сам не осмеливался сообщить этому человеку о несчастном случае, поэтому телеграмму послали от имени руководства больницы. Ответ пришел также руководству: «Узнал об аварии. Сделайте все возможное, чтобы вылечить мою супругу. Выезжаю».

Отсутствие вестей — даже спустя столько дней от этого человека не было ни слуху ни духу — почему-то не на шутку напугало близких друзей. Поговаривали, что муж Зулейхи сел на поезд из Мерсина** в Стамбул,

---

* Ичель — провинция на Средиземном море, на юге Турции (главный город — Мерсин).

** Мерсин — город на юге Турции.

но на станции Енидже* по непонятной причине повернул обратно. Но сказать, насколько все это правда, было невозможно: вторая телеграмма, отправленная из больницы в Гёльюзю, осталась без ответа.

Зулейха теперь лежала в комнате совершенно одна. У ее дяди в последние дни, как ей объяснили, воспалился седалищный нерв, и он, забрав детей, уехал в Чешме**, — доктора в этот раз почему-то не рекомендовали горячие источники Бурсы*** и Яловы****.

Иногда звонил телефон, мужской либо женский голос спрашивался о здоровье госпожи Зулейхи. Изредка друг или подруга из-за срочных дел или же из-за нежелания тревожить больную оставляли букет цветов или коробку шоколадных конфет у дверей.

Молодая женщина не видела в палате никого, разве что главную медсестру и девушку-сиделку, которая приходила передать приветы и дружеские пожелания, сказанные по телефону, или принести коробку конфет, оставленную у дверей. Да еще доктор забегал утром на несколько минут, чтобы осмотреть ее.

Хотя Зулейха ни с кем не разговаривала, не получала никаких вестей, она прекрасно понимала, почему ее оставили совершенно одну.

Старшая медсестра проводила в палате Зулейхи все свободное время: сидела в кресле у окна и читала книги, газеты, вязала или дремала. Был ли это интерес к ней самой, или же медсестра просто привыкла к этому уголку, где стояло кресло и из окна сквозь листья огромного конского каштана виднелось море. Сестра Магда, о которой говорили, что она очень любит читать романы, плохо скрывая любопытство, пыталась разго-

---

* Енидже — город примерно в сорока километрах восточнее Мерсина.

** Чешме — курортный город, расположенный в самой западной точке Турции на берегу Эгейского моря.

*** Бурса — город в ста километрах южнее Стамбула, где находятся известные на весь мир горячие источники.

**** Ялова — город на побережье Мраморного моря, известен своими минеральными горячими источниками.

ворить молодую женщину. Но потом отказалась от этого, потому что столкнулась с молчанием, которое считала наигранным. Сейчас в ее поведении сквозило даже нечто похожее на уважение к причине молчания ее пациентки. Однако, несмотря на это, Зулейха чувствовала что та гадает на ее счет и не теряет надежды узнать хоть что-нибудь. Пожилая женщина все делала преднамеренно, на это указывало многое, например, получив известие от заходившей к ней незадолго до этого девушки, она попросила ту говорить потише, и не спросила у Зулейхи разрешения, чтобы пришел Юсуф. Фраза о том, что больная спит, была сказана для того, чтобы дать ей выиграть время и подготовиться к нелегкой сцене. И вот как раз сейчас сестра Магда отложила газету, хотя ничто не мешало ей читать, и нетерпеливо ходила взад-вперед по комнате и шумела, чтобы разбудить больную и заставить ее говорить.

Что касалось доктора, то не больше смысла было и в его поступках.

Главный врач, обязанный успеху своего заведения не столько профессиональными качествами, сколько известностью в светских кругах, являлся человеком общительным и остроумным. К Зулейхе он обращался, как и положено врачу, занятому только своей работой и у которого нет времени, чтобы обращать внимания на всякие сплетни. Он говорил только по существу и сразу выбегал из комнаты.

***

Этим тихим летним вечером Зулеха поняла, что переживает часы, которые обычно называют самыми сложными в жизни, потому что нужно набраться храбрости. И хотя раньше она очень боялась, сейчас мужества ей было не занимать.

Дни, которые она провела в этой комнате в непрерывных размышлениях, потеряв интерес к миру и замкнувшись в себе, неожиданным образом изменили ее внутренне. После того как к этому примешалась еще некоторая доля безысходности и покорности судьбе, Зу-

лейха была совершенно уверена, что уже ни одно событие не сможет застать ее врасплох.

Первое время молодая женщина молчала, потому что тогда ее мысли еще путались. Она боялась отвечать на вопросы, которые ей могли задать, и своими ответами дать пищу для размышлений. Но когда этот страх миновал, убежденность в бессмысленности разговоров заставили ее вернуться к роли спящей больной. Была еще и другая причина: в день, когда она скажет «я уже здорова», ее спросят, куда же она пойдет. А между тем она не знала куда и даже кто оплатит все расходы на лечение в больнице.

В конце концов, будь что будет, приход Юсуфа означал конец всем сомнениям. Она решила предоставить ему возможность решить свою дальнейшую судьбу.

***

Беспокойство сестры Магды росло с каждой минутой. Это было ясно. Но когда она повернула голову, то увидела, что Зулейха, оказывается, уже сидит на кровати и смотрит на нее.

Женщина удивленно спросила:

— Вы проснулись?

— Не смогла уснуть...

— В таком случае...

— Да... Я знаю, что Юсуф-бей наконец приехал. Я его жду.

— Прямо сейчас?

— Конечно, сейчас. Только помогите мне немного привести себя в порядок. Может, я даже смогу встать, чтобы его встретить...

Щеки у Зулейхи порозовели, взгляд оживился. Она, казалось, была готова хоть сейчас прыгнуть с кровати. Старшая медсестра с удивлением смотрела на странную больную, которая внезапно выздоровела и позволяла себе помочь только из-за естественной слабости, никак не выказав, что творится у нее в душе, и не дала сестре Магде даже минуту почувствовать себя нужной. И эта больная готова была вот-вот ускользнуть от нее.

Но смекнув, что энергичное движение больной являлось отчасти притворством, быстро скрыла свое изумление.

— Браво, мадам, вижу, вы... — Она хотела было уже пошутить, что, возможно, приезд мужа так обрадовал молодую женщину и способствовал скорейшему выздоровлению. Однако, подумав, что это уж слишком, сказала: — Вы здоровы, но окончательно ли?

Сестра Магда принесла зеркало и помогла Зулейхе убрать волосы, надела поверх ее сорочки кружевной воротничок, который достала из шкафа, но никак не соглашалась позволить больной подняться с постели.

Когда с приготовлениями было покончено, Зулейха откинулась на подушку и произнесла:

— Вот теперь вы можете позвать Юсуф-бея.

Молодая женщина уже дважды употребила слово «бей», тем самым подчеркивая, что отношения, связывающие ее с мужем, сугубо официальные.

Зулейха почему-то думала, что Юсуф зайдет в комнату один. Как артистка, готовая выйти на сцену, она медленно повторила слова, которые вот уже несколько дней крутились у нее в голове:

— Некоторые события не назовешь иначе как случаем или злым роком.

Так любил говорить ее отец. Юсуф тоже знал эту фразу, и не было никакого сомнения, что он вспомнит ее, как только услышит из уст Зулейхи.

Еще во время первой их встречи Зулейха должна была произнести это, чтобы избежать пустых разговоров, бесконечных хождений вокруг да около и жалости.

Молодая женщина более или менее продумала и свою речь, которая должна была последовать за этими словами, хотя решила действовать сообразно обстоятельствам. «У нас с самого начала не было с вами взаимопонимания, и, осознавая это, разве мы не подали на развод? Конечно, никто не хотел, чтобы такое случилось до того, как мы получим документ из суда о расторжении брака, однако...»

В коридоре слышались шаги. Зулейха одной рукой сжала железный каркас кровати и, подняв голову, устремила взгляд на дверной проем. Глаза ее все так же блестели.

Но вошел не Юсуф, а сестра Магда.

— Доктор отвел Юсуф-бея в другой зал, я ему все передала... — доложила сиделка.

***

Зулейха сказала «очень хорошо», но при этом почувствовала, как защемило в груди. Она не была уверена, что, задержись Юсуф еще немного, она сможет сохранять спокойствие.

Темный коридор, видневшийся через дверь, стал пробуждать в ней еще более причудливые подозрения. Зулейха попросила у старшей медсестры газету, чтобы чем-нибудь занять себя. Газета была на немецком, но с крупными фотоснимками. Зулейха, как ребенок, смотрела на них во все глаза. Одно из изображений — фотография высокого дипломата с сумкой в руке, выходящего из двери вагона — вернуло ее к одному из самых страшных предположений. Получив первую телеграмму, Юсуф выехал из Силифке*, доехав до Енидже, вернулся обратно.

Зулейха несколько раз ездила вместе с Юсуфом из Силифке в Стамбул и потому знала этот путь. Сначала от особняка Гельюзю нужно было дибираться на автомобиле до Мерсина, потом проехать на поезде до Енидже и дожждаться экспресса Торос, который прибывал из Аданы**. Ожидание обычно длилось больше часа. Юсуф в это время покупал свежие стамбульские газеты у мальчишки-разносчика и, бросив их на кресло напротив, начинал просматривать одну за другой. Зулейха допускала, что муж узнал неприятную новость из газет

---

* Силифке — город на юге Турции.

** Адана — административный центр одноименной области на юге Турции, на северо-западной границе с Сирией. Город являлся станцией на пути следования Торосского экспресса, который ходил по железной дороге Турции, которая должна была составлять часть магистрали Берлин—Стамбул—Багдад.

и отказался от поездки в Стамбул, а вместо этого вернулся в Силифке.

Только два дня назад у молодой женщины прекратились странные нервные расстройства. До этого каждый раз после полуночи Зулейха резко открывала глаза в темноте — так по первому нажатию кнопки сразу загорается электрическая лампочка. В теле не чувствовалось ни напряжения, ни боли. О том, что у нее приступ, можно было судить лишь по шуму в ушах. В полной темноте Зулейха снова закрывала глаза и сквозь опущенные веки видела мутное свечение, как будто снаружи горели лампы.

Зулейху в эти ночи преследовали неотступные видения. Она видела своего мужа, в вагоне в Енидже рассматривающего фотографии в газете: снимок разбитой машины; той топи, в которую упали их выброшенные из автомобиля тела; фото моторной лодки, кадры из больницы и ту обрезанную ножницами свадебную фотографию. У Юсуфа на лбу набухают вены, которые появляются, когда он злится или думает, он поворачивается к окну и читает подписи под снимками. Молодая женщина резким движением головы отогнала видение. Но теперь в видение стал превращаться снимок дипломата с сумкой в немецкой газете. Зулейха снова устремила взгляд на дверь.

***

Прошло немного времени, и в палату вместе с доктором вошел Юсуф.

Доктор остановился у входа. Юсуф без тени волнения подошел к кровати, наклонился и поцеловал голову жены. А потом ласковым движением, словно ребенка, погладил по волосам и сказал:

— Выздоровливай скорее, Зулейха, ты меня очень напугала... Извини, что приехал так поздно... Ты знаешь мою проклятую арабскую лихорадку... я сказал про нее доктору...

— Ну, тогда и ты поправляйся...

— Слава Аллаху, Зулейха, что я нашел тебя целой и невредимой.

— Я почти здорова...

Доктор сначала, казалось, колебался: уйти ли ему и оставить их одних или вмешаться в разговор. Но когда увидел, что муж и жена начали легко и непринужденно беседовать, как хорошие друзья, то подумал, что он вправе вставить несколько слов. Врач подошел к ним, задал Зулейхе несколько вопросов о ее самочувствии, сообщил, что последняя рана на икре должна скоро затянуться и что, вне всякого сомнения, ничего кроме легкой перевязки не потребуется. Потом, подозревая старшую медсестру, он вышел.

Они остались в комнате одни.

Юсуф стоял и внимательно осматривал все вокруг. Зулейха догадалась, что муж делает так, потому что не решается посмотреть на нее и заговорить, и приготовилась произнести заготовленную речь. Но Юсуф опередил ее и начал сам:

— Что за порядок? Упихали твою кровать в угол комнаты, а шкафы и столы придвинули к окну... Доктор сказал, что ты все время спишь... Еще бы... Если бы тебе было на что смотреть, когда ты открывала глаза, ты бы так не спала.

Юсуф был мужчиной в любом месте и в любой ситуации, чувствующим себя хозяином. Например, когда они с женой как-то раз останавливались в гостинице, то совсем скоро он подчинил себе не только прислугу, но даже владельца. Он отдавал приказы на кухне, менял заведенный порядок. Еще более удивительным было то, что под его влияние попадали не только люди, покорные по своей природе, но и личности сильные и независимые. При этом Юсуф никогда не спрашивал себя: имеет ли он право навязывать свои порядки. Эта черта характера мужа казалась символом отживших своего порядков. Зулейха даже давала мужу прозвища вроде Степной предводитель или Бостанджи-баши*,

---

* Бостанджи-баши (от турецк. Бостан — сад) — караул в султанском саду, установленный впервые Сулейманом I. Начальник этого караула, бостанджи-баши, исполнял одновременно должность главного надзирателя над султанским дворцом, портового инспектора и начальника полиции в столице.

но одновременно ощущала странное чувство защищенности рядом с этим властным мужчиной.

Внимательно изучив всю комнату, Юсуф сказал:

— Нужно кое-что переставить, чтобы ты здесь смогла нормально отдыхать.

И, не дав ей времени возразить, принялся за дело. Сначала разобрал уголок сестры Магды. Потом настала очередь шкафа у окна. Юсуф ухватил его за край и потащил. Но когда заметил, что повалились все бутылки в шкаф, а на полированном полу остаются царапины, скинул пиджак, обхватил шкаф с двух сторон и поднял.

Это ему не составило особого труда, потому что он был еще и человеком достаточно сильным.

Зулейха попробовала было сопротивляться, когда очередь дошла до кровати: Она любила этот уголок за тень и отсутствие всякого вида рядом. На ее возражение Юсуф только улыбнулся. Мол, зачем тогда нужно все переставлять, если кровать останется на месте?

Пока Юсуф, как игрушечную машинку, передвигал кровать, Зулейха подумала, что делает он все это лишь потому, что в эти минуты разговаривать ему еще сложнее, чем ей. Комната так изменилась, что сестра Магда могла подумать, будто зашла не туда. Юсуф надел пиджак, протер руки одеколоном Зулейхи и сел на краешек кровати.

— Было ошибкой заставлять тебя лежать. Ты вон какая сильная, как львица...

— Да, сейчас я уже почти выздоровела.

— А то так все на свете проспий. Ты даже можешь встать и одеться...

— Нет, я еще не настолько здорова...

— Где твои вещи?

И пока они говорили, Юсуф как будто избегал смотреть жене в глаза. Его взгляд блуждал по комнате. Зулейха собралась с духом еще раз и уже приготовилась произнести заготовленную речь, но Юсуф снова заговорил раньше и совершенно естественным голосом сказал о том, что занимало все ее помыслы:

— Доктор сказал, у тебя не осталось травм кроме раны на икре. В таком случае через несколько дней мы можем вернуться в Гельсю.

***

«Ташуджу» был небольшим грузовым пароходом, курсировавшим вдоль побережья Средиземного моря. Кто-то из родственников Юсуфа купил его у белогвардейцев во время перемирия*. Путешествовать из Стамбула в Силифке им предстояло на этом недавно отремонтированном грузовом судне.

Навещая жену в больнице во второй раз, Юсуф сказал:

— Я тут подумал. Не знаю, что ты на это скажешь. Наш «Ташуджу» отплывает через несколько дней. Я думал отправить тебя на нем в Силифке. Сейчас не сезон путешествовать на поезде. А тут погода позволяет. В общем, я считаю, что продолжительная морская прогулка пойдет тебе на пользу, поправишь здоровье. Конечно, немного утомительно плыть почти две недели, но ведь пароход наш, так что... Можем останавливаться, где ты захочешь... Увидишь новые места, новых людей... «Ташуджу», разумеется, не первоклассное судно... Но, думаю, что неудобств никаких не будет... Всю заднюю палубу оставят нам... Там три каюты и маленький салон... Все красиво обставят... Будешь почти как дома... Ну что, как тебе такая идея?

Это только казалось, что Юсуф советуется с женой. Но на самом деле он все уже решил и подготовил. Еще до того, как намерения Юсуфа ей стали понятны, Зудейха решила отдалиться воле событий. Поэтому она согласилась на это путешествие, не раздумывая, как чуть раньше не возражала желанию Юсуфа отправить себя в Гельсю.

Нельзя было не признать, что Юсуф неплохо все придумал. Поездка на этом пароходике, который шел

---

* Во время и после Гражданской войны в России (1917–1921) белогвардейцами и интервентами была захвачена и угнана значительная часть российского флота.

со скоростью семь морских миль, могла сравниться с кругосветным путешествием. Не меньше двух недель путешествовать по морю одной значило продолжать пребывать в том одиночестве, к которому она так привыкла в больничной палате.

В предложении Юсуфа проскользнули и другие значимые для нее слова. Юсуф ведь сказал ей: «Ты можешь остановиться, где захочешь. Увидишь новые места, новых людей». Было не столь важно, новые окажутся места или старые. Но вот общество новых людей, несомненно, поможет ей снова влиться в жизнь и сумеет противостоять словам и взглядам старых знакомых, когда вдруг настанет день с ними встретиться. Даже не будь у поездки стольких привлекательных сторон, большой радостью являлось уже то, что встреча со свекровью, золовками и остальными родственниками мужа откладывалась на несколько недель. Больше всего Зулейху удивляло то, каким спокойным и веселым выглядел ее муж. Юсуф, не смущаясь, каждый день являлся в больницу, при посторонних всегда был к ней чрезвычайно внимателен и ничуть не скрывал радости по поводу ее выздоровления. Между тем Зулейха в этой ситуации больше ожидала увидеть нетерпимость и агрессию от человека, выросшего в семье, которая относилась к закрытому патриархальному обществу.

Зулейха все еще не могла ходить из-за раны на икре, поэтому по вечерам Юсуф заворачивал ее в одеяло, брал на руки и относил в больничный сад. В эти часы там прогуливались больные, которые были в состоянии передвигаться. Кроме того во время вечерней прогулки уважаемым посетителям дозволялось повидать родных и знакомых, и все пространство вокруг бассейна в центре сада походило на городской парк.

Когда Зулейха видела, как муж, не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих, занят только ею, разговаривает с ней оживленно и спокойно, сильно раскачивая кресло-качалку, в которой она лежала, она почти начинала сомневаться в том, что ему известны подробности несчастного случая.

За день до запланированного путешествия Юсуф посадил ее в машину, мало того, в открытый автомобиль, долго возил по дороге в Бююкдере и не стыдился смотреть в глаза знакомым, которые им встречались по пути, и с ними здороваться. В какой-то момент он сказал:

— Если бы ты смогла сделать над собой усилие и немного пройтись или было бы в порядке вещей вносить на руках в магазин больную женщину, мы могли бы спуститься в Бейоглу* и закончить все необходимые приготовления.

И наконец, их отъезд из больницы ничуть не походил на тот, каким его себе представляла Зулейха. Она воображала, что это произойдет вечером, тихо и без посторонних. К тому же в тот день, когда они проезжали по дороге в Бююкдере, у нее закралось подозрение, что Юсуф довезет ее до парохода и заставит забрать оттуда все вещи. Но в день отъезда Юсуф под предлогом, что ему нужно отблагодарить персонал, собрал всех служащих и поваров больницы. Потом, хотя Зулейха упрямо твердила, что в состоянии идти сама, снова взял ее на руки и посадил в машину.

Так обычно поступают мужчины, которые на радостях забирают свою молодую жену из больницы после рождения долгожданного ребенка.

Зулейха же; заметив нечто похожее на улыбку в глазах сиделок, только пригнула голову.

Когда молодая женщина уже сидела в машине, Юсуф, будто наслаждаясь, что все присутствующие смотрят на него, завел разговор с главным врачом. Зулейха начала злиться на мужа, считая его выходку циничной.

***

Стоявший на рейде «Ташпуджу» ожидал их привязанный к бую в Сиркеджи**. Юсуф снова хотел на ру-

---

* Бейоглу — сейчас центральный округ Стамбула, на главной улице которого со времен Османской империи располагались особняки богачей, дворцы посольств и роскошные магазины.

** Сиркеджи — пристань рядом с вокзалом Сиркеджи на европейском берегу Стамбула, куда прибывал знаменитый Восточный экспресс.

ках перенести жену с лодки на палубу, но Зулейха твердо решила покончить с этим спектаклем, уверенно встала на ноги, и Юсуф ее отпустил. Море немного штормило, поэтому сильно настаивать не пришлось. Длинноусый седой человек в фуражке, стоявший на последней ступеньке небольшого трапа подал Зулейхе руку и помог ей взойти на борт. Этот человек был капитаном судна.

Оказавшись на палубе, Зулейха заметила, что вместо ноги у капитана был пристегивающийся протез, и сочувственно улыбнулась, найдя странным, что ей пришлось принять его помощь. На палубе стоял еще бедно одетый старик с белыми усами. Несмотря на жаркое лето, на нем было измятое выцветшее пальто, на шее болталось грязное кашне, а на ногах красовались калоши. Вслед за капитаном Юсуф представил и старика:

— Эмин-бей, врач... Зачем? Ты решила, что невозможно будет найти на «Ташуджу» частного врача? Я же еще раньше говорил, что во всем, что касается комфорта и обслуживания, наш «Ташуджу» выше всяких похвал.

Доктор снял перед Зулейхой фуражку и сконфуженно поклонился. Он был совсем невелик ростом, и, когда он нагибался, подол его пальто доставал до земли. Зулейха заметила, что старость и усталость потрепали этого старика не меньше чем бедность, и удивлялась, как он вообще в состоянии держаться на ногах, не то что работать доктором на корабле.

Юсуфу не терпелось показать жене все, что им было сделано на пароходе. Держа ее за руку, он помог ей спуститься по узкому трапу. Пространство внизу состояло из трех маленьких кают, которые тянулись в ряд вслед за салоном. Одну из кают Юсуф переделал под небольшую спальню для жены. Велев убрать нары по краям каюты, Юсуф распорядился поставить там новенькую железную кровать.

Зулейха с интересом рассматривала одеяло, постеленное поверх белоснежной простыни, коврик в крас-

ный цветочек на полу, графин, украшавший комод у изголовья кровати, лампу и маленькую вазу с гвоздиками. Даже тюль в цветочек на иллюминаторе вызывала у нее желание улыбнуться.

— Тут твоя спальня, маловата, конечно, но... Мы не смогли втиснуть туда еще стул... Но сюда никто не заходит, так что ты всегда можешь держать дверь открытой... Моя каюта напротив еще меньше, ну да это не важно... Я бы хотел, если погода будет хорошая, проводить ночи на палубе, лечить тебя морским воздухом... Пароход только покрасили, запах тут не очень приятный... Но через пару дней все выветрится, да и ты привыкнешь. Все будет хорошо, — сказал Юсуф.

Зулейхе, наоборот, казался приятным воздух, в котором смешались запахи свежей краски, трюма и моря, и, кроме того, будущие приключения в открытом море воодушевляли ее, словно радостная весть. Юсуф, казалось, скупил в Стамбуле все, что можно, чтобы потом перевезти в Гельсю. Новые вещи украшали не только каюту Зулейхи. В салоне был постелен персидский ковер, посреди него красовался квадратный столик, а чуть раньше на палубе она заметила комплект плетеных кресел. Молодая женщина с детским восторгом осмотрела все приобретения мужа, а потом снова поднялась на палубу.

Пароход отчаливал. Юсуф усадил Зулейху в плетеное кресло, поставил под больную ногу небольшую скамеечку с подушкой и накрыл жену одеялом. Потом бросил ей на колени несколько иллюстрированных журналов, специально купленных, чтобы ей было за чем коротать время.

Пожилой человек в фуражке, которого Юсуф чуть ранее представил как врача, сидел на скамеечке без спинки рядом с капитанским мостиком, оперев голову о спасательный круг, висевший на перилах, и смотрел на город.

Зулейха рассмеялась и сказала, указывая на него мужу:

— Наш доктор похож на ребенка...

— Он вовсе не наш судовой доктор. Я сказал так шутки ради. Он поплывет с нами до Гёльюзю, а оттуда отправится в Гюльнар... Единственный попутчик на нашем пароходе, — произнес Юсуф без тени улыбки.

— Разве такой пожилой человек еще может быть практикующим врачом?

Юсуф глубоко вздохнул:

— Этого я и сам не знаю. Не важно, как этот бедняга одет и в каком состоянии он сейчас. Но это добрейшей души человек, каких мало. Эмин-бей майор в отставке. У него не осталось никого кроме единственного сына. В течение многих лет он ездил по Анатолии с практикующими врачами, зарабатывал деньги на образование для сына, чтобы тот смог учиться сначала в Стамбуле, потом во Франции. Наконец его сын стал дипломированным инженером и устроился в Стамбуле на хорошую должность. А Эмин-бей несколько лет работал у нас в районе Гюльнар... И вот, когда его сын поселился в Стамбуле, доктор решил вернуться в родные места. Наконец-то отец с сыном могли жить вместе. Но в день приезда несчастный отец узнал, что его сын умер в больнице Джеррахпаша во время операции на печени. После этого бедняга в той же больнице пролежал три месяца и, когда более-менее окреп, написал в Гюльнар письмо: «Меня больше ничто не связывает со Стамбулом. Если мое место еще не занято, я возвращаюсь». Ему ответили: «Приезжай, мы что-нибудь найдем». Никто ведь не знал, насколько за эти три месяца сдал доктор, человек с прекрасным характером, которого они все так уважали. Не знаю, как все сложится, но мы его взяли на борт, отвезем. Если им что-то не понравится, попробуем чем-нибудь помочь ему сами.

— Как он вглядывается в Стамбул.

— У него на то свои причины... Ведь он расстается с ним навсегда...

Зулейху восхитила забота и дружеское сочувствие, которые выказывал ее муж старому и чахлому старику.

А Юсуф, будто разговаривая сам с собой, продолжал:

— Боль, всегда остается болью. Но бедняге пойдет на пользу долгое морское путешествие. Он сможет от решиться от всего. Пускай успокоится, обретет душевное равновесие...

Зулейха чуть вздрогнула, и это движение не ускользнуло от внимания мужа.

Так, значит, вот оно что! Юсуф думал, что это путешествие поможет им обрести покой и тишину, которых так жаждали их истощенные души и которые все глубже и глубже точил невидимый червь.

Матрос с редкой черной бородкой и рваных ботинках, направлявшийся зажечь фонарь на флагштоке, случайно задел шезлонг Зулейхи и получил от Юсуфа нагоняй. Эта грубость так не вязалась с сердечностью, которую тот минутой раньше проявил к старику.

Накричав на матроса, Юсуф обратился к Зулейхе:

— С вашего позволения, я на минутку отлучусь в камбуз... Вообще, человек, который занимается стряпней, справляется неплохо... Но вот над обслуживанием стоит немного поработать...

Зулейха сидела под навесом, который, как сказал ей муж, был сделан специально для нее. С каждой стороны тента, что днем защищал ее от солнца, а в ночное время от измороси, находилось по веревке. С помощью них всегда можно было закрыть ту сторону, откуда светило солнце или дул резкий ветер. Для Зулейхи, которая не могла спуститься вниз в жаркое полуденное время, этот тент служил своего рода палаткой.

Через пять-десять минут Юсуф вернулся с молодым пареньком в белом фартуке. В руках парнишка держал поднос с тарелками и стаканами, а Юсуф — полотенце.

Дурачась, Юсуф легко согнулся в поклоне:

— Знакомьтесь, наш гарсон Халиль, а я метрдотель. Гарсон не знает всего церемониала... Вместе с тем он несколько месяцев был слугой в питейном доме... Не

так ли, Халиль? Он житель Митилини*. Ты, наверное, не знаешь, кто такие эти митилинцы? С недавних пор так называют жителей Мидилли... Как там твоя нахийе** называлась, а?

— Нахийе Йере...

— Так вот, Халиль из этого местечка... В тайне от всех он просто бредил Анатолией, где у него водились какие-то родственники. Так вот, собрал он как-то вещички в котомку и рванул на наши просторы на рыбацкой лодке, отдышался уже в Айвалыке***. Но наверняка была и другая причина для бегства. Кто знает, может быть, ты кого-нибудь зарезал, а, Халиль? Правду говори... А то проверю, тебе же хуже...

Халиль был похож на джинна. Работа спорилась у него в руках. Пока он накрывал скатертью столик Зулейхи, Юсуф принялся настраивать радио. Халиль принес на стол только один прибор.

Юсуф объяснил и это:

— Ты будешь обедать одна. Думаю, ты не станешь сильно противиться, если я пропущу с капитаном пару рюмок раки****... Не бойся, что капитан опьянеет и что-нибудь стряется. На этот случай у нас имеется помощник капитана. Как я уже сказал, все продумано до мелочей...

Зулейха впервые за много дней поела с аппетитом.

---

* Митилини – город на острове Лесбос, который до 1912 г. принадлежал Турции и, соответственно, его жители считались турецкими подданными.

** Нахийе – самая маленькая единица территориального деления османской Турции.

*** Айвалык – город на побережье Эгейского моря, расположен напротив острова Лесбос.

**** Раки – анисовая водка.

Глава вторая

Свежий ветер, который капитан с деревянной ногой называл «бора», раскачивал судно.

Ночь была темной, над водой висел легкий туман. Зулейха погасила лампочку над головой. Вода рядом с бортами судна светилась фосфорическим блеском, легко пузырилась и исчезала впереди, растворяясь в темноте ночи. Юсуф больше не подходил к жене. С того места, где лежала, Зулейха под светом подвешенной лампы видела, как он пил с капитаном раки, и взгляд ее то и дело обращался в его сторону.

То, что, несмотря на прохладу, Юсуф скинул пиджак и сидел в одной рубашке, а при разговоре резко размахивал руками, свидетельствовало, что он выпил лишнего.

Всякий раз, когда между Зулейхой и мужем происходили ссоры, она повторяла:

«Когда вы выезжаете на прогулку в хорошее место, разве нельзя любоваться красотами природы и развлекаться без того чтобы мужчины, напившись, не устраивали потасовку, а женщины, запалив хворост, не готовили еду в непроглядном дыму?»

Одной из отрицательных черт характера Юсуфа была его чрезмерная демократичность.

«Когда вы злитесь, некоторым несчастным от вас порядком достается. Я ваше поведение понимаю только до определенной степени. Да, вы внук землевладель-

---

* «Бора» (также известный как «борей») — резкий северный ветер, дующий со стороны побережья на Эгейском и Средиземном морях.

ца. Тяга притеснять всех живет в вас с рождения, так же как и потребность в еде и питье... Но при этом проходит совсем немного времени, и вы уже, совершенно не стесняясь, ведете себя как равный с людьми более низкого социального слоя. Вы едите с ними за одним столом, гуляете в полях, взявшись за руки. Вот этого-то я никак понять не могу».

Зулейха вспомнила ссоры, которые она устраивала во время медового месяца, стремясь сделать из этого провинциала актера, достойного исполнять первые роли в кино под стать себе, и улыбнулась собственному ребячеству.

Этой ночью недостойные развлечения Юсуфа с капитаном с деревянной ногой на этом дряхлом колеснике ничуть ее не трогали. Зулейха смотрела на это как на приключенческий фильм о море и чувствовала полное безразличие и спокойствие.

Сейчас ей было абсолютно все равно, что делал этот человек, к которому она больше не чувствовали симпатии и которого почти успела забыть.

***

Детство Зулейхи прошло в Стамбуле. Ее отец был военным. Раз в несколько лет он заезжал в Стамбул и, пробыв с семьей три-четыре недели, возвращался в часть.

Когда после перемирия началось восстание в Анатолии, Зулейха вместе с матерью и одной из теток, скончавшейся потом от туберкулеза костей, осталась совершенно одна.

Слава Аллаху, что брат ее матери, Шевкет-бей, частенько их навещал в их домике в Куручешме*. Он следил, как велись дела, а иногда на несколько недель привозил их погостить в свой особняк в Эрэнкее**.

Шевкет-бей к тому времени был крупным чиновником в министерстве иностранных дел. Каждый раз,

---

* Куручешме – район в округе Бешикташ на европейском берегу Босфора.

** Эрэнкее – район на азиатском берегу Мраморного моря.

приезжая в Куручешме, он прямо с порога задавал один и тот же вопрос: «Есть ли новости от безумца?», и, по большей части получая отрицательный ответ, добавлял, тяжело вздыхая: «Эх, и себе худо делает, и бедному ребенку».

Безумцем дядя Зулейхи называл Али Османа, ее отца. Шевкет-бей очень любил племянницу. Но эта любовь не мешала ему считать безумцем человека, который поверил в мечту о том, будто можно выдворить за пределы страны самую организованную армию мира, имея в качестве вояк кучку крестьян, у которых вместо оружия в руках палки да сохи. А сейчас эту разрушенную и поверженную страну могла спасти только дипломатия. Но сумасбродство этого человека лишало страну и этой надежды и копало большую могилу несчастному Османскому государству!

Мать Зулейхи очень боялась, что ребенок будет переживать, избегала подобных разговоров в ее присутствии. Но Зулейха достигла уже того возраста, когда все понимала. И каждый раз, когда упоминалось имя ее отца, как будто говорили о больном или покойнике, — она чувствовала необходимость сделать грустное лицо. Она многому научилась, слушая разговоры дяди и остальных.

Все, что находилось за горами, являлось совсем другим государством. И людям, которые пересекали границу, не было хода назад, в эти прекрасные земли. Ее отец находился где-то в стороне Аданы. Там он или погибнет, или, если судьба ему поможет, не погибнет, бежит в неведомые земли. А вскоре его имя забудется и не останется памяти о нем.

Зулейха много раз сравнивала отца со старшим братом матери. Насколько же Шевкет-бей, несмотря на возраст, был более современным, умным и образованным человеком! А как ее дядя заботился о семье. Даже враги уважали его. Французы, которые пытались убить ее отца в Адане, здесь ходили с дядей под руки, звали его на вечера и балы в посольстве, а если ему нездоровилось, то через иностранных офицеров справлялись

о его здоровье. Вот какая разница была между этими двумя людьми!

Один их молодой родственник имел смелость поднять руку на французского полицейского, который хотел обыскать его. Наказанием для человека, вдруг оказавшему сопротивление военнослужащему страны-победительницы, могла быть и смертная казнь. Но когда Шевкет-бей узнал о случившемся, он сразу отправился в посольство к Перно, потом помчался к генералу Франшу д'Эспере* и выпросил для молодого человека помилование.

У Зулехи не было времени по-настоящему узнать своего отца. Нельзя сказать, что она не любила этого уставшего и издерганного военного, с каждым годом выглядевшего все более постаревшим, когда он изредка приезжал в Стамбул. Как многократно повторяла их учительница в колледже мисс Лорлей, любовь к родителям — это добродетель и святая обязанность каждого. Изредка летними вечерами либо в садах Бебека**, слушающая красивую музыку, либо в лунные ночи катаясь на лодке по проливу с друзьями по колледжу, Зулейха вдруг неожиданно вспоминала об этом бедном человеке. В те редкие минуты ей становилось очень грустно, и иногда она даже плакала. Но эти навязчивые состояния совсем не походили на переживания в душе, которых так опасалась ее мать и которые ощущаешь, когда читаешь красивое стихотворение или роман.

Дом Зулейхи походил на больницу. В нем запрещалось быстро ходить, громко смеяться и распевать песни. В такой семье, где отец все время находится далеко, а мать всегда задумчива и молчалива, казалось, невозможно быть счастливой. На самом деле все обстояло

---

* Франше Д'Эспере Луи Феликс Мари Франсуа (1856–1942) – французский генерал восточной группы армий союзных войск Антанты на Балканах.

** Бебек – район на европейской стороне Стамбула, в начале XX в. район славился прекрасными садами с акациями, плакучими ивами и розами.

иначе. И к тому же, как говорила мисс Лорлей, Зулейха являлась смелым ребенком, который не позволит жизни себя подмять.

У Зулейхи была насыщенная жизнь: уроки, спорт, развлечения.

Днем она занималась в колледже, а вечера проводила с друзьями. Они бывали на вечерах, которые организовывали в садах или в салонах, или же вместе с армянскими и греческими девушками, выросшими в их районе, шли на море и гуляли по побережью. В субботу не успевала она выйти из школы, как непременно отправлялась в особняк в Эренкёй, а утром в понедельник первым поездом возвращалась в школу. А там, у дяди, были и другие развлечения. И короткие, и длинные каникулы тоже проходили в Эренкёе. Можно сказать, что домой Зулейха заезжала как в гости.

Голова ее была забита идеалами, взятыми из наставлений мисс Лорлей, прочитанных американских романов, преподавательниц-американок, армянских девушек, которым удалось проучиться три-пять лет в колледже, найти дорогу и улизнуть в Америку. И, постоянно повторяя фразы из книг вроде «каждый должен жить своей жизнью», «никакие привязанности не должны стать теми оковами, которая помешают нам идти дорогой нашего счастья», Зулейха презирала турецких девушек, привыкших держаться за юбку матери и зависевших от подачек мужей.

Преподаватели-американки вселили в нее смутную надежду, что если она хорошо закончит колледж (даже при условии, что семья будет против), — сможет поехать в Америку за счет школы. Поэтому Зулейха жалела бедных турецких девушек, которым придется по-прежнему жить в полуразвалившихся домишках рядом с проливом.

В это время ярмарка на стороне пролива, где жили греки*, являлась самым оживленным местом. По вечерам там можно было увидеть иностранных военных, гу-

---

* Бейоглу – район Галаты в Стамбуле, где селились иностранцы.

лявших под руку или танцевавших с местными гречанками и армянскими девушками в ресторанах, украшенных разноцветными флагами. Когда темнело, на броненосцах вспыхивали электрические огни. Можно сказать, что обитатели пролива уже много веков не видели подобного светящегося великолепия на море.

Зулейха обычно просыпалась в полночь от звуков шарманки и гитары и видела, как на побережье вновь загорались огни. Это было знаком, что в Анатолии одержана еще одна победа и что новую рану получили войска доживающих последние дни оборванных и безоружных партизан!

Зулейха в эти моменты думала о том, что и ее отец мог быть убит, и, несмотря на веселье на улице, сердце ее сжималось от тоски. По воскресеньям в церкви, куда приводили турецких детей, только чтобы привить им вкус к музыке и стихам, она повторяла про себя одну из исполняемых под орган молитв — за этого несчастного человека, который приносил в жертву пустым мечтаниям и себя, и своего ребенка.

Но все это веселье с шарманками и гитарами оборвалось в самый неожиданный момент.

Исчезли флаги с ресторанов в Арнавуткёй, погасли электрические огни.

По ночам набережные окутывала крошечная тьма.

Иностранные офицеры больше не прогуливались по улицам под руку с армянскими девушками и гречанками. Они лишь быстро пробегали, не смотря по сторонам, как будто у них вдруг появились неотложные дела.

Каждое утро, обратив взгляд на море, Зулейха видела, что там стало еще на несколько броненосцев и торпедоносцев меньше. В районе началась тихая паника, потоком потянулись переселенцы. Некоторые знакомые Зулейхи, а также многие школьные друзья запирали дома и уезжали во Францию, в Грецию и другие страны. Вместо переселенцев по районам стали рассказывать офицеры правительственных войск в устрашающих папах.

В одежде этих офицеров не было того лоска, что у тех, других. Однако когда Зулейха смотрела на них, в сердце она ощущала еще неведомую ей прежде гордость. А думая о приближении того дня, когда среди этих внушающих уважение и благоговение людей она увидит отца, у нее на глаза наверчивались слезы.

Однажды утром Зулейха увидела, что в Мраморное море выходят последние броненосцы, а на следующий день в саду своего дяди в Эрenkее уже наблюдала за тем, как первый анатолийский батальон входит в город через Багдадский проспект.

Все жившие в поместье и взрослые и дети — бежали к ограде. И пока проходили военные, Шевкет-бей, взрослый человек, буквально с ума сходил от радости и со слезами на глазах восклицал: «Разве могли мы верить, что Аллах даст нам дожить до этих дней?»

Время кровопролития наконец закончилось, и началось перемирие.

По-настоящему ценные командиры, которые добились этой победы, могли теперь считаться спасителями родины. Ведь они поняли всю тонкость политической обстановки и, не впадая в крайности, доказали, что всего можно добиться одними лишь дипломатическими путями.

Для Зулейхи это был очередной пример, подтверждавший, человеком каких способностей и моральных качеств был ее дядя!

Шевкет-бей отправился нанести визит паше* правительственных войск, которые разместились на улице Диван-Йолу** в Шарк Махфели, и встреча прошла весьма успешно. Пожилой дипломат достал из рамки фотографию своего друга генерала Пеле, им же подпи-

---

* Паша — почетный титул, который султан мог присвоить губернатору или генералу. Примерно соответствует «сэру» или «господину».

** Диван-Йолу (Divan yolu досл. С тур. Дорога к Дивану), Диван (ист.) — Совет министров в Османской Турции. Улица, по которой проезжали на заседания Дивана.

санную, и на ее место вставил фотографию паши, которого счел весьма неглупым человеком.

***

Зулейха два месяца с нетерпением ждала возвращения отца. Если раньше она стеснялась упоминать его имя, то сейчас носила на шее медальон с его фотографией, оставшейся еще со времен Балканской войны*. И ночью, лежа в кровати, подносила его к губам и целовала.

Отец, на Балканах бывший всего лишь майором, сейчас носил звание полковника. Как, должно быть, преобразили его внушающая трепет папаха на голове и отличительные знаки полковника на лацканах!

И вот по вечерам — как несколько месяцев назад гречанки и армянские девушки с иностранными офицерами — она будет гулять с ним по берегу моря и сидеть в кофейнях. А потом отец с дочерью поедут на автомобиле за покупками в магазины Бейоглу. И ее отец станет прохаживаться по магазинам, концом нагайки ударяя себя по блестящим сапогам, а все эти армянские и греческие продавщицы, любящие выставлять локти на прилавки, будут стоять перед ним прямо как свечи!

В подобных мечтаниях прошло без малого два месяца, и вот наконец пришла долгожданная телеграмма.

Встречать отца поехала вся семья. Но на станции Хайдарпаша** из вагона вместо полковника в каракулевой папахе и начищенных сапогах вышел седой старик с нездоровым цветом лица и в поблекшей одежде. Из-за худобы на шее у него выступал кадык, белки глаз пожелтели. И вдобавок к этому рука его покоилась в грязной повязке, висевшей у него на шее.

Зулейха готовилась плакать, уткнувшись щекой в орден на отцовской груди. Но тут подумала, что и ра-

---

*Балканская война (1912–1913 гг.) — война Балканского союза (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) против Османской империи.

** Хайдарпаша — вокзал в азиатской части Стамбула, начальная точка железной дороги в Анатолии.

неной рукой вернувшегося с войны человека можно гордиться не меньше, чем любыми орденами, и зарыдала, обнимая отца за плечи.

***

— Я надеюсь, что болезнь ваша пустячная, не так ли? Вы ведь позаботились, чтобы вас хорошо обследовали?

— Болезнь? Да ничем я не болен... Просто в Адане подхватил болотную лихорадку... Может, селезенка да печень чуть хуже работают... Все пройдет, ничего страшного...

— А что у вас за ранение?

— Ранение? Что за ранение? А, это вы о руке... Это не ранение... На улице упая... Так, локоть немного ушиб... Но это не страшно, заживет...

Несмотря на то что прошло уже столько лет, Зулейха не могла вспомнить этот разговор между отцом и дядей без того, чтобы не рассмеяться или разозлиться. О Аллах, что это был за простодушный, тихий и кроткий человек! Хотя он столько лет сражался в Анатолии со смертью, столько всего перевидал, но не мог вспомнить ничего, что рассказать. Он стеснялся назвать болезнью тот страшный недуг, который подхватил, когда боролся за жизнь, с какими только мучениями и лишениями не сталкиваясь в тех болотах! И рана у него на руке или перелом пусть и была от падения, но все же могла считаться ранением, полученным на войне. А если он не находил, что отвечать тем, кто про это спрашивал, то лучше бы просто молчал. А говоря, что упал на улице, он выставлял себя посмешищем, считал, что не имеет права гордиться ранением даже перед членами своей семьи.

Возвращение Али Осман-бея в Стамбул совпало с периодом подавленности и переживаний Шевкет-бея.

В первое время отношения между пожилым дипломатом и командирами в Шарк Махфели шли очень хорошо. Но молодой паша, который поначалу относился к Шевкет-бею с умом и пониманием, сейчас,

поддавшись интригам непонятно каких клеветников, изменился. Шевкет бей, завоевавший дружбу и Пеле, и Франше д'Эспере, делал для родины все, что мог, в сложное для страны время. Он, уже старик, таскался на все эти чаепития и балы в посольстве только лишь потому, что стремился узнать обстановку в высших военных кругах и старался обратить все в нашу пользу. Только благодаря дружбе с Пеле и д'Эспере он спас от тюрьмы, а может быть, и от смерти стольких соотечественников! Вот этого они никак не могли уяснить. Он не обращал на это внимания. Но окружение паши привязалось к ложным идеям и в основных вопросах, касающихся высших интересов родины, например, когда в Высокой Порте* было столько влиятельных дипломатов, собаку съевших в вопросах политики, посылали делегатами в Лозанну военного и доктора**!

А дядя оказался плохим только по той причине, что не стеснялся открыто говорить правду. И теперь только из-за этого расхождения во взглядах Шевкет-бей выпал из политической жизни и принял решение остаток жизни провести в своем особняке, посвятив себя исследованиям. Но хотя он и решил не во что больше не вмешиваться, каждый раз, встречаясь с мужем сестры, бывший дипломат не мог удержаться, чтобы полунамеками не поиздеваться над ним.

Зулейха с большим удовольствием слушала эти разговоры. Не было сомнений, что во многих отношениях ее дядя превосходил отца. Зулейха считала справедливой критику в адрес командиров, которые упрямылись признавать, что военное дело это одно, а управление и дипломатия — совсем другое. Но когда чуть погодя она узнала, что кроме легкой раны на руке у ее отца есть еще три ранения — на бедре, в нижней части живота и на груди, поняла, что и этому во-

---

* Высокая Порта — одно из названий Османской империи.

** Здесь: генерал Исмет-паша Инёню и министр здравоохранения Рыза Нур.

енному было что ответить на все вопросы, которые ему задавали.

Но Али Осман очень внимательно слушал брата жены, ученого и патриота, и только, будто чувствуя за собой какую-то вину, склонял голову к груди.

Рану на груди Али Осман получил еще два года назад. Но она до сих пор беспокоила его, хотя и была с игольное ушко. И почему доктора придавали столько значения гнойному прыщику, который, после того как капельку гноя, выступавшую на нем раз в несколько дней, счищали ватой, был неотличим от укуса блохи?

Али Осман продолжал ходить в Гюльхану два дня в неделю на протяжении всех двух месяцев, что оставался в Стамбуле.

Но на этот раз он был полон решимости перевезти в Анатолию все семейство. Вот только тете Зулейхе стало заметно хуже в последние месяцы. Семья не могла переехать в Анатолию, оставив в Стамбуле умирающую.

Поэтому на новое назначение полковником в Конью Али Осман-бей вынужден был уехать один.

***

Четыре-пять месяцев спустя Муневвер-ханым, оставшись в доме в Куручешме с дочерью одна, уехала в Конью. Эти последние три года, которые Зулейхе оставалось прожить в Стамбуле до окончания колледжа, стали самыми счастливыми годами в ее жизни.

Выходные Зулейхи по-прежнему проходили в особняке в Эренкёе. Вышедший в отставку Шевкет-бей тихо ненавидел республиканское правительство, которое упорно не желало принимать его точку зрения. Но это не помешало ему, больше чем кому-либо, наслаждаться жизнью в новой эпохе. Он часто организовывал в доме вечера с танцами, скорее даже балы, и тем самым стремился приучить к светской жизни свое окружение, приглашая в том числе и обеспеченных друзей.

Старый дипломат, казалось, передумал посвятить себя исключительно науке и исследованиям.

Он говорил Зулейхе, которой к тому времени исполнилось уже восемнадцать:

— Что ж мне делать, раз они не дают мне быть полезным моему государству другими способами. Вот и займусь тем, что буду учить своих соотечественников основам и тонкостям современного светского общества. А это нелегко — обучить средневековое общество жить по-человечески. Мы немногого достигли, лишь позволив женщинам открыть лицо, вот если бы мы превратили их в настоящих европейек! Я имею в виду образованность, умение вести себя в обществе...

В пору своей юности, будучи в Европе, Шевкет-бей несколько лет занимал должность посольского секретаря и благодаря этому был на короткой ноге с иностранцами в Стамбуле. Он хорошо изучил все изыски аристократической и роскошной жизни.

При подготовке к вечерам старый дипломат много внимания уделял должному оформлению столов с закусками, критиковал не только наряды и танцы, но даже выражение лица и движения присутствующих. Тех, кто не знал, как вести себя в светском салоне, он заставлял этому учиться.

На собственные деньги Шевкет-бей выписал преподавателя для клуба, который открылся в их районе, и тот бесплатно давал уроки фокстрота и танго тем, у кого на это не было средств.

Когда Зулейха заметила, что известные люди советуются с ней, какие платья нужно заказывать к определенному сезону и какие лучше всего к этим платьям подходят шали и сигаретницы, она начала задирать нос.

Количество последователей Шевкет-бея возросло настолько, что он собрал вокруг себя некоторых своих учеников и стал давать уроки.

— Раньше молодому мужчине доводилось посмотреть на женщину разве что через замочную скважину или через щель в деревянной перегородке, а сейчас он может преспокойно взять даму под руку и потанцевать с ней. Это большой шаг вперед. Но не стоит забывать, что этот шаг первый. Другими словами, пустая рамка.

А вот заполнить эту рамку цветной росписью и орнаментами цивилизации, знаете как тяжело? Вот, скажем, во время танцев иногда разговаривают, так нужно. Но вот о чем беседовать? Переливать из пустого в порожнее старые сплетни?

Нет, разговор, происходящий в это время между кавалером и его дамой, это своего рода язык музыки и танца, или, говоря иными словами, *parole**. Минуты, проходящие в музыке и танце, это время, в которое имеют склонность медленно, словно устричные раковины, раскрываться самые закрытые сердца и обнажать все свои тайны... В эти минуты из любого человека выплескивается либо вся утонченность, либо же вся грязь его души. Минуты музыки и танцев — короткий миг взаимопонимания между душами мужчины и женщины.

И вы думаете, что нужно говорить об одном и том же и во время быстрого фокстрота и во время медленного танго? Не тут-то было, никогда... Разве допустимо, чтобы человек, опьяненный жизнью, чувствующий и думающий, говорил об одном и том же? Пока идет танец, не достаточно только прислушиваться к ритму музыки и подстраиваться под него. Вы будете слушать *phrase musicale*, или, если позволите мне перевести, музыкальную фразу и под нее подгонять движения вашего тела и души.

Хотите несколько примеров фраз, которые может сказать своей даме кавалер, знающий толк в фокстроте и танго?

Зулейха просто восхищалась дядей, когда тот, словно режиссер в театральной труппе, обучающий новичков ролям, любовно повторял шаблонные фразы, дополняя их жестами и мимикой.

Зулейха на этих уроках была отличной помощницей своему дяде.

Шевкет-бей, немного с пренебрежением относившийся к собственным детям, считая их неспособными, не мог налюбоваться на Зулейху.

---

* *Parole (фр.)* — слово.

— Девочка моя! В тебе есть изюминка. Ты ни на кого не будешь похожа. Но нужно заставить тебя немного иначе взглянуть на это твое, возможно, чистое и здоровое, но все же немного чрезмерное увлечение всем американским.

Каждый раз, когда разговор заходил о важности воспитания, пожилой дипломат напускал на себя серьезный и задумчивый вид и выдавал племяннице несколько французских романов, которые крайне тщательно отбирал в своей библиотеке.

***

Три лета подряд Зулейха проводила каникулы в разных вилайетах. У этих путешествий были и приятные стороны.

Когда-то давно американцы привили ей веру в то, что больше всего на свете люди цивилизованные любят путешествовать. Анатолия, хотя и не таила в себе чудес и неизведанных открытий, как Китай или Гавайские острова, все же была местом, которое следовало посмотреть. Ведь, в конце концов, это была ее родина.

Кроме того, сама мысль влиться в местную среду в качестве дочери командира, которого чтили, льстила ее самолюбию.

Когда Зулейха пила чай с несколькими военными — друзьями отца — в построенном солдатами парке полуразрушенного и бесцветного поселка, то воображала себя английской мисс из приключенческого фильма, которая приехала в колониальные владения, чтобы навестить отца. Благодаря этим мечтам на какое-то время окружающие ее предметы казались ей прекрасными и поэтичными.

С давних пор лучшим развлечением Зулейха считала конные прогулки. Девушка просто умирала от зависти, когда вечерами по дороге в Бебек или Бююкдере ей случалось встретить иностранок верхом.

Мечта Зулейхи стать амазонкой в полной мере воплотилась в Анатолии. Девушка чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы радости каждый раз, когда

она садилась на лошадь, которую придерживал рядовой отца. А потом выезжала на конную прогулку посреди группы офицеров.

И наконец, на время пребывания в Анатолии дядя дал ей задание исполнять роль своего рода культурного миссионера. Если выросшие в светском обществе девушки, такие как она, не обучат их новой жизни, то кто же это сделает?

Зулейха в этом отношении являлась достойной ученицей своего дяди. И то, что он делал в Стамбуле, она делала здесь: часто устраивала в городских парках приемы и гуляния с танцами для девушек.

В Стамбуле Зулейха была девушкой неприметной и стеснительной. А здесь, осознавая свою важность, которая рождалась благодаря тому, что Зулейха во всем являлась первой, она уверенно брала все в свои руки.

Зулейха видела, что даже не притронулась к той груде книг и тетрадей, которые привезла с собой, и удивлялась, как же быстро пронеслись эти три долгих месяца.

К Зулейхе постоянно приходила довольно приличная компания друзей из городка. Девушка знала, что симпатичная и что нравится некоторым молодым людям из этой шумной кучки. Хотя они и не решались сказать об этом в открытую. Когда она в последний раз целовала отца и мать, то делала это с кокетливыми ужимками, будто целует всю эту дружную компанию. Быть любимой и обожаемой столькими людьми!

Зулейха, одна как перст посреди мрачного моря, горько улыбалась, вспоминая эти обещания жизни, которая начиналась теперь заново.

Глава третья

Прогулочный теплоход плыл, издалека сверкая огоньками, расположенными рядами, как фонарики на балкончиках минаретов в ночь Рамазана.

Зулейха продолжила думать, следя за этими постепенно удаляющимися огнями.

...Шли последние месяцы учебы в колледже, который она должна была закончить в тот год. Вот тут в мгновение ока и рассеялись ее мечты о поездке в Америку.

Али Осман-бей не соглашался, чтобы дочь получила высшее образование в университете, и желал, чтобы, как только она окончит колледж, возвратилась к нему. А в учебном заведении, где раньше ее обнадружили разговорами о том, что сможет отправить ее в Америку за свой счет, казалось, полностью забыли свои обещания. Последней надеждой был дядя, которому Зулейха все и рассказала, надеясь, что уж с его помощью точно удастся переубедить отца. Но Шевкет-бей без обиняков ей отказал:

— Дитя мое, ты знаешь, каких трудов стоит этому тихому и неразговорчивому человеку сказать даже самые элементарные вещи. Как бы мое вмешательство все еще больше не осложнило. Ты думаешь, я в состоянии понять, что делать дочке Али Османа в Селифке, с ее-то образованием? Как бы то ни было, один раз съездить туда на каникулы тебе придется. Может быть, придумаешь что-нибудь, переубедишь отца... Если нет, то что поделаться... Ведь он твой отец... Останется только смириться...

— Ты заснула? Не хочешь лечь?

Зулейха вздрогнула и открыла глаза. У изголовья стоял Юсуф.

— Сильно похолодало, как бы ты не простыла. Если хочешь, попрошу спустить тебя вниз.

— Нет-нет, все в порядке. Даже хорошо, что стало прохладнее. Волн не видно и в помине... Не беспокойтесь. Мне ничего не нужно.

— Ну, раз ты хочешь еще посидеть... В таком случае стоит поискать теплое одеяло...

— У меня уже есть одно...

— Не пойдет... Разве это одеяло? Оно что твой тонкий шарфик на шее...

Юсуф, раскачиваясь, спустился вниз и чуть погодя вернулся и принялся заворачивать жену в теплое одеяло, как обычно пеленают младенцев.

Зулейха, видя, что муж слишком пьян, а потому противоречить ему бесполезно, с улыбкой повиновалась.

На Юсуфе была только легкая белая рубашка. Зулейха хотела сказать, что большему риску заболеть подвергает себя он сам, нежели она. Но, испугавшись, что он усмотрит в этих словах участие или проявление нежности, промолчала. Юсуф, когда закончил, сказал:

— А сейчас я заставляю тебя послушать концерт. У нас в команде есть паренек с Сакыза*. Он прекрасно играет на багламе**. Не сравнится, конечно, с вашей высокой музыкой. Но, возможно, развлечет тебя минут на пять-десять.

Едва различимые далекие звуки струн долетали до слуха Зулейхи и раньше. Она прислушивалась к этому тихому звуку, который то терялся среди беспорядочных шумов, исходивших от винта парохода, и шоро-

* Сакыз — остров Хиос; с 1566 г. принадлежал туркам, в 1912 г. отошел Греции.

** Баглама — щипковый музыкальный инструмент вроде мандолины.

хов, доносившихся со стороны моря, то раздавался вновь.

Через какое-то время молодая женщина поняла, что это народная мелодия, которую играют на передней палубе на чем-то вроде тамбуры*.

Юсуф усадил человека, игравшего на багламе, на нижнюю ступеньку палубы, а сам вернулся к столику под капитанским мостиком.

Голос у бывшего жителя Сакыза был с хрипотцой, но приятный, удивительно подходивший на звуки баг-ламы.

Молодая женщина сначала слушала мелодию, которая напомнила ей тюркю**. Мысли ее витали где-то далеко, на губах играла улыбка. К музыке примешивались всплески воды и шум ветра, и Зулейху постепенно начало клонить в сон. С некоторых пор звуки инструментов вроде свистулек и багламы ассоциировались у Зулейхи с горами Анатолии. А сейчас в игре переселенца с Са-кыза они превращались в голос моря, островов и поросших водорослями скал.

Зулейха поднялась с кресла, потеплее закуталась в одеяло и, мелко перебирая ногами и держась за бортик, — качка ощущалась заметнее во время ходьбы — по-дошла к трапу.

Команда расположилась у его нижней ступеньки, вытянув ноги в сторону клетки с курицей. Тот паренек, что чуть раньше прислуживал Зулейхе за столом, присел рядом на корточки, подперев голову руками. В нескольких шагах впереди на крышке люка на спине, за-ложив руки за голову, растянулся рослый моряк. Во рту у него попыхивала сигарета.

Порой о низкий борт судна разбивалась волна, и ее мелкие, словно пыль, брызги летели Зулейхе на руки и лицо. Нога еще побаливала. Молодая женщина,

---

* Тамбур — восточный шестиструнный щипковый музыкаль-ный инструмент; общее название струнных щипковых инстру-ментов.

** Тюркю — турецкая народная песня.

чтобы лишний раз ее не тревожить, переступила на здоровую ногу и всем телом оперлась о железные поручни. Встав поудобнее, она вернулась к своим воспоминаниям.

Первый раз она увидела Юсуфа на станции в Енидже. Отец написал ей в телеграмме: «Сообщи мне, когда выедешь Стамбула. Приеду тебя встретить в Енидже. Оттуда вместе поедem в Силифке».

Когда Зулейха высматривала отца на станции, к окну вагона подошел высокий мужчина и сказал:

— Вы, должно быть, Зулейха, дочь Али Осман-бея.

На незнакомце была рубашка из плотного, цвета соломы, шелка, на голове — панама. Зайдя в вагон, чтобы забрать вещи Зулейхи, человек представился:

— Я глава муниципалитета Силифке... Служил у вашего отца во время войны... Вот и сейчас я опять ординарец и у меня новое задание. На этот раз отвезти вас в Силифке. Ваш отец очень занят, а потому не сумел приехать. Но он вам передал записку. Ну надо же, куда же я ее засунул?

Юсуф в поисках записки вывернул наизнанку карманы пиджака и брюк, перерыл в кошельке все бумаги.

— Эфенди, в этой записке было что-то важное?

— Да нет... Там было написано, что это я должен вас отвезти.

— Тогда почему вы так волнуетесь? Разве ваших слов недостаточно?

— Почем мне знать... Мы ведь не знакомы... Но, судя по всему, вы считаете, что достаточно... В таком случае — поехали...

Зулейха поняла, почему городской глава так переживал из-за этой записки, и помимо воли улыбнулась чрезмерности его беспокойства.

Юсуф не подходил к Зулейхе, пока они ехали до Мерсина, и шумно обсуждал дорогу, воду, землю и политику вместе с несколькими пассажирами в коридоре напротив купе.

Только однажды, на станции в Тарсусе*, он просунул голову в дверь купе, подарил ей несколько оловянных сувениров и наконец протянул записку, которую, как оказалось, записал за ленту на панаме. На станции в Мерсине их ожидал красный автомобиль с белой надписью «Гёльюзю» сзади.

Городской глава посадил гостью в машину, погрузил ее вещи, сам сел за руль, а рядом усадил мужчину с длинными седыми усами, в штанах-кюлотах**. Пока они ехали через город, Юсуф останавливался перед магазинчиками, чтобы прикупить что-нибудь. Он громко разговаривал, а точнее, обменивался приветствиями с теми, кто встречался им по пути.

Автомобиль был старый, остался еще от французов. Своей странной формой он напоминал дворцовый экипаж. Место шофера от остальной части машины отделяла стеклянная перегородка.

Каждый раз, когда городскому главе нужно было что-либо сказать своей пассажирке, он отодвигал стеклянную задвижку на перегородке. Это требовало от него значительных усилий, потому что задвижка открывалась и закрывалась с трудом. Юсуф злился и чертыхался про себя. Впрочем, за все время пути из Мерсина в Силифке, занявшего шесть часов, он заговорил всего несколько раз. Один раз, когда они притормозили перед банановым деревом, он дал ей краткую сводку о бананах, которые можно выращивать на этих землях. Второй раз они остановились в грязной кофейне. Здесь Юсуф сообщил, что они проехали ровно половину пути, и заставил Зулейху передохнуть минут десять. Заметив, что девушка не пьет кофе, которым их угостили, городской глава сходил в расположенный неподалеку сад и принес оттуда в платке несколько груш и целую охапку стручков рожкового дерева**. Указывая на

---

* Тарсус — город несколько восточнее Мерсина.

** Кюлоты — штаны, застегивающиеся под коленом (*Примеч. ред.*).

*** Рожковое дерево — растение семейства бобовых, плоды которого используют в пищу (как лакомство или как суррогат кофе).

занавешенные плющом окна полуразвалившегося постоянного двора, он сказал:

— Было время, из Мерсина в Силифке ездили на повозках. Тогда здесь оставались на ночевку. — Юсуф с любовью посмотрел на красную машину, которая в час преодолевала расстояние в двадцать километров.

И наконец, когда они остановились перед замком Кызкалеси*, он рассказал предание о подводном туннеле, который в свое время прокопали здесь римляне.

---

* Кызкалеси (Коридос) — замок между Мерсином и Силифке. Состоит из двух частей; первая была возведена на побережье в VI в., а вторая — XII в. — построена на 200-метровом острове. Раньше обе цитадели соединяла дамба.

Глава четвертая

Временами Зулейха навещала родителей в Анатолию. Ей там нравилось. Заброшенные деревни, бедные и непоэтичные поселки представлялись ей декорациями на сцене театра, которые сейчас есть, но через минуту исчезнут.

Убежденность в том, что она приезжает сюда как гостья и что ей не придется вновь увидеть ни одного лица, ни одного пейзажа, наполняла сердце приятной грустью. Зулейха чувствовала вкус эгоистичного сострадания и гордость за себя, когда думала: в то время как она двигается к далекой и блестящей, словно луна, неизвестности, столько несчастных проведут свою жизнь здесь, в глуши и темноте.

Но на этот раз в путешествии появилось нечто, что существенно отличало его от всех предыдущих. Было неясно, когда она сможет вернуться из этих мест обратно. А может, вообще проживет свой век, задыхаясь от безысходности, в мрачном и перекошенном домишке в деревне под галдеж детей.

Зулейха еще не достигла того возраста, когда человек в состоянии понять, что определенные стороны жизни могут изменяться гораздо быстрее, чем прикрытая дымкой мечтаний игра воображения. Она впадала в крайности — от надежды бросалась к полному отчаянию. Когда-то она представляла, что больше отец никогда не вернется, пропадет в этих горах, а сейчас с той же безнадежностью видела себя обреченной на пребывание здесь.

Зулейха не могла забыть горечь той десятиминутной остановки в грязной кофейне. Эти длинные засаженные настилы, растеленные поверх рассыпающихся кирпичных кладок скамей. Мутную воду, которая струйкой сочилась из-под них через колючки и мох. Сад вокруг, до самых стен бывшего караван-сарая* поросший сорняками и дудником**. Эти переплетенные стволы платанов, тополей и других деревьев, что росли напротив, почти закрывая часть неба.

Это место могло привлечь Зулейху только при условии, что здесь случайно остановилась по пути шумная кампания мужчин и женщин.

Девушка, закрыв глаза, на минуту представила себе сцену пикника. На дороге урчат машины и мотоциклы, рядом ходят всадники в блестящих сапогах, спортсмены с обнаженным торсом и длинными голыми ногами, недавно возмужавшие студенты со свежими, чистыми лицами. Накрывают на стол, расставляют на нем алюминиевые тарелки, раскладывают консервные банки, достают бутылки и термосы. В окнах, наполовину заросших плющом, мелькают мужские и женские головы. А между деревьями, как музыка, раздаются перекликающиеся голоса, звучат приветствия. Смелый любитель фотографировать пытается по шатающимся под ногами камням вскарабкаться на разрушенную стену. Поднимаются крики.

Да, только толпа развлекающихся молодых людей могла украсить эту жалкую и дикую природу и придать ей хоть какой-то смысл.

Вероятно, кто-то из жандармов взял багламу и затянул заунывную деревенскую тюркю. Голос певца казался Зулейхе гласом Анатолии, которая готовилась ее задушить, все сужая и сужая вокруг петли горных цепей.

---

* Караван-сарай — постоянный двор, место стоянки караванов с помещениями для людей и грузов (на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье) (*Примеч. ред.*).

** Дудник — растение семейства зонтичных с дудчатым стеблем; дягиль (*Примеч. ред.*).

В руке у нее была палка, которая досталась ей ценой ободранных в кровь пальцев.

Зулейха с пожелтевшим лицом, с побелевшими сжатыми губами, нервной походкой, как аист, вышагивала вокруг красной развалюхи-автомобиля и от злости хлестала палкой по траве.

***

И хотя все складывалось не лучшим образом, это не значило, что, для Зулейхи все закончилось. Дядя говорил, что, пока оставались силы бороться, была и капля надежды на то, что она переубедит несговорчивого отца и, возможно, даже сбежит в стамбульский университет.

Зулейха, скорее, из-за нетерпения заговорила с отцом в ту же ночь и тоном, не допускающим возражений, заявила, насколько важно получить высшее образование молодой девушке вроде нее.

Сначала казалось, что переубедить отца удалось. Время от времени он кивал. Но когда Зулейха, вся дрожа, наконец замолчала, он взял ее руки в свои и на весь поток слов ответил следующее:

— Не получится, дочка. Нехорошо будет тебе сейчас оставить нас с матерью одних.

Названная причина сразу ударила по слабой стороне дочери.

Но когда Али Осман-бей понял, что Зулейха восприняла его слова как проявление пустого отцовского эгоизма и собирается продолжить спор, назвал действительную причину:

— Ты сейчас находишься в том возрасте, Зулейха, когда закладываются основы твоей личности. Как бы то ни было, тебе нужно несколько лет побыть вне той среды...

Зулейха сразу догадалась, что отец подразумевал под словом «среда». Это та атмосфера, в которой она жила до сих пор, Стамбул и особенно окружение дяди.

Зулейха наконец с ужасом поняла, что попалась. Отец все продумал. Никакая сила более не могла сло-

мить упрямства этого тихого военного. Все усилия прошли бы впустую — как и те слезы, что были пролиты, чтобы в свое время заставить его отказаться от роли искателя приключений в Анатолии.

Этот человек, который раз в несколько лет между нескончаемыми сражениями на миг заезжал домой, любил своего ребенка, как любят детей друзья, к которым заходят в гости. И этот гость сегодня превратился в домашнего тирана, распоряжающегося ее жизнью.

Если бы Зулейха была чуть старше и смотрела не на беспокойство, читавшееся в глазах этого военного, а обратила внимание на синюшного цвета круги у него под глазами, она бы поняла, что и сейчас он был не более чем гостем.

Но она этого не заметила. И только жестко улыбувшись и скривив губы, произнесла:

— Папа, тебе не кажется, что ты немного опоздал?

***

Силифке был не мрачнее тех городков, в которых Зулейхе довелось побывать во время прошлых летних каникул в Анатолии.

Все те же виноградники, сады и реки вокруг. Ничего не изменилось.

Как и в прошлые годы, общества девушки искали семьи расторопных служащих и офицеров. Они старались вытащить ее на гуляния.

Зулейха осознавала, что вызывает любовь и восхищение окружающих да и просто стоит на уровень выше их всех. Эти мысли ее раззадоривали, но радость быстро угасала: примитивность и однообразие развлечений, обыденность обстановки и неискренность людей снова приводили ее в отчаяние.

Их дом стоял на верху склона, что спускался к берегу реки. На нижнем этаже находилась длинная выложенная камнем терраса. В конце террасы перед выходом на улицу у двери, стеклянные створки которой были всегда открыты, стояла цветочная кадка с пальмой и плетеное кресло.

Лето выдалось не в меру жарким и душным. Слуга в доме заставлял садовых работников безостановочно носить воду из колодца и лил ее на каменный пол.

Молодая девушка в полузабытье лежала в плетеном кресле, сцепив руки на затылке. Ее дыхание и циркуляция крови по венам, казалось, были столь же медленны, как движение колесника*, что медленно крутил лопастями в слабом течении реки.

***

Сейчас на палубе Зулейха, несмотря на то, что была закутана в толстое одеяло, чувствовала, как вся дрожит от северо-восточного ветра. Как огнем горит ее кожа, хотя лицо и руки мокрые от брызг.

До сих пор не понятно, что произошло, но тем летом со здоровьем Зулейхи случилось что-то неладное. Возможно, она перенесла нервное расстройство.

Али Осман-бей видел, что дочь отказывается пить и есть, а потому буквально изводил местного доктора. Каждый день по пути домой доктор заходил осмотреть Зулейху. Это был очень смуглый и толстый человек. Он носил широкую летнюю одежду из парусины, край его насквозь промокшей от пота накрахмаленной голубой рубашки вечно торчал из брюк, на которых всегда оставалась расстегнутой одна пуговица.

Доктор ходил неизменно в панаме, которую изнутри рядами выкладывал листьями винограда и инжира, потому что та плохо защищала от жары его лысую голову. Проходя через дверь с корзинкой, полной овощей и ягод из соседнего сада, он гремел на весь дом: «Маленькая ханым, ты еще не встала?»

Живость и зычный голос этого человека вызывали у Зулейхи необъяснимое отвращение. Она не отвечала на его вопросы, отказывалась есть приготовленные из принесенных им ягод угощения и ни в какую не давала себя осмотреть, упрямясь как ребенок.

---

* Колесник — судно, приводимое в движение гребным колесом (*Примеч. ред.*).

Бедному доктору приходилось складывать обратно в огромные, как сумки, карманы пиджака чистейшие шприцы, бутылки со спиртом, ампулы с новоизобретенным лекарством, которое он так нахваливал своим пациентам и о котором столько толковал научным языком, и уходить, чтобы назавтра в тот же час быть здесь.

Пару раз на террасу к Зулейхе заглянул Юсуф-бей и принес букеты, заказанные у садовника в городском парке.

Зулейха вспомнила, как в одном из писем дяде она писала о главе муниципалитета следующее:

«Ни один городской глава в мире не сделал для своей страны больше, чем он. С виду это статный молодой человек, которого даже можно назвать красивым. Но души у него нет. Он весь такой простой, заурядный и скучный. Всех разговоров только что о дорогах, воде, земле и районном бюджете...

У него есть поместье, оно называется «Гёльюзю». За пару послевоенных лет оно принесло ему немалый доход... Ему есть на что разгуляться... Говорят, что он и еще несколько крупных землевладельцев целой колонной ездили на автомобилях в Мерсин, по дороге стреляли из пистолетов, а в городе проматывали деньги в барах. Вот так исчезла большая часть его годовых доходов, оставшуюся он потратил на пустые затеи вроде выращивания бананов в своих земельных владениях. Сейчас у него вдруг проснулся интерес к политике... Кто знает, может, он планирует стать депутатом? Совсем забросил поместье, вот уже полтора года, как занимает должность главы этого городка. И что ни день, то партийные споры между почетными гражданами, служащими, членами районного меджлиса*, членами меджлиса вилайета и еще не знаю кем. Постоянные стычки и сплетни, как у школьников...

---

*Меджлис — название постоянно действующего законодательного органа, преимущественно в арабских и исламских странах (*Примеч. ред.*).

И вот в промежутках между этими бессмысленными собраниями, которые для него не представляют ни капли интереса, с дельными предложениями, весь в пыли, наш городской глава бегают туда-сюда, кричит, дает наставления, делает доклады. Он строит из себя человека, который улаживает вопросы мирового значения, не замечая всей смехотворности своего положения.

А если бы вы видели, как в иные дни, когда все вокруг плавится от жары, он надевает на голову цилиндр, цепляет на себя кокарды и другие знаки отличия и весь взмыленный отправляется на какие-нибудь торжества, то просто лопнули бы со смеху...

А еще наш красавец твердо придерживается идеи как можно быстрее модернизировать поселок. Заботится об электризации. Стараются организовывать приемы на открытом воздухе.

Как я уже писала выше, дядя, что каждый раз, когда я вижу этого молодого деревбя*, мне кажется, что вся косность, бесцветность и скука местной жизни предстают передо мной в образе человека».

— Зулейха, тебе не стоило вставать... Да и похолодало сильно. Тебе уже пора ложиться.

Молодая женщина открыла глаза. Музыка затихла, лампа на столике рядом погасла. Ветер все усиливался. Края белой рубашки Юсуфа хлопали по обнаженному телу.

— Хорошо, сейчас я лягу, — только и ответила Зулейха.

Прогулочный пароход вдалеке почти пропал из вида. Зулейха взглянула на него еще раз и стала спускаться по трапу в каюту.

Юсуф, хотя и был сильно пьян, бросился помогать жене, но стукнулся головой о штормовую крышку иллюминатора.

Включив свет в каюте, Зулейха увидела, как у него по лбу, между спутанными прядями спадавших на глаза

---

* Деревей — феодал, удельный властитель (*Примеч. ред.*).

волос течет кровь. Заметив это, Юсуф приставил руку козырьком ко лбу, будто стараясь скрыть смущение, и, отступив назад, сказал:

— Извиняюсь, ничего страшного... йодом помажу... спи спокойно... Если что нужно будет, позови... Я тут рядышком...

Глава пятая

В другом письме Зулейха писала дяде:

«Правда ли я болею? Не могу этого сказать. Температуры нет, нигде ничего не болит. Но я лежу с утра до вечера. Не поверите, но я даже ни разу не раскрыла французские романы, что вы мне прислали. Видели бы вы мою одежду... Мне не хочется ни причесываться, лень пришить оторвавшуюся от рубашки пуговицу. Я привыкла к тому, что ненавижу окружающих и даже вас. Это ведь верх неприличия не отвечать на вопросы, когда тебя спрашивают. Но я веду себя неучтиво: мне задают вопросы — я закрываю глаза и молчу.

И вместе с тем я не вполне уверена, что в моем упрямом молчании, которое все принимают за болезнь, нет умысла. Потому что, начни я отвечать, этим разговорам, которые что кирпичи, все одного цвета и размера, не будет ни конца ни края.

Еще мне тут страшно докучает местный доктор, которого пригласил мой отец. Не столько своими разговорами, сколько трубным голосом, который и любого здорового человека способен свести с ума.

Вы хорошо представляете себе, что за человек моя мать. Обычно, когда она одна, она что-то бормочет себе под нос, но когда рядом появляются люди, она не находит, что сказать. Когда-то вы назвали ее Королевой Неразговорчивых, лучшего прозвища и не придумаешь.

Больше всего меня удивляет, что, зная мою извечную говорливость, она даже не замечает моего ны-

нешнего молчания. Что до моего отца, то он тоже в своем роде человек, которого невозможно понять. Вчера, однако, он сказал нечто странное. Пришел на обед из казармы, снял мундир и сел рядом со мной. Он долго смотрел мне в глаза, а потом, смеясь, произнес:

— Зулейха, о скольком же ты, оказывается, можешь молчать!

До сих пор мне почему-то кажется, что его слова были полны глубокого смысла и догадок, которые, я не сомневаюсь, у него имеются. У меня по телу пробежали мурашки, как у голого человека в закрытой комнате, который думал, что находится один, но вдруг чувствует, что за ним наблюдают.

— Папа, я не поняла, что ты хотел сказать....

У него был такой вид, будто он и сам этого не знал. Отец отдал несколько маловажных распоряжений слуге, который пас лошадь перед дверью, выходявшей на улицу, и снова повернулся ко мне:

— Нет ничего удивительного в том, что ты плохо себя чувствуешь, Зулейха. Это все из-за перемены среды... Все твои потрясения от этого... Очень скоро все пройдет...

То же самое слово промелькнуло в словах отца в ту ночь, когда я приехала в Силифке.

Сейчас, когда я смотрю на себя в зеркало, то временами думаю, что отец был прав: у меня медленнее бежит кровь по венам. Тело пришло в согласие с разумом. Мне ничем не хочется заниматься. Волосы струятся вниз волнами и спутываются, брови заросли, кожа из-за отсутствия ухода покрылась веснушками. Я не помню, когда с удовольствием разговаривала или смеялась от души. Пройдет еще немного времени, и я привыкну к местной жизни, опущусь до уровня местных женщин.

На прошлой неделе к нам зашел городской глава и сказал, что в четверг вечером намечается современ-

ная свадьба: жених из знатной семьи, а вот невеста — дочь человека, работающего в нашем районном медресе. Но между двумя семьями случился спор. Родственники жениха хотят свадьбу турецкую, традиционную, а невесты — бал. Но мы договорились и решили принимать гостей в саду. На том и порешили. В общем, будут играть на сазе*, как на любой турецкой свадьбе, но и танцевать тоже...

— Даже саз будет?

Городской глава улыбнулся и сказал:

— Ну, вот еще. Привезем джазбэнд из Мерсина. Но дело не в этом. Мы собрали целый комитет, чтобы наметить программу вечера. В комитет входите и вы. Меня же прислали от имени города попросить вас оказать нам честь стать покровительницей этого комитета.

Я уже говорила, что разучилась разговаривать как все нормальные люди. Отвечая Юсуф-бею, я съязвила:

— Теми вещами, о которых я знаю, что они называются развлечениями, занимаются как хотят. Кто хочет — поет песни, другие играют или выпивают. Это все нельзя вместить в какую-то программу, а вы говорите «комитет»...

Городской глава сильно разозлился. Не будь рядом отца, он, возможно, нагрубил мне. Но этот самолюбивый молодой дерзбей в обществе отца почему-то всегда был в положении рядового. Скорее всего, таким и останется.

С печальным и несколько смущенным видом он ответил:

— Наша цель — окультурить встречи вроде этой. Конечно, насколько это в наших силах... Вы получили хорошее образование... И знаете все тонкости этих дел... Поэтому, думая, что вы не сможете нам отказать, научить нас вещам, которых мы не знаем... Но если вам это сложно...

---

* Саз — струнный щипковый музыкальный инструмент. Имеет грушевидный корпус с длинной шейкой (*Примеч. ред.*).

Тут его перебил отец:

— Зулейхе нездоровится, но это не помешает ей работать с вами. Скорее наоборот. Может, это встряхнет ее... Моя дочь всегда с любовью будет исполнять то, что от нее попросит город. Не так ли, Зулейха?

Я к тому времени уже успела пожалеть о том, что сделала. Раскрыв глаза, будто слова отца меня удивили, я подтвердила сказанное им:

— Конечно, папа... стоит ли в этом сомневаться?

Устраивать районный комитет для организации чей-то свадьбы и стать членом этого комитета!

И хотя не было на свете ничего смешнее того, чем приходилось заниматься, благодаря этой работе немногое оживилась. Я приходила в муниципалитет два раза. Меня усадили за стол главы муниципалитета. Один из членов комитета, судя по его виду, только недавно надевший тюрбан и отрастивший бороду, восклицал:

— Женщина среди местных делегатов! Просто переворот какой-то! — С этими словами он подносил руки к лицу, как во время молитвы.

Ему вторил местный адвокат, во время революции несколько лет занимавший должность депутата в меджлисе.

— Даст Аллах, наступит день, когда вы увидите женщин на всех высших постах. Ибо сейчас очевидно, что никакого добра от мужчин этому миру увидеть больше не придется, — пошутил он.

Как я потом узнала, этот депутат был немного оппозиционером (или из тех, кого вы называете недовольными; особой разницы между ними я не вижу). Но из-за того, что они над ним несколько раз издевались, а он, будучи по природе своей человеком ленивым и нерешительным, не отваживался говорить открыто, ограничиваясь такими вот полушутками-полунамеками.

Не странно ли, но человеком, который мне это растолковал, стал главный районный секретарь. За полчаса до этого он расписывал мне адвоката как

человека мудрого, образованного и приятного собеседника.

У адвоката во время разговора начинал дергаться один глаз — что-то вроде нервного тика.

Но он рассказал мне об этом сам:

— Ох, маленькая госпожа, ваш покорный слуга болен. Во время разговора у меня нет да и моргнет один глаз, будто знак подает кому-то. Как-то раз мне за это чуть не досталось от мужа одной женщины в Стамбуле. Вы, ради Аллаха, только ничего не подумайте, если я вдруг вам так подмигну.

И пока все присутствующие в комнате немного посмеивались, как будто стесняясь меня, он прибавил, поглаживая пальцами щеку с проступавшей седой щетиной:

— По правде говоря, положение таково, что мы не вправе сказать «да», даже если они будут нас умолять...

Чтобы ни сказал этот человек, волна смеха накатывала на всех собравшихся и прежде всего на самого главу муниципалитета. Каждый раз кто-нибудь обязательно говорил:

— Вот дает, шутник! Скажет так скажет!

Вы только подумайте, какой же пресной должна быть тут жизнь, что даже самые плоские острооты старика веселили лучше водевиля.

Кроме главного секретаря и тех людей, кого я перечислила, в комитет входили еще двое грузных мужчины средних лет да молодой человек лет двадцати восьми с густыми бровями и весь усеянный родинками.

Один из толстяков заведовал сельским хозяйством, другой был членом меджлиса в вилайете.

Эти два чрезвычайно похожих друг на друга человека сидели молча и, сложив усыпанные кольцами пухлые руки на выступавших животах, избегали смотреть мне в лицо и почти не шевелились. Они воспринимали меня только как женщину, а потому старались не смотреть, и их взгляды скользили по сторонам.

Все время, пока я с трудом доедала местное угощение — чернильного цвета мороженое из шелковицы* и последние куски пирога, они беседовали ни о чем.

Когда городской глава забирал у меня тарелку, он случайно пролил несколько капель растаявшего мороженого мне на юбку и весь сконфузился. Хотя я уверяла, что ничего страшного, он велел уборщику, принести тряпку и мыло и хотел уже было стереть пятно сам. Но тут понял, что не сможет сделать это, чтобы не дотронуться до меня, и в итоге сунул тряпку мне в руки.

Непонятно почему, но я вдруг начала смеяться. Чуть погодя главный секретарь, видимо желая быть любезным, сморозил неподобную фразу:

— Ба, а наша госпожа-то ведь как соловей разговаривает. Что за душа, а гордыни...

Наконец-то я поняла, в чем дело. Когда я только приехала в Силифке, гости просто наводнили наш дом. К части гостей я даже не вышла, так как полностью погрузилась в душевные переживания. Другую же часть, встретиться с которой меня принудила мать, я распугала своей нелюдимостью и молчанием. Все это послужило причиной того, что поползли слухи, особенно среди женщин, о том, какая я гордячка и сумасбродка.

Самым современным человеком из всех местных оказался опять-таки секретарь, из уст которого прозвучало официальное опровержение ходивших про меня слухов.

Самым молодым членом комитета был молодой человек с густыми бровями, о котором я уже говорила выше. Его звали Фикри**. Фикри-бея среди всех выделяли не только родинки, у него были слипшиеся из-за летнего зноя набрызганные бриллиантином*** выющиеся

---

* Шелковица — южное плодовое дерево семейства тутовых, листья которого служат кормом тутового шелкопряда; тутовое дерево (*Примеч. ред.*).

** Зулейха не случайно подчеркивает имя героя — в переводе с арабского «Фикри» означает думающий, мыслящий.

*** Бриллиантин — препарат на жировой основе, который придает волосам блеск и гладкость за счет их слипания (*Примеч. ред.*).

волосы и золотые зубы. Человек, который мне его представил, сбивался со счета, перечисляя все его достоинства и умения. Выяснилось, что он играет на кемане*, на уде**, рисует и, конечно же, пишет картины маслом, фотографирует, увлекается кино, ремонтирует любые механизмы и мебель, клепает.

Начинания Фикри-бея — а он в течение нескольких лет успел побыть дорожным подрядчиком, заняться фотографией и поработать преподавателем гимнастики, — не встречали поддержки у народа. Каждый раз предприниматель сворачивал свои дела с тем же успехом, с каким за них брался. И вот теперь вместе с современным рестораном и лавочкой по продаже канцелярских принадлежностей он управлял еще и чем-то вроде универсального магазина под названием «Ичель Бюкети». В магазине можно было найти любые новинки — от электрических ламп, пластинок с турецкими и европейскими мелодиями и женских чулок до обуви и головных уборов.

В комитете мне рассказали не обо всех подвигах Фикри-бея, об одном сочли правильным умолчать. Но и он был мне известен еще раньше благодаря одной болтушке, что приходила к нам домой, — о его донжуанстве.

Девушки городка все никак не могли поделить Фикри-бея, и каждый раз, когда собирались компанией больше двух, беседа, вне всяких сомнений, заходила о нем.

Предприниматель и сам знал о своем успехе у женской части населения и постоянно жаловался, приговаривая, что «честное слово, наступит день, и они меня в горы силком утащат».

Фикри-бей сам рассказал, как он распознает женщин, которым нравится:

— Если я вижу на улице, как женщина обратила внимание на то как я, вот как сейчас, приподнимаю одну

---

* Кеман — турецкая скрипка.

** Уд — струнный щипковый инструмент.

бровь и краем глаза окидываю ее взглядом, то я обязательно с ней пошучу. Что-нибудь вроде: я вот рассказываю, а ты слушай да на ум мотай. Если это не проходит, делаю вид, что иду своей дорогой, а сам в это время читаю газель*. Если и это не помогает, то все. Я пас. И вина тут не моя, просто у этой девушки нет сердца.

В комитете кроме Фикри-бея больше ни один человек не мог сказать ничего дельного про современные развлечения, поэтому в любом случае заниматься подготовкой свадьбы с балом или бала со свадьбой предстояло нам двоим.

В тот момент, когда городской глава предложил мне это, да еще так нетактично, что во мне пробудилось желание ударить его по лицу, я растерялась.

И вы, конечно, догадались, что я отказалась вести деловые беседы с мануфактурщиком.

Только из уважения к той чести, которую оказал мне муниципалитет, я сказала, что нехорошо себя чувствую и что мне нужно идти.

***

Свадебный бал состоялся прошлым вечером в просторном саду, где на каждой ветке висели фонарики.

Фикри-бей обещал уладить все с электричеством при помощи мотора, оставшегося от его безуспешных начинаний с кинотеатром, который он открывал в свое время. Но механизм, провалявшийся столько времени в сыром подвале без дела, оказался никуда не годен. В последний момент стало ясно, что отремонтировать его не представляется возможным, а потому вместо электрических лампочек придется повесить керосиновые лампы «люкс»**.

---

* Газель — распространенное в восточной поэзии лирическое стихотворение, состоящее из двестишестидесяти, в котором рифма первых двух строк повторяется в каждой четной строке, а нечетные остаются без рифмы (*Примеч. ред.*).

** Лампа «люкс» — керосиновая лампа особой конструкции, дающая очень яркий свет.

Мы немного опоздали, но застали Фикри-бея в грязной засаленной рабочей рубашке все еще развешивающим лампы. Он регулировал в них насосы. Его действия пугали приглашенных дам, чьи столики находились как раз под фонарями. Мужчины, хотя и опасались, что что-нибудь может случиться, старались успокоить женщин, потому что других свободных мест в передней части сада не было.

Глава муниципалитета в новом фраке, который удивительно смотрелся на его высокой и статной фигуре, с розеткой на лацкане и наградами на груди носился туда-сюда, отдавая приказы.

Улучив свободную минуту, он подошел к нашему столику, чтобы поприветствовать нас.

— Этот бал у меня сил и нервов отнял больше, чем все сражения, в которых мы с вами участвовали, — обратился он к отцу. И как всегда, без неприятностей не обошлось. Автомобиль, на котором должен был приехать джаз-бэнд из Мерсина, сломался перед Кызкалеси... Позвонили из жандармского управления. Я тут же выслал машину... Но пока от них ни слуху, ни духу...

У городского главы даже лицо исказилось, когда он говорил это. Возможно, в запальчивости он мог сказать и что-нибудь грубое, но из-за меня сдержался.

Слава Аллаху, что в специально отведенном для джаз-бэнда месте, в чем-то вроде беседки рядом с площадкой для танцев играл небольшой ансамбль. Неподалеку красивым, буквально завораживающим голосом без усталости читал газели хафыз*.

Этим вечером неприятности так и сыпались на голову главы муниципалитета. Многие приглашенные привели с собой еще человек по десять. Оказались и те, кто явился вообще без приглашения. И, конечно же, невозможно было просто выставить их всех за ворота. Имелась и другая проблема. Несмотря на то что сад находился под надзором кордона из жандармов, с окружающих сад стен свешивалась не одна пара ног.

---

* Хафыз — чтец Корана, знающий его наизусть.

Тут же буйствовал подвыпивший бродяга, пожелавший пробраться через ворота. Его пьяные выкрики: «В демократическом государстве нет закрытых для народа дверей! Войти внутрь — право любого!» — подстегивали народ взять сад приступом. Присесть было абсолютно негде, несмотря на то, что скамьи в сад свозили на телегах со всех кофейен городка. Когда по полученной от главы муниципалитета директиве церемониймейстеры с кокардами крайне вежливо пытались втолковать это набежавшему народу, в ответ они слышали то же, что орал бездомный у ворот. Но так как это было не лучшим местом для всяких споров по теории конституционного права, то им оставалось только молчать и все это терпеть. И даже наш столик, столик армейского командира, с трудом смогли отстоять два офицера полиции.

В центре сада были расставлены около пятнадцати столов, предназначенных для высших офицеров, представителей знатных семейств, а также крупных служащих. Именно они представляли местное высшее общество. Эти столики отличало убранство: белая скатерть и миниатюрные букетики цветов в стаканах с водой.

Во втором ряду рядом со служащими помельче сидели те, чье материальное или политическое положение не было столь прочным. Тут же расположились консерваторы, которые не хотели выставлять напоказ под яркий свет ламп честных и добропорядочных мусульманок, совсем недавно открывших лица. Еще дальше, в самых темных уголках сада, волновалась толпа мужчин и женщин, которым не повезло оказаться среди избранных. Среди этой толпы недостойных сидеть в первых рядах были дети, подростки и слуги. Простиралась эта толпа аж до самых стен сада.

Хотя за столиками для важных персон не осталось ни одной свободной скамьи, нашлись те, кто жаловался, что не пришли женщины из главных семей. Если точнее, их не привели отцы, мужья и братья.

Краснолицый толстяк, что сидел на два столика впереди нас, схватил проходившего рядом главу мун-

ципалитета за руку и сказал ему так, чтобы слышали окружающие:

— Да что же это такое, господин мой... Где все эти подстрекатели? Да наши, будь это даже дозволено, и по собственной воле бы не пошли...

Я заметила, как рослый Юсуф-бей на какой-то момент весь съежился. Даже не знаю, что он ответил. Но когда он отошел, я увидела, как краснолицый набросился на дочерей с бранью:

— А ну, надели манти на плечи... Только увижу, что танцевать собираетесь — ноги переломаяю.

Была уже ночь — по местному времени часа два три — но на танцплощадке не происходило никаких движений. Сидевшая за столиком позади нас женщина в черном платке и голубой бархатной пелерине сказала своему крепышу-ребенку, начавшему было хныкать: «Мама, а когда танцевать будут?», — «Положи голову мне на колени да спи. А как начнут, так я тебя разбужу».

Время от времени на танцплощадку выбегали две маленькие девочки и принимались играть в салки, но каждый раз их неизменно догоняли отцы и приводили обратно. Наконец малышки встали где-то с краю и принялись тихонько пританцовывать под музыку.

На скамейках сидели ханым старой закалки. Как и в свое время на смотринах, они вытягивали шеи и внимательно следили за девочками, стараясь просунуть головы из-за плеч и между рук друг друга.

Среди женщин в манти, дамских костюмах и шляпках замешались несколько одетых в черный чаршаф* матерей, свекровей и даже бабушек. Они до того были потрясены, что опускали руки, придерживающие яшмак**, забывая о том, что могут показывать свои рты и носы только близким, и смотрели на этот детский танец.

---

* Чаршаф — женский головной убор в виде большого платка, обычно черного цвета.

** Яшмак — платок, закрывающий рот.

Наконец со стороны дверей послышалась какая-то возня. Раздался крик: «А ну дорогу, вы сейчас барабан нам тут продырявите». Музыканты тут же перестали играть. Когда стало видно, как в беседку тащат джазовый барабан с изображением длинноносого Пьеро, раздались рукоплескания.

Я искала глазами городского главу, но не нашла. Как было бы хорошо увидеть как он доволен, как гордится... Но, увы...

Но и дальше получилось так, что, несмотря на то, что музыканты джаз-бэнда, промучившиеся в дороге часов девять, не успев прийти в себя, сыграли три фокстрота подряд, никаких движений заметно не было.

Какая-то высокая девушка вдруг решила перейти с одного конца площадки на другой. Все подумали, что она собирается танцевать, и заплодировали. Бедная девушка заплетающейся походкой прошла через площадку для танцев, скрылась из виду и больше уже не показывалась.

Наконец несколько человек с большим трудом вытащили на свет божий жениха и невесту. Остальные могли и не танцевать, выбор оставался за ними, но новобрачные, как хозяйева дома, были вынуждены это сделать. Бедняжки смотрели на это как на что-то обременительное, как на неприятную составляющую свадебного торжества, от которой не могли отказаться. И с видом покорности судьбе, будто говоря «ну что выпало на нашу долю, пройдет», вышли нетвердой походкой на танцпол.

И второй, и третий танец прошли с тем же успехом. Было видно, как члены комитета собрались и стоя совещаются, готовясь к всеобщей принудительной танцевальной мобилизации.

Несколько молодых людей в смокингах, которые чуть ранее выполняли обязанности церемониймейстеров, вышли вперед как главные кандидаты на роль кавалеров. Но когда они подходили к столикам, поднималась такая паника, будто они собирались устроить скан-

дал. В итоге бедняги не решились даже вернуться обратно и смешались с толпой.

Фикри-бей уладил все с фонарями, а потом на какое-то время пропал. И вновь появился уже на площадке, только когда заиграл джазовый оркестр. Он переоделся в смокинг, из карманов которого выглядывала пара самых необычных шелковых платков, какие только можно было найти в его магазине. Именно он был сейчас самым элегантно одетым кавалером. Стало ясно, что в качестве партнерши он решил выбрать меня. Мы вместе работали в комитете, потому в этом не было ничего необычного.

Я ждала, когда он подойдет ко мне, чтобы преподать ему небольшой урок. Но он почему-то тушевался в присутствии отца и ожидал приглашения от нас. Он довольствовался тем, что все прохаживался вокруг и только один раз, приподняв бровь, бросил на меня один из своих знаменитых заигрывающих взглядов. Заметив, что на меня это не действует, он начал отпускать свои шуточки так, чтобы я могла их услышать. Если бы он сейчас еще и начал читать газель, то в арсенале его не осталось бы больше ни одного средства, которые безотказно действовали на местных красавиц. Но так как при таком шуме это вряд ли бы получилось, он с кислой миной удалился.

Здесь живут мать с дочкой. Они из Стамбула. Мать портниха. У них свой дом, она работает там в комнатухе, которую они переоборудовали под ателье, и шьет те модели женского платья, образцы которых вывешивает за стеклом окна, выходящего на улицу.

Ее дочка, которую здесь все называют Хиджран*, в прямом смысле этого слова беспутная девица. Хотя ей уже отнюдь не двадцать лет, одевается она как ребенок, с утра до ночи бродит по улицам в выцветшей юб-

---

* Хиджран (*араб.*) — разлука; душевная боль.

ке, порванной в нескольких местах. У нее широкие бедра, ноги кривые, как кувшины, и на ногах туфли со сбитыми каблуками.

В городке про нее говорят, что она и бесстыжая, и немного не в себе. Она огрызается на молодых людей, которые начинают к ней приставать: «Раскройте глаза. Я из Стамбула. Вы тут смóтрите, думаете, ох, девушка в открытой одежде расхаживает. Да не для вашего рта ложка. Я веду себя как мужчина. Ну-ка, давай проверим!» Несмотря на такие разговоры, она с парой знакомых мужчин время от времени нет да и уедет в лес, что рядом с городом. В такие дни можно слышать крики портнихи, которая выбегает из дома и ищет свою дочь: «Ну куда же ты опять пропала? Ох, и случится что-нибудь с этим непутевым ребенком!»

Имена матери и дочери промелькнули как-то на заседании комитета. Городской глава нахмурил брови, будто речь шла о чем-то чрезвычайно важном, и сказал: «Мы, конечно, не в силах помешать им явиться на бал. Но страшно, что эта сумасшедшая девица может выкинуть что-нибудь на балу и тем самым подпортит репутацию меджлиса. Лучше всего, чтобы она совсем не показывалась, ну или, во всяком случае, не участвовала ни в каких танцах». Члены комитета единогласно приняли это предложение.

Однако дамы в этот вечер оказались наперечет, а потому бойкот в отношении Хиджран был снят. Молодые люди в смокингах просто в очередь выстраивались, чтобы с ней потанцевать. Один раз Фикри-бей даже пригласил на танец ее мать. Но швея сделала всего пару кругов. Бедняжка все никак не могла попасть в такт, а в довершение всего сломала каблук и потому была вынуждена, вся дрожа, сесть на место.

Специально для этой ночи комитет организовал стол с закусками. Буфет располагался в углу сада, в строении вроде кофейни. Ближе к полуночи гостей предполагалось отводить туда группами и угощать мороженым и лимонадом.

Толкотня сорвала и этот номер программы. После полуночи всем в саду нестерпимо захотелось пить.

Народ толпился перед буфетом, потому что никто не знал, сможет ли он войти обратно, если по каким-либо причинам выйдет на улицу. Все так толкались, что через какое-то время сотрудникам муниципалитета, которые обслуживали в буфете, пришлось закрыть ставни. Ужасное зрелище. Мне вспомнилось, что подобное столпотворение я видела во время Мировой войны перед пекарней, где по карточкам раздавали хлеб.

Сквозь музыку можно было различить голоса: «Да что же это мы в Курбеле*, что ли? Это же вода... Дайте попить, ради Аллаха».

Рядом убивался протиснувшийся из толпы к нашему столику старик в шароварах: «Ой, не смекнул я... Принести бы заранее два бидона воды. Эх, по сорок пара** кучу бы денег заработал...»

Городской глава оперативно предпринял меры по утолению жажды и превратился в себиджи. Он велел приносить воду в ведрах, жестяной посуде и кувшинах, а сам — в блестящем фраке с кокардами на воротнике, — встал у дверей и начал раздавать воду у питьевого фонтанчика.

Когда кризис с водой немного поутих, чиновники из муниципалитета стали разносить на подносах мороженое на привилегированные столики. Свою и отцовскую часть угощения я отдала детишкам семьи, что сидели позади нас.

Комитет желал, чтобы все части программы прошли «на ура», и не упустил из внимания развлекатель-

---

* Курбела — священный для шиитов город, где в 680 г. солдатами арабского халифа Язида ибн Муавии был обезглавлен имам Хусейн, внук пророка Мухаммеда; в город, где произошла трагедия, совершают полоумничества.

** Пара — серебряная монета Турции, чеканившаяся с XVII в. С 1930 г. используется только как счетная единица, равная 1/400 турецкой лиры (*Примеч. ред.*).

ные номера и аттракционы, которые должны были чередоваться с танцами.

Номерами снова занимался Фикри-бей, и каждые полчаса он поражал всех своими талантами и ловкостью. Один раз он нацепил сделанную из бараньей шкуры бороду и прочитал известный монолог: «Мой племянник». И хотя половина гостей с подстриженными на современный манер усами и бородами находилась в положении главного повара из монолога, все просто покатывались со смеху.

Во второй раз Фикри-бей выступил как фокусник. Золотые часы из его кармана преспокойно переключались в карман районного бухгалтера.

Никто не сомневался, что с тем же успехом у него получится сделать так, чтобы из яйца, которое он положил на дно шляпы, вылупился маленький цыпленок. Но, как назло, птица не осталась под тайной дверцей, а убежала в дальний угол стола, и ни ловкость рук Фикри-бея, ни его трюкаческие способности не помогли ему ее изловить. Ему повезло, что в саду неожиданно сломалась ветка дерева, не выдержав на себе здорового детину, отвлекла внимание зрителей и спасла фокусника от конфуза.

Последним номером программы стала лотерея, где разыгрывались всякие безделушки.

Так получилось, что лысому человеку досталась расческа, адвокату, прославившемуся лживостью, — деревянное ружье, а женщине с ожогами на лице — ручное зеркальце.

Мне же Фикри-бей подарил «Лосьон Фикри» собственного производства.

***

Свадьба должна была продолжаться до утра. Но после часа ночи потрескивания и пощелкивания ламп «люкс», готовых взорваться, начали пугать народ.

Неутомимый Фикри-бей снова накинул поверх смокинга рабочую рубаху и пытался наладить свечильники, но случайно поджег сам футляр резервуа-

ра для керосина, чем сильно напугал сидевших рядом.

Сад начал замирать, видные семьи по одной стали вставать и расходиться.

Мы тоже попросили у городского главы разрешения пойти. По дороге из сада отец с матерью останавливались перед столиками знакомых и застревали там с разговорами. Когда мы уже подходили к дверям, я услышала, как где-то сзади, не сдержавшись, выругался городской глава: «Да накажет вас Аллах!»

Несколько мужчин, которые весь вечер сидели тихо, вдруг принялись, обнявшись, высоко подпрыгивать и танцевать. Стали доноситься смешки и крики. Юсуф-бей стеной встал передо мной, будто желая своим телом загородить меня от этого зрелища, и произнес:

— Будем к ним снисходительны, что поделать... Дальше этого они не заходят, — и вздохнул.

Мой отец, будто желая приободрить и успокоить его, сказал:

— В конце концов, праздник прошел очень удачно, без происшествий.

— Да, слава Аллаху, ночь прошла благополучно...

И в самом деле, ничего серьезного не произошло — при такой-то толкотне! Только один деревенский мальчуган упал со стены и у него носом пошла кровь.

Юсуф-бей прошел с нами половину пути, и только жесткий приказ отца вспомнить о гостях, которые остались в саду, заставил его повернуть обратно.

Наш слуга шел впереди, освещая все выбоины на дороге при помощи карбидной* лампы, и отгонял лежавших на обочине собак. Я шла за ним следом, ступая в те места, которые он освещал. В душе поднимались непонятная горечь, граничащая с безнадежностью.

---

* Карбидная лампа — лампа, где источником света служит открытое пламя струи сжигаемого ацетилена, который, в свою очередь, получается из химической реакции карбида кальция с водой (*Примеч. ред.*).

Когда-то давно, еще ребенком, в одном американском журнала я увидела рисунок некоего дерева, которое хватало и пожирало птичек, что садились на его ветки. Оно так же обвивало толстыми жилистыми листьями и проходивших мимо людей и переваривало их без остатка.

Мне кажется, что тут меня опутали ветви одного из этих страшных растений, от которых нет спасения, и я сходила с ума».

Глава шестая

Зулейха лежала, строчку за строчкой вспоминая это письмо, и посмеивалась. Она не ошибалась в тех пока еще детских сравнениях и аллегориях. Все попытки вырваться прошли впустую. Растение не перестает охотиться и как таинственным магнитом притягивает ее к себе.

Какая сила, какое волшебство в тот день, когда она думала, что между ними все кончено, снова толкнула ее к Юсуфу и потянула в Анатолию? Разве они говорили о несчастном случае и все прояснили? Нет.

Разве решили продолжать эту жалкую игру в мужа и жену? Нет. И первым доказательством служило то, что вот уже несколько дней, как они были вместе, Юсуф не проявлял ни малейшей попытки сблизиться.

Когда они ночью, посреди безлюдного моря спускались в эту пропахшую трюмом пиратскую каюту, она боялась не то что его пылкости, но даже простого прикосновения к руке или поцелуя в лоб. Но Юсуф со спокойствием, говорившим о том, что подобные мысли у него в голове даже не появлялись, отвернулся от нее и ушел.

Зачем муж везет ее в свои родные края? Еще более странно, зачем она, не выяснив этого, согласилась отправиться в это путешествие?

Слышно было, как о борт судна разбиваются волны. Их плеск рождал в душе Зулейхи тревогу. Берегись, уж не придумал ли Юсуф все это с единственной целью — отомстить? Например, задушит ночью и скинет за борт, как котенка.

В газетах рассказы о мужьях-ревнивцах встречались часто. И герои этих историй мало чем отличались от Юсуфа. А многие физически были куда слабее его.

Тут Зулейхе вспомнились слова отца, сказанные про Юсуфа: «В то время мы были наполовину армией, наполовину партизанским отрядом. По ночам нашему отряду, расположившемуся у подножия Торосов, приходилось совершать вылазки против французов, в большинстве своем очень опасные. Юсуф обычно был очень раздражительным и суровым, но при подготовке к этим неожиданным нападениям на неприятеля казался на удивление спокойным и веселым».

А это значило, что и нынешнее спокойствие Юсуфа, и то, что он ни единым словом не обмолвился о том ужасном положении, в котором они оказались, можно приписать подготовке такого же неожиданного нападения.

И все же эта догадка, удивительно точная с позиций разума и логики, не вызывала у Зулейхи страха за свою жизнь. Она могла довериться Юсуфу с тем же спокойствием, с каким котенок верит человеку, помыслов которого не знает.

Если муж и мог причинить ей какое-то зло, то только не таким образом.

***

Зулейха не смогла уснуть, хотя уже давно перевалило за полночь. Она погасила свет, легла и продолжала думать.

...К концу того лета по городу усиленно поползли сплетни, и в один прекрасный день Юсуф и его друзья слетели со своих должностей в департаменте. Весь город только и делал, что жаловался на плохое руководство, его расточительность и бесхозяйственность. Ходили слухи, что не обошлось и без хищений. Но махинации были провернуты так хитро, что ни у кого на руках не имелось никаких доказательств. На второй вечер после того, как лишился поста городского главы, Юсуф пришел с визитом к своему бывшему командиру.

— Да, полковник, служба сравнима с войной. В такое время мы полностью доверяем друг другу. Мы никогда не боялись, что нас ударят в спину, когда в окопах поджидали неприятеля. Так вот, в служебных баталиях друзья и товарищи куда опаснее, чем враги. Знаете ли вы, что в управленческой жизни невозможно обойтись без хитростей и уловок? Вот, скажем, вы выплачиваете какие-то деньги нескольким бедным беременным женщинам, тратите деньги на работы, все формальности по которым еще не закончены, или уборщику, который по болезни не работал несколько месяцев. Ясно, что в этом нет ничего плохого. Возможно, ваши сослуживцы-письмоводители посоветуют вам проверить это несколько раз. Но наступает день, когда все это оборачивается против вас и становится оружием в руках не у кого-то, а у ваших же бывших товарищей. Действительно, крайним окажетесь вы, потому что все подписи и приказы ваши... Именно так случилось и со мной. Когда они увидели, что я начинаю покачиваться под подлыми нападками своих соперников, мои друзья, во главе с главным письмоводителем, меня же и продали. А этот письмоводитель, может, вы помните, тот, что еще мне клялся?.. Но почему мне знать, может, он и прав... Возможно, нужно было сделать именно так, чтобы добиться доверия, угодить тем, кто придет после меня... Одним словом, меня, как и того Юсуфа, предали братья*... И именно от этого мне горше всего... А что поделать, мы не справились и нас облили грязью. Можно только пожелать им успехов...

Юсуф также опроверг слухи о том, что собирается уехать в Анкару, а оттуда подкинуть бомбу своим соперникам.

— Все, моя управленческая жизнь закончена, я и в самом деле сегодня или завтра отсюда уеду. Но не в Анкару, как думают, а прямо в противоположном направлении.

---

* По легенде, старшие братья Юсуфа, ревнуя его к отцу и завидуя его красоте, решили его убить. Только один из братьев не дал совершить смертоубийство, и они бросили Юсуфа в колодезь.

нии. В свой особняк, что находится в Гёльюзю. Вот уже сколько лет, как я там все забросил. Вы ведь знаете, что мой брат работает хирургом в Сивасе*... От него мало толку... Все заботы лежат на нашей старой матушке... Она, правда, лучше меня разбирается во всяких земледельческих делах... Но она все-таки женщина...

Забавно было смотреть, как Юсуф считал, что занимался важной управленческой работой, пока находился на должности главы городка. А всю шумиху вокруг этой должности представлял делами политического характера, видя себя в положении отстраненного от дел главы кабинета министров. Зулейхе показалось просто детским и глупым самомнение, с которым он произнес слова: «Все, моя управленческая жизнь закончена».

Но, несмотря на это, молодой девушке гораздо больше приглянулся Юсуф нынешний — в брюках для гольфа и хлыстом в руке, — чем тот, что проводил ревизии в бакалейных лавках и проверял работы по обустройству дорог или отчитывал рабочих или торговцев.

У Юсуфа была привычка, оставшаяся у него с армейских времен. Каждый раз, когда он где-либо встречал своего бывшего командира, он вытягивался по стойке смирно, ударяя одной ногой о другую, отдавал честь и не менял положения до тех пор, пока Али Осман-бей, смеясь, не протягивал ему руку. Этим вечером Юсуф, попрощавшись по-военному, сказал:

— Полковник, мы одна семья. Со следующей недели будем ждать вас в своем поместье. Вы знаете, с каким почтением к вам относятся мои сестры и мать. И Зулейха-ханым здесь скучает, а у нас, надеюсь, развеется... Что ни говори, а степь это совсем другое... Вы ведь обещаете приехать?

***

В следующую среду Зулейха вместе с отцом и матерью отправилась в Гёльюзю**.

---

* Сивас — город в центральной Анатолии.

** Гёльюзю (*тур. Gölüzü*) — поверхность озера, озерная гладь.

После того как автомобиль целый час ехал по разбитым дорогам, через высохшие речушки, по спускам и подъемам, обычно непреодолимым в зимнее время, они наконец остановились на холме.

Этот холм, который на первый взгляд казался развалинами старой крепостной стены, состоял из двух огромных скал. Здесь и ждал своих гостей Юсуф. Он обратился к Зулейхе:

— Тут проходит одна из границ наших владений. Укрепление, созданное самим Аллахом... Вход тоже здесь...

Зулейха посмотрела вперед и увидела между двумя скалами узкий проход. Перед одной из скал одиноко стояло засохшее дерево, по форме напоминающее сгорбленного калеку.

Али Осман-бей сказал, указывая на него дочери:

— Смотри, Зулейха, это страж крепости. Кто знает, с каких пор он стоит тут, согнувшись?

Говоря это, он легко вздохнул, но одновременно улыбался и смотрел на Зулейху своими пожелтевшими глазами.

Молодая девушка поняла, что отец вкладывает в слова какой-то только ему лишь понятный смысл, и по необъяснимой причине почувствовала странную грусть.

Когда Зулейха прошла через ворота, она очутилась совершенно в другом мире. Даже свет и воздух здесь, казалось, были особенными.

У подножия склона, густо поросшего деревьями, начиналось озеро, которое простиралось вплоть до гор, что закрывали горизонт.

Молодая девушка удивленно произнесла:

— Странно, а я и не знала, что здесь есть озеро.

Юсуф будто ожидал этого вопроса:

— А разве может быть тут что-то другое? Мы разве не в Гельюзю направляемся?

— Да, конечно, но...

Зулейха пыталась вспомнить эту часть карты. Ей показалось странным, что об этом озере даже не упоминалось в учебниках географии.

В этот момент она заметила, что Юсуф подает отцу какие-то знаки. Но заговорила о другом, сделав вид, что ничего не заметила.

Мать вместе со слугой продолжили путь на машине. Им же предстояло добираться до особняка пешком.

Давно наступил вечер, похолодало. Юсуф рассказывал Али Осман-бею о новых работах, что он начал в поместье. Зулейха слушала их краем уха, а сама все задавалась вопросом о загадочном, никому не известном озере.

— Мне интересно, — сказала она вдруг, — а на озере есть острова?

Юсуф взглянул на Али Осман-бея и рассмеялся:

— Конечно! И не один остров, а много... Мы сплавим туда на лодке, порыбачим...

И снова они как-то непонятно перглянулись.

Зулейха наконец не выдержала.

— Да хватит вам, — сказала она, — Вы ведете себя так, будто играете с простодушным ребенком. Скажите уже, в чем дело!

Юсуф всплеснул руками, будто испугавшись, что она может обидеться:

— Да Аллах с вами, что за слова! Но у нас есть для вас небольшая mystification*.

Зулейхе показалось странным услышать французское слово из уст Юсуфа, и она пристально посмотрела ему в лицо:

— Ну, может, мы не просто так спускаемся тут в это самое время, так было предусмотрено заранее...

— Ну, тогда скажите почему, я хочу знать...

— Если позволите, я пока скрою от вас загадку этого озера... Пройдет немного времени, и вы сами все поймете...

Зулейха пожала плечами, будто не считая эту тайну столь уж важной:

— Ну как хотите... Вам лучше знать...

Они прошли еще немного и вышли из густого пролеска. Зулейха взглянула на озеро еще раз. Вот ведь

---

* Mystification (фр.) — мистификация; шутка, розыгрыш.

странно! Если это были и плакучие ивы, то как они могла расти так глубоко в воде?

Девушка скрыла любопытство, чтобы не дать мужчинам еще поводов смеяться над собой, и стала смотреть с большим вниманием. Вода в озере оказалась необычного цвета, помимо привычной морской и озерной голубизны. Она была какой-то легкой и прозрачной. И наконец, Зулейха отметила своеобразие самой водной поверхности. Вопреки всем законам физики, ровная поверхность воды не заканчивалась у горы на противоположном берегу, а карабкалась вверх по склону.

Зулейха поняла, почему над ней смеялись Юсуф с отцом. Это озеро было не настоящим, а своего рода миражом.

Юсуф все объяснил:

— Вы видите не воду, а лишь слой тумана. В долине влажно, течет много небольших речушек... В летние месяцы и осенью обычно ближе к вечеру всю долину покрывает синеватая дымка. Если в это время смотреть с холмов, то ее можно принять за неподвижную гладь озера. Поэтому здешние места и называли «Озерная гладь».

Я видел похожее явление, когда как-то под вечер ехал из Назили* в Денизли**, и обманулся так же, как и вы. Может быть, поэтому то место называли Денизли.

Зулейха разглядела вдалеке малюсенькие избушки с красными черепичными крышами, но не смогла определить, где же расположился сам особняк.

Юсуф показал ей на рожицу чуть впереди слева:

— Наш дом там, Зулейха-ханым.

Молодая девушка с наивным удивлением спросила:

— Прямо среди деревьев?

---

* Назили — город на юго-западе Турции.

** Денизли (тур. Denizli — морской) — город на юго-западе Турции, расположен в горах более чем в ста километрах от Эгейского моря.

— Да, прямо среди деревьев. Мы ведем походную жизнь...

Юсуф снова рассмеялся. Зулейха сердилась, что он вновь принялся перекидываться с ней шутками и строить из себя всезнайку, который развлекается тем, что морочит головы маленьким детям. Отвечать в том же духе означало только поощрять его наглость и плоские шуточки. Лучше было молчать. Но Зулейха не смогла удержаться, чтобы немного его не уколоть.

— Эфенди, да разве может такое быть? — спокойно и вежливо спросила она. — Человек богатый и цивилизованный в любом случае обеспечит себе максимум удобств.

Юсуф повернулся к Али Осман-бею и с притворной грустью сказал:

— Вот так так! Зулейха-ханым, видно, подумала, что наш ветхий особняк похож на европейские замки... Боюсь, ей придется разочароваться...

Вид, с которым он это произнес, и его слова заставили Зулейху пожалеть о сказанном.

На тропинке перед деревьями показались несколько женщин и детей. Это были мать Юсуфа и его сестры. Они вместе с тремя детьми, наряженными для встречи гостей как на детский праздник, вышли их встречать.

Старшая из двух сестер Юсуфа была вдовой. После того как ее муж погиб во время боев под Аданой на втором году войны, она поклялась больше не выходить замуж и вместе с детьми вернулась в особняк Гельюзю.

Младшей сестре только-только исполнилось семнадцать. Сейчас она нянчилась с детьми сестры, а в свободное время, тайно, как преступница, закрывалась в комнате, шила пеленки и вязала носки для своих будущих детей.

Что касается матери Юсуфа, то она оказалась женщиной мужского телосложения, похожая больше на сына, чем на дочерей. Черты ее живого лица были несколько резковаты, большие черные глаза — умные и властные.

Несмотря на свой холодный и даже несколько пугающий вид, она просто и искренне обняла Зулейху и расцеловала в обе щеки.

То, что издалека Зулейха приняла за рощу, оказалось большим садом, окруженным густой стеной из тополей. Пространство между ними все поросло плющом, который поднимался, переплетаясь, по деревьям и образовывал такой плотный забор из зелени, что местами он не пропускал свет и воздух.

Сад располагался на невысоком плато. Передний его оголенный выступ находился над пропастью, которая, будто отполосованная ножом, спускалась в долину почти отвесным обрывом. Дом — большое здание в центре сада — видимо, несколько раз перестраивали перед тем, как он обрел нынешний вид. Было заметно, что раньше он представлял собой каменную крепость, построенную в этой пустынной горной местности из-за опасности внезапных нападений.

Юсуф отвел Зулейху к роще перед самым краем плато:

— Если смотреть снизу, дом похож на орлиное гнездо, все посевные площади находятся в долине. Но как я недавно сказал, здесь влажно, поэтому места эти малярийные. Вот нашим прадедам и пришлось переместиться на холмы.

Зулейха решила загладить свою недавнюю грубость и сказать что-нибудь приятное:

— Это, правда, очень красивое место. Отец был прав: большая ошибка заниматься всеми этими неприятными вещами в городе, когда можно жить здесь как маленькому правителю.

Юсуф больше не мог молчать и оживленно воскликнул:

— Ну, скажите! Такая жизнь ведь в тысячу раз лучше...

Зулейха хотела только подчеркнуть красоту природы, но Юсуф неверно понял и подумал, что она говорит о работах, обустройстве и богатстве, и с жаром начал рассказывать о нововведениях, которые были у него в планах.

Призрачная дымка еще до конца не рассеялась, но вечером стала прозрачнее, и под морем тумана взору открылись лесистые места, красные, зеленые, желтые участки земли. Юсуф показывал на них рукой и давал девушке короткие пояснения:

— Как и многие другие, вы, наверное, скажете, что все это безумие. Но я не через много лет, а за три года выращу здесь банановый лес. Сегодня вы мне не верите, но вот года через три... Вы, скорее всего, будете уже в Стамбуле... Но, даст Аллах, первые плоды я отошлю вам... И климатические условия здесь очень подходящие... Вот только часто дует резкий северный ветер, но я придумал, как от него защититься... Первый раз поэкспериментирую прямо вон на тех засеянных холмах, что выходят на солнечную сторону. А с северной стороны закрою деревья заслонами от ветра...

Проекты Юсуфа, касающиеся новой системы полива, которую он хотел применить в долине, оросительных каналов и арыков* вкуче с новыми способами землепользования, а также банановых садов, которые он вырастит, виноградников и рисовых полей, — все это не могло заинтересовать Зулейху. Несмотря на это, она слушала его со спокойствием и радостью, которые почувствовала впервые за прошедшие несколько месяцев. И шире открывала глаза, чтобы рассмотреть те участки земли, на которые через туман рукой показывал ей Юсуф. Она не только не вникала в смысл сказанных им фраз, пересыпанных словами о качественном землепользовании, названиями всевозможных орудий, статистическими данными, иностранными терминами и названиями механизмов. Но, даже не слыша его голоса, погрузилась в созерцание разворачивающегося перед ней вида, и только когда он замолкал, будто просыпалась и что-то говорила.

---

* Арык — оросительный канал (в Средней Азии, Казахстане, Закавказье, Турции, арабских странах и т.п.). (Примеч. ред.).

Глава седьмая

Зулейха счастливо провела в особняке неделю. Ей отдали самую красивую комнату. По ночам дул неутихающий ветер, и девушка несколько раз просыпалась, услышав его завывания среди деревьев и постукивания деревянных ставней на окне.

Детям, которые просыпались с утренними петухами, было запрещено шуметь в саду и даже заходить на ту сторону дома, где расположилась гостя.

И хотя лучи утреннего солнца не пробивались на эту сторону дома, Зулейха спозаранку спускалась в сад и, собрав вокруг себя детей, устраивала игры или же отправлялась в курятник или хлев.

У Зулейхи не получилось наладить отношения с матерью и сестрами Юсуфа. Они не отваживались подружиться с этой хорошо образованной девушкой из Стамбула, которую отличали изысканные наряды и мужская манера разговаривать.

Младшая сестра вообще постоянно боялась совершить какую-нибудь глупость. И хотя между ней и Зулейхой не было существенной разницы в возрасте, в присутствии горожанки та пугалась, как школьница, а во время разговора краснела, будто вдруг устыдившись своих слов, и говорила с запинками.

До приезда в поместье Зулейхе казалась до безумия скучной мысль о необходимости находиться рядом с Юсуфом все время, пока они будут в гостях. Но по утрам он почти не показывался, а иногда не являлся даже к обеду.

Однако она очень хорошо стала ладить с отцом. Как будто они приехали в имение специально, чтобы первый раз в жизни побыть друг с другом и получше узнать.

Однажды, когда они прогуливались по саду, Зулейха сказала отцу:

— Папа, может быть, вы возьмете меня на прогулку... Сходим с вами вон до той горы напротив... Но только если вы не устанете... Вам решать...

В ответ на ее слова в глазах полковника появилось детское оживление и радость.

— Какая хорошо ты придумала, Зулейха. На улице как раз прохладно. Прямо сейчас и пойдем.

За заботами последних двадцати лет полковник ни разу не занимался своим ребенком. Он знал, что в Стамбуле его обвиняли в том, будто он плохой отец и плохой глава семьи, и что Зулейха знала об этом.

Но если хорошо подумать, то он должен был признать, что в их обвинениях имелась доля истины. Неважно, по какой причине, но бывали времена, когда он совершенно забывал, что где-то в Стамбуле у него подрастает ребенок. После этого забытья, длившегося порой неделями, внезапно ночью он видел во сне дочь. Он просыпался со звуком плача в ушах и думал о ней несколько минут.

Али Осман все заботы о ребенке всегда откладывал на потом, а потому считал, что у него впереди масса времени. И поэтому не знал, что делать, когда в один прекрасный день увидел перед собой взрослую девушку, самостоятельного человека со своими мыслями, желаниями и капризами, сформированными той средой, в которой она выросла.

Пользуясь отцовским авторитетом, он велел ей приехать и выложил все начистоту. После их первой беседы в тот вечер с его стороны было еще несколько попыток начать разговор. Но у Зулейхи был такой вид, словно она заранее решила, что все сказанное встретит с подозрением и презрением. Мужество полковника улетучивалось, и ему ничего не оставалось, как принять холодный и равнодушный вид.

Али Осману сначала показалось просто небывалым, что Зулейха предложила ему вместе прогуляться. При общении с отцом она всегда находила посредника, даже чтобы попросить купить чулки или платок.

Зулейха, хотя всего этого и не понимала, заметила, как обрадовался отец. Она показала на мать, которая вместе с детьми гуляла в противоположной стороне сада:

— Папа, если хотите, тихо сбежим... А то как бы они за нами следом не пошли...

Этимися словами Зулейха стремилась выказать ту симпатию, которую она чувствовала в эту минуту к отцу. А кроме того, они оба очень хорошо знали, что, даже умоляя они пойти на такую прогулку свою инертную и флегматичную матушку, она бы и ухом не повела.

Отец с дочерью вышли из сада и медленно двинулись к холму, следуя вдоль высохшего селевого потока, который шел по краю засеянного поля.

Даже сейчас, хотя прошло уже столько лет, Зулейха все еще хранила в сердце неповторимую прелесть тех часов и видела, как рядом с ней в гражданской одежде светлых тонов идет отец, все такой же подтянутый и стройный, держа спину прямо, как когда носил военную форму в городе.

Никакие обиды не могли стать предметом их разговора, потому что у них не было воспоминаний об испорченной дружбе и любви. Несмотря на это, они испытывали чувства сомнения и стеснения, как двое только что помирившихся людей, и разговаривали, будто боясь раскрыть ту симпатию, что чувствовали друг к другу.

И все же Зулейха оказалась смелее.

Ей захотелось прикрепить отцу на воротник цветок, который она сорвала с куста, что рос на краю дороги. На гражданском жакете отца петлица на воротнике оказалась защитой, но Зулейхе удалось распороть сметку кончиком английской булавки.

Полковник стоял прямо и с высоты своего роста все время, пока Зулейха была занята, смотрел на ее лоб,

нос, губы, казавшиеся пятнистыми от игры света и тени.

Когда Зулейха подняла голову, сказав «готово», она перехватила этот взгляд украдкой и рассмеялась. Полковник отвел взгляд с волнением мужчины, которого застали за тем, что он с близкого расстояния рассматривает лицо женщины, которая повернулась в другую сторону. Они оба обернулись и, улыбаясь, пошли дальше.

Зулейхе с удивлением открывалось, что отцу с дочерью, как и двум страстно любящим друг друга людям, может нравиться внешность друг друга. И волноваться, когда разглядываешь черты лица и фигуру.

Ей было приятно, когда иногда она случайно касалась отца. Какое-то время Зулейха плелась следом за отцом. Но потом вдруг подошла, взяла отца под руку и принялась играть его рукой, которая невероятным образом осталась тонкой и белой, несмотря на все тяготы прожитой жизни.

Они боялись испортить эту идиллию, которая началась по непонятным причинам, как в иное время вспыхивает любовь, а потому избегали серьезных разговоров и болтали о всяких пустяках. Их больше занимали не слова, они следили за взглядами, интонациями и движениями губ друг друга.

По дороге вперед они не следили за тем, куда идут, а потому на обратном пути заблудились и задержались до позднего вечера. Когда они вернулись, то застали хозяев дома сидящими за большим столом в саду рядом с бассейном. Недоумевая, они с нетерпением ждали их. Отец и дочь засмущались, как двое влюбленных, которых заметили, когда они возвращались со свидания. Матери, которая спросила, где же они были, Зулейха со смехом ответила:

— Не скажем. Это наша с папой тайна.

Зулейха снова взяла полковника под руку и усадила за стол подле себя.

***

Зулейха обычно вела себя со всеми холодно и отчужденно и до сих пор не вполне понимала, какими по-

требностями души она обязана тому, что так легко сблизилась с отцом. Может, это была реакция на смену обстановки и на улучшение самочувствия. Некий проходящий оптимизм, складывающийся из оживления и склонности симпатизировать. Но не столь важно, в чем же заключалась причина. Главное, что идиллия продолжалась, и отец с дочерью придумывали уловки, чтобы оставаться наедине. Когда они находились вместе, им нравилось окружать это новое для них чувство привязанности, эмоциями, которые испытывают недавно обрученные влюбленные.

Глава восьмая

Какое-то время спустя Зулейха узнала, что призрачное море, что застилало долину по вечерам, не являлось лишь плодом воображения. Ближе к центру долины находилось небольшое озерцо, по краям поросшее сухим камышом. До полудня оно выглядело как блестящее ручное зеркальце, но во второй половине дня, как по волшебству, начинало увеличиваться и расползлось до самых пролесков. Постепенно исчезали и избышки с черепичными крышами, и покрытые деревьями холмы, а ко времени захода солнца вода начинала карабкаться по склонам гор, которые закрывали собой весь горизонт.

Зулейха никогда не могла забыть вечера, когда они вместе с отцом взбирались на высокий холм, чтобы посмотреть на это море. Однажды вечером она неожиданно спросила:

— Папа, а вы любите литературу?

Полковник рассмеялся:

— В свое время очень много читал Намыка Кемаля*

До сих пор помню некоторые стихотворения Экрем-бея** и Тевфика Фикрета***... Но ты, наверное, имеешь в виду современную литературу, новые романы... Нет, дитя мое, я не читал... Кроме «Джезми»**** ничего не знаю...

---

* Намык Кемаль (1840–1888) — турецкий поэт, беллетрист, романист.

** Экрем-бей (1847–1913) — Раджанзаде Махмуд Экрем.

*** Тевфик Фикрет (1868–1914) — турецкий поэт.

**** «Джезми» — исторический роман Намыка Кемаля, в котором автор утверждает идеал справедливого правителя.

Зулейха не собиралась говорить ни о новых романах, ни вести с отцом дискуссии о литературе вообще и торопливо продолжила:

— Если я вам сейчас приведу несколько высокопарное сравнение, вам понравится?

— Ну говори.

— Вы знаете, на что похоже это море, что по вечерам заполняет долину?

— И на что же?

— На любовь, что без видимой на то причины за несколько часов заполняет сердца отца и дочери...

Они оба от природы не были людьми, которым свойственны романтические настроения, а потому всегда при общении оставались скрытными и неприступными.

Они всегда разговаривали о посторонних предметах, пытаясь скрыть, словно постыдную слабость, ту потребность друг в друге, которую испытывали.

Старому военному нелегко было понять, как Зулейха вдруг решила на откровенность. Пускай и немного по-детски, с такой ироничной поэтичностью в самом сложном вопросе, который для них существовал. Али Осман-бей усмотрел в словах дочери больше намека на свое прежнее равнодушие, чем на нынешнюю любовь.

— Красивое сравнение, дочка, но неверное... Разве мы не любили друг друга? Точнее, разве я не любил тебя?

Зулейха ответила немного печально и в то же время насмешливо:

— Нет, папа. Как можно в этом сомневаться?.. Зачатки любви были в нас, как и у любых отца и дочери. Вот ведь и у этого моря, что мы видим сейчас, есть маленький исток. Там, в долине... Но когда оно растет, то становится настолько отличным от того небольшого скопления воды... И мне кажется, что красота той аллегии, о которой я вам сказала, именно в этом...

Полковник, затаив дыхание, смотрел на совершенно новое выражение лица дочери, которое появилось,

когда она произнесла эти слова, и смутно осознавал, что этот поступок Зулейхи вызвал в нем чувство безграничного доверия, которое никакой поцелуй не может вызвать между двумя людьми.

Ему тоже захотелось открыться Зулейхе. Но он решил только на обратном пути, когда дорога, по которой они шли, стала темной от тени деревьев, растущих по краям.

— Зулейха, мне нужно с тобой поговорить... Вопрос очень деликатный... но мы должны обязательно понять друг друга... точнее, ты должна узнать, что я думаю... Скажу еще, что я не привык красиво выражаться... Поэтому не обижайся, если вдруг нечаянно скажу что-нибудь, что тебя обидит...

Зулейха улыбалась, пока слушала это извилистое и путаное предисловие от человека, который обычно говорил коротко и ясно. Она дотронулась до его руки, будто желая, чтобы он ей доверился:

— Папа, вы можете со мной разговаривать абсолютно обо всем.

Полковник ответил:

— Здесь, в Анатолии, ты несчастна, скучаешь.. Пришлось сделать вид, что за всеми хлопотами я этого не замечаю... Но я знаю... что так было нужно... У меня имелись на то основания, точнее мысли, о которых я тебе не рассказывал. По известным тебе причинам я не мог заниматься тобой в детстве. Да, ты училась в хороших школах, узнала много интересного и нужного. Но я сейчас не об этом... Твои мысли и образ жизни сформировались среди людей, которые мне неприятны... Известно, кто эти люди... Мне кажется, они привили тебе неправильные взгляды на жизнь... Я понимаю, что говорю путано, сбивчиво... Но ты постарайся меня понять... Наша страна сейчас переживает самый большой переворот из всех, какие только были до этого... Изменения не пройдут бесследно в таких крупных городах, как Стамбул... Ты сейчас в самом нежном возрасте. Ты формируешься как личность. И мне показалось опасным в такое время оставлять тебя среди тех

людей и в той среде... Я подумал, что тебе полезнее будет несколько лет пожить со мной в Анатолии... Ты скажешь, что уже поздно? Не беспокойся... И об этом я подумал... Жаль, что пришлось оборвать твоё образование на полпути... Это было не совсем правильно... — Полковник отрывисто засмеялся и, покашливая, продолжил: — Так получилось, что я применил силу... Но как я уже сказал, я был обязан это сделать... Я страшно боялся, что моя дочь станет похожей на них... Я надеюсь, ты понимаешь меня, да, Зулейха?

Полковник боялся не напрасно. Им было суждено никогда не понять друг друга в некоторых вопросах. Но Зулейха наконец осознала, проявлением какой несчастной любви был этот страх. Взяв в темноте отца за руку, девушка сказала:

— Хорошо, папа, но это все равно не может мешать нам любить друг друга.

Глава девятая

Юсуф никогда не появлялся в дневное время, но после ужина завладевал вниманием полковника и не отпускал его от себя до поздней ночи.

Обитатели особняка привыкли ложиться спать рано. Сразу после ужина сад пустел. За столом у бассейна оставались только Юсуф, Али Осман-бей и Зулейха. Иногда еще мать Юсуфа, уложив детей спать, какое-то время сидела с ними, накинув на голову платок, а на плечи толстую шаль.

Первые дни Зулейха чувствовала себя абсолютно чужой в этом обществе и садилась в пяти шагах поодаль в соломенное кресло с книгой в руке, будто желая еще сильнее подчеркнуть, что отличается от них.

Девушка не вмешивалась в разговор, пока ее о чем-нибудь не спрашивали, и, казалось, была занята только чтением. Когда непрерывно квакающие лягушки у бассейна вдруг затихали, Юсуф, заметив наступившую тишину, прерывал разговор и говорил:

— А, Зулейха-ханым, наверное, опять змея приползла.

Тогда Зулейха вставала и ходила вокруг бассейна, стараясь в потоке света от фонаря, который просвечивал бассейн до самого дна, увидеть охотившуюся на лягушек водяную змею.

Хотя и казалось, что Зулейха живет в своем мирке, она всегда внимательно слушала, о чем говорили.

Много раз предметом разговора между Али Осман-беем и Юсуфом становились воспоминания о Войне за независимость. Под фонарем, что чуть покачивался и словно рассеивал тусклый зеленоватый свет сквозь

тень листвы, рождались эти воспоминания. Об этом говорилось с улыбкой, и Зулейха получала более живое представление о крупнейших сражениях, чем давали самые образные плакаты.

Как-то ночью во время одного из таких рассказов Юсуф повернулся к Зулехе и сказал:

— Зулейха-ханым, я с вами еще с тех пор знаком. Ваш отец иногда видел вас во сне. И как он рассказывал, странный это был сон... Он заходит в каменную комнату в чем-то вроде постоянного двора, где на каких-то нарах лежите вы в рваной одежде... Будто бы вас украли из дома и принесли туда цыгане... Отец ваш очень волновался из-за того, что видение это всегда повторялось, и когда был вконец измотан, говорил: «Если снова увижу дочь в таком виде, начну бояться засыпать».

Когда Юсуф это произнес, полковник опустил глаза и рассмеялся:

— Да все это неважно. Просто нервы расстроились.

Благодаря этим воспоминаниям Зулейха узнала о мучениях отца и тех лишениях, через которые он прошел в те годы. Она больше не удивлялась, что перед ним, казалось, просто благоговели этот богатырского сложения молодой человек и его мать, деревенская женщина с суровым и непроницаемым лицом.

В первые дни после победы Зулейха услышала, как пожилой мужчина, судя по его одежде, бывший военный, рассказывал сгрудившимся вокруг него школьникам о Войне за независимость: «Под командованием Гази* военные стали в стране головой, народ Анатолии правой рукой, а женщины Анатолии левой рукой. И, только объединив наши усилия, нам удалось спастись».

Из всего, что Зулейха когда-либо слышала или читала об этой войне, это простое описание почему-то глубже всего врезалось ей в память.

---

* Гази, Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) — руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918–1923 гг. Первый президент Турецкой республики (1923–1938).

Сейчас, находясь в саду, облокотившись на стол, она наблюдала за тремя людьми, которые в ее глазах представляли эти три силы. Книга без дела лежала у нее на коленях, в то время как сама она жадно вглядывалась в лица присутствующих. Во всех воспоминаниях, которые одно за другим будто произошли с ней самой, возникали за этим столом, ее отец представлялся ей великим командиром, Юсуф его бессменным воином, пожилая женщина в платке матерью этого воина. И так должно было быть всегда.

Но иногда, когда меняли тему разговора и речь заходила о событиях сегодняшнего дня, единство распалось. Во взглядах на жизнь и устремлениях проявлялись различия, каждый становился человеком, живущим в своем собственном мире.

Полковник постоянно осуждал Юсуфа за то, что после войны тот ударился в политику, а все земельные работы взвалил на плечи пожилой матери. Ему не верилось что даже после всех горьких экспериментов Юсуф сможет исправиться, и постоянно его задевал: «Ты не похож на того, кто может просто взять и остановиться. Все тебе не сидится на месте».

Юсуф был всегда тверд и непреклонен в спорах на эту тему, а потому они часто ругались с командиром.

— Я всего лишь хотел быть полезным. Прививать нововведения в стране, обучать соотечественников жить по-человечески. Я не понимаю, почему вы мне не верите? — выговаривал он, а потом клялся, что посвятит себя только земледелию.

Юсуф искренне желал служить родине. В этом не сомневался даже полковник. Но вот уверения Юсуфа, что он и думать забудет об управлении и политике, выглядели неубедительными. Он все так же жаждал власти. Все так же грезил и видел себя в кресле городского главы.

Блестящие и показательные проекты, что он разовьет в особняке, были лишь обходным путем, благодаря которому он мог добиться поставленной цели.

Каналы, которые должны были рукавами пересекать поместье, сельскохозяйственные орудия с мотора-

ми последней модели, выращенные по новым технологиям банановые плантации должны были привлечь внимание государства к человеку, которого скинули с должности главы города из-за местных мелких интрижек и презренной клеветы. И в конце концов...

Мать Юсуфа, обладавшая трезвостью и рассудительностью истинной жительницы Анатолии, ничего не понимала в этих спорах. Но зато улавливала в них опасность и ждала, что ее время от времени возникавшие сомнения, которые сама она выказывала только тревожными взглядами, более открыто выскажет командир. И воздействует на ее сына силой своего авторитета.

Зулейха считала правильным, что отец при каждом удобном случае говорил Юсуфу об опасности всех его экономических чудес. Но по мере того как Юсуф все более воодушевлялся, у него даже набухали вены на лбу, она не могла не признать, что мужчине нужно обладать упорством и иметь твердые убеждения.

Глава десятая

Однажды ночью, когда ветер дул сильнее обычного, вечернее собрание проходило в доме, в комнате Юсуфа.

Эта комната целиком занимала одно крыло дома и, несмотря на все ремонты и перестройки, походила больше на маленькую оружейную палату. Каждый предмет здесь — потемневшие перекладки на потолке, узкие окошки с железными ставнями, похожие на щели бойниц в толстых стенах, двери, заржавевшие замки которых издавали железный скрежет, а железные засовы дребезжали, печка, превращенная в музей оружия, — все это во всем своеобразии осталось с тех времен, когда здесь нашел прибежище прежний владелец-деребей. Полковник подошел к печке так, как обычно подходят к михрабу*, и подозвал к себе Зулейху:

— Подойди, дитя. Смотри, Юсуф превратил комнату в маленький музей Освободительной войны. И скажи мне, что тут делают среди оружия эти топоры, мотыги и бороны? А ведь это тоже оружие... Во время войны народ пользовался в первую очередь ими...

Зулейхе вдруг захотелось прижаться к отцу, что она и сделала, и так продолжала рассматривать стоявшие на полках предметы: старые ятаганы**, палаши***, по-

---

* Михраб — молитвенная ниша в мечети, указывающая направление молитвы в Мекке.

** Ятаган — большой кривой турецкий кинжал.

*** Палаш — кривая восточная сабля.

крытые плесенью ручные гранаты и их составные части, на каждую из которых был прикреплен небольшой ярлычок.

Кроме того, там лежали еще и трофеи: измятые шлемы, остатки ремней, офицерский бинокль, один окуляр у которого был раздроблен пулей.

Полковник взял в руки измятую и избитую металлическую кружку и долго крутил ее в руках:

— Многие месяцы мы с Юсуфом пили из нее воду. А иногда если был, то ели и суп.

Юсуф постарался придать этой благородного вида и грубо отделанной комнате новый облик. Он с трудом приделал к стенам листы прессованного картона и фанеры, с помощью копий известных картин и целой груды современных вещей.

Обстановкой комната походила на современный салон, который соорудили на театральной сцене, или, даже скорее, на убранство конторы и чем-то отдаленно напоминала кабинет Юсуфа в министерстве в Силифке. Здесь тоже были сосновый письменный стол, вращающийся стул, ножницы для бумаги, линейки, марокканские кресла и канапе*. Был предусмотрен даже маленький внутренний телефон, чтобы связаться с комнатой управляющего или с конюхами.

На рабочем столе и на стуле, прижатые дорогим пресс-папье** — чтобы их не унесло ветром, — лежали планы, каталоги новых сельскохозяйственных орудий и прочие бумаги... Опытный глаз в этой комнате мог рассмотреть наслоившиеся друг на друга два пласта жизни Юсуфа. Но Зулейха больше обращала внимание не на те предметы, что выдавали в хозяине комнаты карьериста, а на те, что показывали умение Юсуфа следовать всему новому. И это ей нравилось.

---

* Канапе — небольшой диван с приподнятым изголовьем, софа (*Примеч. ред.*).

** Пресс-папье — тяжелый предмет из бронзы, мрамора и т.п., которым придавливают лежащие на столе бумаги (*Примеч. ред.*)

Зулейха уже достаточно привыкла к Юсуфу и его матери, но, несмотря на это, вновь встала чуть поодаль. С видом царицы, которая всегда стремится оставить дистанцию между собой и окружающими людьми, и в одиночестве принялась рассматривать фотокарточки, развешанные на стенах.

На одной из них Юсуф, склонив колени, стоял перед отцом и перевязывал ему рану на запястье. В момент, когда был сделан снимок, они оба смотрели в камеру и смеялись. Юсуф, заметив, что этот снимок заинтересовал Зулейху, вытащил из отделения письменного стола фотоальбом, чтобы показать и другие фотографии ее отца.

Юсуф одну за другой перелистывал страницы альбома и давал короткие пояснения. И из этих немногих невыразительных фраз перед Зулейхой сложился целый роман.

На одной из страниц обнаружилась мутная фотокарточка ребенка лет двух-трех. Юсуф спросил, показывая на снимок пальцем:

- Знаете таких?
- Нет.
- Посмотрите-ка повнимательнее.
- Откуда я могу знать.
- Это же вы на ней.

Зулейха не могла вспомнить эту фотографию. Возможно, после очередного сражения ее заказали у уличного фотографа, чтобы послать отцу. На голове у Зулейхи красовался огромный бант, один чулок сполз на ботинок, лицо все было размыто, потому что она качнулась, когда снимали. А может, она плакала.

Зулейха отвела взгляд от снимка:

- А как она попала к вам?
- Она выпала из книжки, которую мне дал ваш отец.

А я потом как-то все забывал отдать...

У Зулейхи не было детских фотографий этого возраста. На языке все крутилось: «Можно я ее возьму?» Ей всегда было ненавистно просить даже самые элементарные вещи не то что у чужих, но даже у самых

близких людей. А потом, что-то ей смутно подсказывало, что не следовало касаться воспоминаний тех лет.

Со следующих страниц альбома выпали еще две фотографии. Юсуф поднял их с пола и удивленно спросил:

— Как они сюда попали?

Он бросил их на стол, чтобы потом убрать в другое место. Заметив интерес на лице Зулейхи, он снова взял их и протянул девушке:

— Это я. фотокарточка сделана за год до Мировой войны.

Зулейха мельком взглянула на снимок и сказала:

— Странно, а разве тогда шляпы не были запрещены*?

— Запрещены, но только у нас в стране... Это было снято во Франции...

— Во Франции? Так вы были во Франции?

— Да, чуть больше двух лет.

— Но вы об этом никогда не рассказывали.

— Наверное, просто не было подходящего случая.

Зулейха удивилась. Она знала, как о пушестве в Европу разглагольствовали те, кто были там пару недель проездом; а не то что прожили два с лишним года. Ей казалось странным, что такой человек, как Юсуф, любящий покрасоваться и по которому было видно, что он много значения придает положению в обществе, званиям и орденам, этим не хвастался.

В комнате Юсуфа отдельный уголок был отведен сувенирам из Франции. Там на полках двух сдвинутых этажерок стояли французские книги и журналы.

Часть книг оказалась хрестоматиями для чтения, грамматиками и словарями для изучающих иностранный язык. А часть — научными изданиями, ориентированными на массового читателя, романами, купленными случайно в лавочках на станциях или пристанях.

---

* В 1925 году на заседании Великого Национального Собрания Турции был принят закон об обязательном ношении шляпы и запрете ношения фесок — обязательного головного убора для мужчин в Османской империи.

И хотя часть книг не была даже разрезана, заметки, сделанные карандашом на полях некоторых из них, доказывали, что Юсуф над ними порядком посидел.

Юсуф заметил интерес гостей к книгам и проявил радушие:

— Если вам нравится что-нибудь, то, пожалуйста, берите... Хотя все... Мне от них уже проку никакого...

Зулейха выбрала несколько пьес с иллюстрациями, чтобы почитать перед сном, и спросила:

— Почему после войны вы не вернулись в Париж, чтобы закончить образование? Возраст вам позволяет...

Юсуф горько усмехнулся и посмотрел на полковника:

— И возраст уже не очень позволяет, но еще больше — голова. После всего, что мы пережили, какая голова сможет заниматься тонкостями науки? Я верно говорю, командир?

Полковник рассмеялся:

— Ты почему не скажешь моей дочери правду?

Юсуф с деланным недоумением приподнял брови:

— А что может быть большей правдой, чем эта? Что еще добавить?

Полковник повернулся к Зулейхе и полушутя-полусерьезно сказал:

— Юсуф мог вернуться во Францию только в одном случае. А именно, не приведи Аллах, если начнется новая германо-французская война... У нас есть договор с Германией: мы должны на добровольных началах вместе с ними высадиться в Марселе. Так ведь?

— Не нужно, командир.

Полковник сел в кабинетное кресло Юсуфа и принялся крутить в руке ручку.

— Юсуф непримиримый враг французов, Зулейха... И хотя он превосходно знает французский, любит читать, он даже не притрагивается к этим книгам... Может, даже поклялся этого не делать...

Зулейха заинтересованно спросила:

— А почему? Разве мы сейчас не в хороших отношениях со всеми бывшими врагами? Даже с теми, кто при-

чинил нам гораздо больше, чем французы. С теми, кто дошел почти до самой Анкары, и то мы...

Полковник хотел добиться объяснений от Юсуфа. А потому притворился, будто соглашается со словами дочери:

— Юсуф, она рассуждает логично, так что тебе придется ответить...

— Командир, тут не в логике дело, это дело чувств. Вы не забывайте, что я человек грубый и дикий...

— Нет-нет. Это не разговор. Скажи почему.

Несмотря на то что говорили больше шутками, было видно, как на лбу у Юсуфа стали набухать вены.

Он задал Зулейхе странный вопрос:

— Упаси Аллах, но давайте допустим, что кто-то из них причинил зло вашему отцу... Он тоже в новобранцы не дураков каких отбирает, оказывает сопротивление как надо... Они в расчете, возможно, придет день и заключат мир... Но если бы случилось так, что зло причинил я, он бы меня простил?

Девушка рассмеялась:

— Я не совсем поняла, что вы хотели сказать.

— Сейчас поймете. Он меня не простит.. Потому что я назвал его своим командиром... И если я сделаю ему какую-нибудь гадость, это будет преступлением против человечности. Но с точки зрения войны это правильно. И по законам природы тоже. Зверь выхватывает кость из пасти другого зверя и пожирает ее... Вы знаете, сколько маленьких деревцев чудовищным образом уничтожили вон те деревья, что окружают этот сад, пока выросли до таких размеров? Их количество известно только Аллаху. Почему, вы думаете, на нас нападают наши соседи, как только почувствуют, что сильнее нас? Почему они занимают наши сады, виноградники, а потом толпами стоняют туда на работы наших детей? Это их право. Таковы уж наше естество, наша природа, такими нас создал Аллах. Точно так же, окажись власть в моих руках, сделал бы и я...

— Но почему тогда все имеют на это право, а вот французы...

Юсуф, жестом, который мог показаться грубым и который потом так раздражал Зулейху, прервал ее:

— Ну вот теперь, если позволите, расскажу, почему не французы. Чуть позже... Я вам разъясню... Возьмем, к примеру, англичан. Англия страна торговцев. Они играют в открытую. Какой-то человек отдал все, что у него было. Сверх того, поставил на карту свою жизнь, а потом, когда построил флот, заявил о себе как о величайшем пирате в мире. И конечно же, обладая таким флотом и такой силой, он весь мир обложит данью... Но он никогда не пойдет на самопожертвование, считая его работой или игрой. А если бы я оказался на его месте, поступил бы я иначе? Окажись черпак в моей руке, разве не сказал бы я «отведаю-ка и я разок шербета из индийского финика*»? И окажись власть в конце войны не у него, а у меня в руках, разве не захватил бы я Лондон так же, как они захватили Стамбул? Вот, а теперь о том, почему англичанам можно простить то, чего нельзя простить французам... Чем они отличаются? Сейчас я вам отвечу, Зулейха-ханым.

Мы знали французов с разных сторон и как наших учителей, и как друзей... Мы присоединились к знаменитой декларации прав человека. Мы поверили заявлениям их философов, ученых, писателей, даже политиков: «Превыше всего мы будем почитать истину, красоту, человеколюбие». Мы это прочли, перевели, толковали нашим детям на школьных занятиях. Семилетних детишек мы заставляли учить французский. По примеру многих я поехал получать образование в их страну. Я сидел вместе с их детьми. Для меня они были братьями, учителя — отцами... такое место они занимали в моем сердце. Но когда потом я увидел их сначала в Чанаккале**, а потом и в Стамбуле, во мне проснулась звериная ярость. Конечно, может, и у них на то

---

* Индийский финик, или тамаринд, — растение семейства бобовых, из стручков которого готовят специи и сладости.

** Чанаккале — город на берегу Дарданелл, давший имя турецкому названию пролива.

есть свои причины, они вечно найдут себе оправдание. Но как я уже говорил, я из тех ненормальных, что попадают во власть чувств. Я не в состоянии их понять. Я лишь знаю, что те люди, которых я считал и называл своими учителями, отцами, братьями, уважаемыми людьми, а потому долгие годы любил, в самое тяжелое для меня время исподтишка ударили меня. И что еще хуже, они смотрели на меня не как на побежденного, а как на что-то жалкое и ничтожное. Они говорили «Стамбул захвачен». Я вам клянусь, я сказал лишь: «Хорошо... Не жди добра от врагов. Будем сетовать на злую судьбу». Но когда генерал Франше Д'Эспере начал с нашим государством говорить тоном господина, я взбесился. А когда они начали высаживаться на юге...

Юсуф вдруг замолчал. Он улынулся, будто боясь в своей запальчивости показаться смешным в глазах Зулейхи.

— Вы задели за больное, командир, — сказал он. — Как начну рассказывать, так...

Полковник заметил неподдельный интерес Зулейхи и попросил:

— Юсуф, расскажи случай с самолетом в Адане.

Юсуф начал отпираться:

— Не стоит... я со злости ляпну что-нибудь не то. Зулейха-ханым почувствует себя неудобно.

Тогда рассказывать начал сам полковник:

— Когда война только началась, Юсуф находился в Адане. Этот случай с самолетом сильно подействовал на него. Именно после этого он присоединился ко мне... И хотя сейчас мстить врагам ему уже не за что, каждый раз, когда он вспоминает об этом, в нем снова просыпается злоба.

Юсуф, играя взятым со стола пресс-папье, принялся рассказывать:

— Рядом со старым вокзалом в Адане стояло большое каменное здание. Там была школа. Внутри находились примерно семьдесят-восемьдесят детей и несколько преподавателей. А так как положение было тяжелым, дети иногда даже голодали.

Как бы то ни было, однажды над школой появился французский самолет. Может быть, они приняли ее за казарму?.. Пусть будет так... Потому что люди никогда не станут стрелять в детей, как бы они ни озверели...

Самолет сбросил бомбу. Она взорвалась рядом с бассейном во дворе. Все дети в это время были на улице... Несколько погибли сразу... Других ранило... Те, кого ранило несильно, сначала разбежались кто куда вместе со здоровыми детьми, а потом, когда у них уже не осталось сил, попадали.

Я видел все происходившее с дороги напротив школы... Вдруг из школы выскочил человек с растрепанными волосами, в рубаше и босой. Это был один из учителей. Он растерянно бегал от одного ребенка к другому.

А сейчас я расскажу вам, что же это за история с самолетом. Члены экипажа поняли, что снизу некому дать им отпор и для них вообще не было никакой опасности. Тут в них проснулась гадкая трусливая смелость, и они начали летать так низко, что почти касались крыши и труб на школе, кружили над нами, издавая страшные звуки.

С того места, где я находился, я своими глазами видел, как пилот начал стрелять из пистолета в беспомощно бегавшего за детьми туда-сюда учителя. Аллах, каким же нужно быть бесстыдным и подлым, чтобы, убив столько детей, пытаться застрелить еще и этого несчастного... Зулейха-ханым, я видел столько сражений, но этот гул мотора никогда не смогу забыть...

***

На втором фотопортрете, что выпал из альбома, была изображена молодая девушка в соломенной шляпе с широкими полями. Она стояла у края дороги с велосипедом.

Юсуф протянул карточку Зулейхе со словами:

— Девушка из пансиона, в котором я жил, пока был в Париже.

Полковник кашлянул и улыбнулся:

— Есть еще и карточка мадам из парижского пансиона?

— Нет.

— И карточка мужа мадам, братьев и сестер, других людей из пансиона...

— !!!

— Почему?

Юсуф сначала растерялся. Потом угадал мысль полковника, тоже рассмеялся и ответил:

— Нет, командир... Потому что ни на ком другом из них я не думал жениться...

Зулейха с безразличным видом задала странный вопрос:

— Эта мадемуазель ваша невеста?

Юсуф снова рассмеялся:

— У бедняжки сейчас уже, наверное, детям лет по десять-двенадцать... Если бы случилось так, что началась война, то, может быть, сейчас она находилась бы среди нас... Была бы у вас невестка-француженка...

— И вы тогда, возможно, не стали врагом Франции.

— Кто знает, может быть...

— А вы были обручены официально?

— Официально нет... Но мы обо всем договорились. Ее семья была бедной, поэтому никто бы не стал мешать дочери уехать на Восток. Даже ее мать не считала нужным скрывать, что была бы рада этому браку, и всячески содействовала нашей дружбе. Позволяла нам вместе гулять. А ну-ка давайте спросим нашу матушку... В письмах я ей на это намекал. Поднялся скандал... Она поставила мне ультиматум, сказав, что откажется от меня. Не так ли, мама?

Энисе-ханым, стоявшая рядом с печкой — будто бы опасность еще существовала, — удивилась и упрямо покачала головой.

— Спрашиваешь, приняла бы я в качестве невестки французскую девушку? Сохрани Аллах... Это дом твоего отца... Приводи кого угодно, но я точно знаю, что меня тогда здесь не будет.

Всех рассмешило это бессмысленное негодование. Юсуф взял мать за плечи, притянул к себе и потрепал по носу и подбородку:

— Мама, ну сколько уже можно ворчать, а?

Энисе-ханым вдруг будто испугалась, что Зулейха примет ее за старомодную, и сказала:

— Нужно мне еще... Пусть мой сын берет в жены, кого хочет. Я должна уважать ту, кого назову невесткой, это моя обязанность. Но и вы тоже посудите. Как я могу назвать внуками детей, что родятся от французской девицы?

Зулейха улыбнулась:

— Но сейчас есть даже мусульманки, которые выходят замуж за иностранцев...

Пожилая женщина, казалось, обиделась на слова Зулейхи.

— Не пойми меня неправильно, дочка, я не такая нетерпимая, — сказала она. — Я никому ничего не навязываю. Никого не осуждаю. Каждый делает, что хочет... Я это только про своих детей говорю.

Юсуф покрутил в руках фотографию, которую забрал у Зулейхи, и, будто испугавшись, что ее испортят, легким жестом бросил в выдвижной ящик стола.

— Это правда была очень хорошая, очень чистая девушка...

Эти слова стали предисловием для нескольких воспоминаний и рассказов.

Зулейхе показалось, что Юсуф ведет себя немного странно. Она начиталась книг и наслушалась людей из своего окружения и полагала, что основное занятие в жизни мужчины — соблазнять красивых женщин, что ему встречались. Тут обычно шли в ход заигрывания, флирт... Иногда, если были велики различия в социальном положении, в возрасте или еще в чем-либо, все происходило не так явно. Принимало форму совпадения взглядов и чувств, облекалось в профессиональные симпатии, но все лишь для того, чтобы прикрыть все те же похотливые желания. И то, что носило гордое название «высшее общество», являлось ничем

иным, как удобным прикрытием, украшением для этой игры.

В первое время Зулейха не видела особой разницы между мануфактурщиком с золотыми зубами и масляными волосами, который среди наивных девушек городка слыл донжуаном, и Юсуфом. Ей казалось, что этот надменный провинциал, гордящийся своими деньгами, образованием и происхождением, обязательно будет с ней заигрывать. Только этому желанию она приписывала его поведение. Он часто заходил к ним, когда они были в Силифке, иногда присылал ей с посыльным букеты цветов и корзинки с виноградом, а во время любых конфликтов, на балах и свадьбах всегда был при полном параде и при всех орденах. Она только искала случая, чтобы по сильнее задеть и поставить на место этого человека, который возомнил, что она станет для него легкой добычей.

Зулейха предполагала, что по этой же причине ее, по настоянию его семьи, пригласили во владения Гельюзю.

Она думала, что Юсуф покажет себя деребеем, на коне, с пистолетом у пояса и хлыстом в руке, объезжающим свои просторные владения среди толп работников, как принц небольшого королевства, и ослепит гостей своим султанатом. Однако ничего подобного не произошло.

Прошло уже столько дней, а Юсуф все не выказывал никаких стремлений сблизиться. Казалось, это ему было совершенно безразлично. Днем он вообще пропадал и не искал случая остаться с ней наедине, предпочитая прогулки по лесам и полям.

И сейчас он без малейшего смущения показывал ей портрет девушки, которую в свое время любил. Более того, он не опасался рассказывать ей об этом во всех подробностях. Словно говорил это не ей, а другу в непринужденной беседе.

Этот поступок Юсуфа пробудил в Зулейхе странное доверие и симпатию к нему. Она тоже начала привязы-

ваться к этим людям и постепенно подружилась даже с сестрами Юсуфа. Но оставалось еще недопонимание между ней и Энисе-ханым. Пожилая женщина хотя и полюбила Зулейху всей душой, но побаивалась ее передовых суждений и, разговаривая с ней, всегда казалась взволнованной и стесненной. А иногда вообще замолкала на полуслове.

Глава одиннадцатая

Через год умерла мать. Зулейха смогла понять, какое место занимала в ее жизни эта молчаливая и спокойная женщина, только когда ее не стало.

Девушка успокаивалась только рядом с Энисе-ханым, которая на недели оставляла собственный дом и жила у них. Зулейха чувствовала себя очень одиноко в эти дни неопределенности и печали. Она, не стесняясь, клала голову на грудь старой женщине и только тогда чувствовала странное спокойствие, которое давало ей возможность отдохнуть и притупляло душевную боль.

Это был самый несчастный для Зулейхи год. Она видела, как день ото дня слабеет отец, и не знала, что делать и к кому обратиться.

Полковник еще больше похудел. Рана над левой грудью размером с игольное ушко, которую вот уже несколько лет почти не было видно, снова начала гноиться.

Зулейха волновалась, видя, как отец ложится в постель, сразу возвратившись из казармы:

— Папа, ты как знаешь. Но я думаю, тебе нужно снова пролечиться. Хотя бы отпуск возьми... Давай поедем куда-нибудь на пару месяцев. Туда, где тебя смогут наблюдать знающие доктора, и где ты отдохнешь...

Полковник только смеялся над тревогой дочери:

— Да где же я смогу отдохнуть лучше, чем здесь? Где мне лечиться, если не в нашей стране? Тут климат сухой и жаркий. А что касается квалифицированных докторов, так и местные много учились. И опыта у них предостаточно.

Порой с видом строгим и серьезным он говорил Зулейхе:

— Жизнь меня многому научила, дочка. И я в состоянии понять, что и где у меня болит... И сдается мне, ты так за меня боишься из-за смерти матери... Но ты не думай, я пока умирать не собираюсь. Конечно тело у меня уже не то, что в молодости. Но я, слава Аллаху, в состоянии послужить еще несколько лет и армии, и тебе.

Зулейха вспомнила письмо, что она в те дни написала дяде. Это был ответ Шевкет-бею, которого очень опечалила смерть сестры и который писал, что сможет преодолеть боль утраты, только если будет рядом видеть племянницу:

«Отец был даже рад, что вы приглашаете меня в Стамбул на несколько месяцев. Сказал: "Немедленно собирайся, Зулейха. Думаю, что поездка поможет тебе приободриться. Я смогу проводить тебя до Мерсина".

Вы представить себе не можете, как я обрадовалась. Я собиралась с упоением. Даже вам не сообщила, хотела сделать приятный сюрприз. Думала, как вы удивитесь, когда как-нибудь под вечер увидите, как я вхожу в дверь с сумкой в руке. Я вам несколько раз писала об Энисе-ханым, матери городского главы. Пока я не вернусь, она будет к нам ездить чаще. А если попросить, то и останется пожить. Она хозяйка в доме в полном смысле этого слова и, кроме того, очень любит отца. Этого невозможно не заметить. Сам он говорит то же самое и уверяет, что стал чувствовать себя гораздо лучше.

И все же у меня душа была не на месте все время, пока я собиралась. Мне казалось, что, когда уеду, отец умрет, как и мать. И ни с того ни с сего начинала плакать навзрыд. Как вы понимаете, эти беспричинные подозрения и смешные слезы не несут в себе ничего хорошего. Я тоже больна, но не понимаю, от чего мое недомогание. Из-за тяжелых потрясений, что я пережила? Или что-то не в порядке с внутренними органами? Не знаю.

Определились с днем моего отъезда. Отец должен был отвести меня на автомобиле Юсуф-бея до Мерсина.

До отъезда оставался один день, в доме были гости. В половине третьего позвонили в дверь. Смотрю, отец. Не в его привычках было приходить в это время. Я удивленно спросила, что случилось. Он взял сумку с документами, которую ему через дверь протянул слуга, и сказал:

— Ничего, у меня тут срочная работа, поработаю дома, к тому же очень жарко. И работать будет легче, когда переоденусь в домашнее.

После этого разговора я вернулась в гостиную, а он поднялся наверх к себе.

Пока я сидела с гостями, только об отце и думала. Через полчаса я вдруг встала и, медленно ступая на носках, поднялась наверх и резко распахнула дверь в его комнату.

Отец растянулся на канapé, даже не сняв сапоги. Только скинул с себя китель и бросил на стул. Его волосы спутались, лицо исказила болезненная гримаса. Без сомнения, у него был мучительный приступ.

Когда он по шагам понял, что к нему зашли, то вскочил с канapé и рассмеялся:

— Напугала ты меня, Зулейха.

— Чем?

— Просто напугала. Ну как же сегодня душно. Я вот решил прилечь здесь ненадолго. Навалилась дремота. А тут ты так резко дверь открываешь. Понимаешь теперь.

— Понимаю, папа.

Он повернулся к столу и, чтобы меня провести, начал разбирать наваленные там бумаги.

Я села на стул рядом с дверью и, не говоря ни слова, следила за его движениями. Делая вид, что ищет затерявшийся документ, и не глядя на меня, он спросил:

— Ушли твои гости?

— Нет еще.

— Тогда что ты здесь делаешь?

- Ничего... Просто очень жарко. Задремала.
- На этот раз он повернул голову и улыбнулся:
- Хорошо ли говорить неправду, Зулейха?
- После недолгих колебаний я ответила:
- Если это ответ на ложь, то хорошо.
- Ах вот как?

Я встала и медленно подошла к нему. Заглянула в его глаза и взяла за запястья, чтобы он не смог отпираться:

— Зачем вы меня обманываете? Вы больны. Вы не можете находиться на службе... Вам хочется прилечь... А вы не ложитесь, потому что стесняетесь меня. Только из-за меня вы во время приступа боли лежите на канapé. Для вида перебираете бумаги, что разбросаны по столу. Делаете вид, что что-то пишете. Вот хотите, посмотрю эти бумаги, задам вам несколько вопросов о том, что же вы делали, и не выкрутитесь.

Я понимала, что со мной вот-вот случится один из припадков с рыданиями, а потому начала громко смеяться:

— Перед вами не ребенок... И не кто-то из прислуги. А образованная девушка...

Отец попытался пошутить:

— Ты, Зулейха, начала превращаться в ужасного деспота. Смотри, я не из тех мужчин, что готовы находиться под каблуком!

— Ну посмотрим!

— Что за уверенность!

— Сейчас я вас заставлю переодеться и лечь. И срочно пошлю за тем пустоголовым доктором из муниципалитета... Он, конечно, не шибко умен и мало чего дельного сказать может, но все-таки... Упавший в море и за змею хватается. Давайте, переодевайтесь.

— Распоряжается тут. Прямо приказы мне тут отдает...

— А вы думали... Конечно.

— Хорошо, пусть сегодня будет как ты скажешь.

— Сегодня и всегда. До тех пор, пока вы не перестанете ребячиться и обманывать меня.

— Да, но когда ты завтра уедешь...

Я уже все решила и спросила:

— Уеду куда?
— В Стамбул...
— Это я-то? А я не собиралась никуда уезжать.
— Это еще почему?
— А вас я на кого оставляю? Я не поеду.
— Ты все шутишь.
— Это не шутки, папа. Наоборот, я говорю очень серьезно. Прежде всего нужно подумать о тебе. Я не могу оставить тебя одного. Как было бы хорошо, если бы мы могли поехать в Стамбул вместе. И то не ради Стамбула, а ради твоего здоровья. А не сможем, останемся тут вместе.

— Не пойдет.
— Очень даже пойдет.
— Мои приказы должны выполняться.
— Должны. В казарме. Здесь такие порядки не действуют...

Наш разговор был больше похож на перепалку. Не начни мы ругаться, была опасность, что я просто в слезах брошусь ему на шею. И это бы еще ничего. Но в том состоянии, в каком находился отец, я могла довести до слез и его. И это было бы ужасно.

Тут сказывалась военная выправка, отец считал слезы унижительной слабостью, сравнимой разве что со страхом, мольбами и невыполнением приказа.

Если бы я увидела, как он ходил с совершенно сухими глазами, когда все вокруг плакали, горюя по маме, до того, как узнала его ближе, то никогда бы ему этого не простила.

Да, если бы сейчас отец проявил хотя бы минутную слабость, не совладал собой и хотя бы одна непрошенная слезинка появилась в его глазах, он не простил бы этого ни мне, ни себе. Поэтому я немного сменила тон и серьезно сказала:

— Я отказалась от поездки в Стамбул не окончательно. Просто хочу отложить путешествие на несколько недель...

Я так долго и во всех подробностях описываю вам этот случай, чтобы объяснить, как боюсь и переживаю

за здоровье отца. Его жизнь на самом деле в опасности? Если хотите правду, то я не могу этого знать...

Поверите ли вы, если я скажу, что превратилась в классический образец хозяйки дома?

Я занимаюсь уборкой в доме вместе с прислугой, отправляю слуг за покупками, слежу за диетой отца и лекарствами.

Самая сложная для меня обязанность хозяйки — принимать гостей. Вы знаете, как много их приходит с визитами в дом командира в маленьком городке. Теперь я очень уважаю матушку, которая всем этим занималась.

За несколько дней до этого, когда я лежала в кровати, с растрепанными волосами, опухшими глазами и посиневшим лицом, к изголовью подошла Энисе-ханым и сказала: «Вставай, дочка, поди умой лицо, глаза, оденься во все чистое. Нельзя вот так отказать от дома знакомым матери». И что вы думаете, это простое замечание придало мне сил. С того дня я живу верой в то, что не должна закрывать двери дома для гостей матери. Встречать их — моя обязанность.

Кроме официальных гостей есть еще люди, с которыми моя мать близко общалась и любила. С ними я обязана быть особенно вежливой и доброжелательной.

Раньше, когда к нам приходили гости, я сразу же удалялась к себе в комнату и, лежа в шезлонге, читала книгу или размышляла! А сейчас я должна часами сидеть с теми, кто к нам приходит, а потом и возвращать визиты.

Мне не интересны эти разговоры, нечего сказать от себя лично. Поэтому я в основном молчу, но всегда поддерживаю собеседников улыбкой. И это, кажется, нравится гостям, потому что так я, видимо, становлюсь похожей на мать. В первое время, когда я только приехала, про меня здесь ходила дурная слава. Говорили, будто я гордячка и ужасная язва. Но сейчас на меня начали смотреть по-другому, и несколько соседей честно признались мне, что «не знали, что вы девушка простосердечная и такая скромница».

На днях, когда Энисе-ханым разговаривала обо мне с отцом, она обронила такие слова: «Видит Аллах, наша девочка исправляется». Вот, оказывается, какой испорченной я была раньше в глазах этой бедной женщины. Но вот ведь странно, мне даже в голову не пришло разозлиться на это. Что поделать, людей нужно принимать такими, какие они есть.

Эта деревенская женщина, обладающая удивительной жизненной силой, взяла в свои руки управление не только особняком Гёльюзю, но и нашим домом.

Частенько, оставив дела в поместье, она приезжает к нам и каждый раз остается дней на пять.

С одной стороны, Энисе-ханым главный управляющий в доме, с другой — прислуга. Не успеет прийти, как растворяет настежь окна, выносит просушить войлочные ковры, паласы, одеяла и тюфяки, выставляет на всеобщее обозрение мешки с грязным бельем, вместе со слугами занимается стиркой и готовкой. Упрямо чинит мои износившиеся вещи. Но, даже занимаясь такими, казалось бы, обычными делами, она сохраняет властный вид. Энисе-ханым добралась и до отца. Нас обоих она постоянно заставляет что-то делать, и ни у кого даже не возникает мысли ей перечить, не дай Аллах, и не выполнить ее приказания.

Но самое странное в ней не это. Энисе-ханым, конечно, женщина необразованная, однако, несмотря на это, я постоянно с ней советуюсь по поводу здоровья отца. Ее слова придают мне больше силы, чем все наставления врачей.

Всякий раз у меня сжимается сердце, когда она после того, как наведет порядок у нас на кухне, в чуланах, украсит все полки, говорит, что уезжает.

Внешне кажется, что я полностью смирилась с той жизнью, которой сейчас живу. Я почти не разговариваю, мало двигаюсь, в общем, становлюсь похожей на мать. Но все чаще меня охватывает страх. Мне кажется, что еще несколько напрасных попыток воспротивиться этой жизни, и я совершенно с ней свыкнусь.

Однако подумав, я поняла, что это невозможно. Я выросла совсем в других условиях и среде, нежели моя мать. У меня зародились определенные идеи, и, как придет время, мне обязательно захочется воплотить их в жизнь.

Мое сегодняшнее положение — лишь временное. Просто сейчас я вынуждена находиться здесь. Но в скором времени мы обязательно увидимся».

Глава двенадцатая

Ближе к середине зимы полковник слег.

Сначала ему дали отпуск на три месяца. Ближе к весне он, казалось, немного оправился и даже несколько дней ездил на машине в казармы. Хотя это временное улучшение и обмануло Зулейху, она не устала повторять:

— Папа, вам нужен более продолжительный отдых... Боюсь, как бы вы снова не разболелись...

Однажды вечером Али Осман-бей вернулся домой вместе с Юсуфом.

— Зулейха, мне нужно пройти полный медицинский осмотр, чтобы снова получить свидетельство. Завтра я собираюсь в Адану. Юсуф-бей поедет со мной. Он будет меня постоянно сопровождать, так что тебе не придется волноваться. Во всяком случае, дня через два-три я вернусь.

В больнице в Адане сочли, что полковника необходимо какое-то время понаблюдать, а потому вместо двух дней его поездка затянулась на все семнадцать.

Зулейху это уже начало беспокоить, и несколько раз она порывалась поехать в Адану. Энисе-ханым с трудом удалось ее удержать.

Слава Аллаху, письма от Али Осман-бея приходили каждые два дня. Кроме того, Юсуф все подтверждал, присылая снимки, на которых в самых разных позах был сфотографирован полковник в больничном саду.

После возвращения из Аданы полковник выглядел заметно посвежевшим. Как-то раз Зулейха спросила его об отпуске.

— Ты можешь быть спокойна, дочка. Теперь я могу отдыхать даже больше, чем хочу...

— !!!???

— Я ухожу в отставку. Не волнуйся. Ничего страшного врачи мне не сказали. Если захочу, они предоставят приблизительно на год мне право работать. Но лучше этого не делать. Хотя сейчас моей жизни ничто не угрожает, я все равно считаюсь инвалидом. А ты сама знаешь, что в армии полчеловека никому не нужны. Поэтому я подал в отставку по собственному желанию. Думаю, что ты тоже это одобришь.

Зулейха догадывалась, что отставка для отца как для человека военного — сильное потрясение. Поэтому она сделала вид, что поверила его спокойствию и радости, с которым об этом говорил, и улыбнулась:

— Ты правильно сделал, папа. Ты всю жизнь жертвовал собой, поэтому, как никто другой, заслужил право заняться наконец и собой.

Слова полковника обдежили Зулейху еще и по другой причине: после отставки отца у них не было больше нужды жить в Анатолии. Они смогут вернуться в Стамбул или переехать в любое другое место, куда захочет отец, как только придет приказ из Анкары. Зулейха хотела, чтобы отец сам предложил это, и только легкими намеками старалась вывести его на этот разговор. Но прошло уже несколько дней, и Зулейха поняла, что отец и не помышляет о переезде. Ее стали одолевать сомнения. Как-то вечером равнодушным тоном она спросила:

— Папа, а что мы будем делать, когда придет приказ? Али Осман-бей чуть заметно вздрогнул:

— Вот когда приказ придет, тогда и поговорим. А пока остается надежда, хоть и совсем небольшая, что моя просьба не будет удовлетворена...

У Зулейхи екнуло сердце. Моргнув несколько раз, она сказала:

— Вот как! Ну, тогда как знаешь...

Она поняла, почему отец так нехотя разговаривал с ней на эту тему. Сделав вид, что ничего не замечает,

Зулейха с этого времени стала присматриваться к тому, чем занимались отец, Энисе-ханым и зачастивший к ним в дом Юсуф. Девушка заметила, что в отношении нее они что-то затевают. Осуществление их плана означало крушение всех надежд Зулейхи. Юсуф и Энисе-ханым хотели, чтобы после отставки Али Осман-бей поселился в Силифке насовсем. Больше всего самолюбие Зулейхи ранило то, что ее отец действовал заодно с этими деревенскими, и не важно, насколько сблизились они за это время. Нельзя сказать, что она не знала, как одним махом нанести им всем поражение. Однако в данный момент Зулейха была связана по рукам и ногам. Рядом с ней находился больной, за жизнь которого она серьезно опасалась.

Однажды вечером состоялось что-то вроде семейного совета. Перед Зулейхой разыграли смехотворную сцену, которую, это было заметно, спланировали заранее.

Первым выпало говорить бедному Юсуфу.

После небольшой паузы он повторил вопрос, который Зулейха задала отцу недель раньше:

— Когда вопрос с отставкой разрешится, что вы собираетесь делать, командир?

Али Осман-бей пожал плечами, будто говоря «не знаю», и склонил голову.

Очередь сыграть отведенную ей роль дошла до Энисе-ханым.

— Не знаю, но будь я на вашем месте, поселилась бы здесь, — сказала она. — Местные для вас из кожи лезть будут. У нас тут вода хорошая, воздух чистый. И потом, тут есть мы. Мы, конечно, не родня, но с вами сблизилась больше, чем с неблагодарной родней. Мы были вместе и в тяжелые, и в хорошие дни. А если вы снова уедете в Стамбул... Потом, у нас тут житье недорогое... Мясо, овощи, дрова, уголь...

Бедная женщина была гораздо проще Юсуфа, а потому не понимала опасности своей роли. В защиту Силифке она не придумала сказать ничего лучшего, как заговорить о дешевизне. При этом она время от времени посматривала на Зулейху.

Девушка, притворившись, что не догадывается, о чем речь, встала и вышла. Когда Зулейха стояла в передней и громким голосом отдавала приказания служанке, она заметила, как в комнате перестали беседовать, и горько усмехнулась. Будто видела, как ступевалась пожилая женщина.

За этот вечер Зулейха вся издергалась. И хотя она всячески старалась себя сдерживать, но, оставшись с отцом наедине, не выдержала и спросила:

— Папа, время идет, нам пора наконец поговорить о том, что мы будем делать дальше. И, конечно, это должно остаться между нами.

Али Осман-бей понял, что ему сейчас предстоит заслуженная взбучка от Зулейхи. Он тоже считал неправильным затягивать с этим наводящим грусть вопросом. Али Осман-бей прошелся между подушек, которые Зулейха разложила вокруг кресла, на котором он сидел, и начал:

— Я считаю, что сейчас будет большой ошибкой ехать в Стамбул. А ты как думаешь?

Зулейха еще ни разу не видела столько страдания, страха и сомнений на лице отца. И вместе с тем понимала, что ничто не способно заставить его отказаться от принятого решения.

Кусая губы, она сказала:

— Я знаю, что если скажу, что думаю, от этого ничего не изменится, папа. Скажите, что вы решили...

Зулейха, улыбаясь, попробовала было пристально посмотреть отцу в глаза, но вдруг не выдержала и отвернулась, с трудом высвободив руки из его пальцев.

— Зулейха, доченька, сядь рядом.

— Нет, папа, если позволите, я постою.

— Почему?

— Потому что мне сегодня немного нездоровится. Вдруг я расплачусь. А вы это неправильно поймете.

Али Осман-бей поднялся и, поглаживая волосы дочери, постарался развернуть лицо к себе:

— Зулейха, дочка, давай поговорим... Если ты и заплачешь, ничего страшного. Плакать — совершенно

нормально для девушки твоего возраста. Слезы приносят облегчение...

— .....

— Если у тебя немного спадет нервное напряжение, будет только лучше... Ты против того, чтобы мы жили здесь, ведь так? Тут нечего скрывать. Мы оба, слава Аллаху, в здравом уме...

Время было уже позднее. У отца дрожали руки, лихорадочно блестели глаза, стало ясно, что ему предстоит неприятная бессонная ночь. Сейчас главное было его успокоить. И чтобы в дальнейшем не связать себя какими-то жесткими обязательствами, Зулейха, внимательно подбирая слова и смягчив голос, сказала:

— Папа, вы же знаете, я не могу противиться вашим желаниям до тех пор, пока вы до конца не выздоровеете. Да, я могу быть немного не согласна с вашим решением... Но знайте, я возражаю лишь потому, что думаю о вас. Я только хочу, чтобы вы быстрее поправились.

— Обо мне? И что же ты думаешь?

Зулейха слегка коснулась плеча отца.

— Завтра, — сказала она. — Завтра мы будем говорить сколько угодно... Но сейчас вы устали.

— Дочка, раз уж мы начали, нужно договорить все до конца, — сказал Али Осман-бей и, немного подумав, добавил: — Единственное, что может успокоить человека, который привык жить по армейским законам, это найти решение проблемы. Не важно, плохое ли, хорошее ли, и сделать необходимые выводы.

Зулейха поняла, что отец не обретет душевный покой до тех пор, пока не избавится от всех сомнений, которые занимали его мысли. Теперь Зулейха думала не столько о том, чтобы разрешить вопрос с поездкой, сколько о том, как отвлечь и успокоить отца. Она села напротив.

— Сядь чуть ближе, Зулейха, а теперь рассказывай, что ты там хотела сделать ради моего здоровья?

— Все просто, папа. Я хочу вместе с тобой поселиться там, где есть хорошие врачи, где лучше условия, приятнее климат.

— То есть в Стамбуле?

— Я не знаю, где может быть лучше.

Али Осман-бей глубоко вдохнул и сказал:

— Я долго думал об этом, но это невозможно. Точнее, невозможно для меня. Но вот тебе я возвращаю полную свободу. Ты можешь вернуться в Стамбул.

— Я думаю, вы прекрасно понимаете, что сейчас это исключено.

— Дитя мое, ты уже взрослая. Мы можем говорить начистоту. Не знаю, поняла ли ты одну из особенностей моего характера? Я никому не хочу ничем быть обязанным. Такой уж я человек. А больной — это груз, обуза. Стать хомутом на шее молодой девушки. Я не из тех, кто будет кормиться подачками, что бы со мной ни случилось .

— Папа, не нервничай.

— Нет, дитя мое. Молчать о том, что надумал, а только прокручивать это в голове еще тяжелее. И ты это тоже понимаешь. Так о чем я говорил?.. Ах да. Семейное гнездо не вечно, дочка. Родители стареют, умирают. А дети растут. И вот из-за этого распуска командного состава семейный очаг и разваливается. А на его обломках появляются новые и новые семьи. То же самое сейчас происходит и с нами. После того как умерла твоя мать, наша семья оказалась в таком же состоянии, дочка. А если говорить откровенно, то полностью развалилась. И сейчас у меня нет никакого права сказать тебе — давай продолжать жить, изображая некое подобие семьи, состоящей из больного отца и хрупкой девушки, которой только исполнилось двадцать. Поэтому ты видишь, что свободу я тебе даю не только на словах. Ты свободна, дочка. Теперь ты можешь вернуться в Стамбул и жить где захочешь. Но, может быть, ты хочешь спросить: «Почему тогда ты не позволил мне продолжить образование? Ведь так ты обрек меня жить здесь». Мне будет трудно ответить на этот вопрос.

— Нет, папа. Напротив.

— Раньше я тебе уже называл тебе некоторые причины. У меня имелись определенные соображения.

Я считал, что после детских лет, которые ты провела в такое смутное время и в таком окружении, тебе полезно будет пожить несколько лет в Анатолии. В здоровой атмосфере семейного очага. Хочешь знать правду? Я не могу заставить себя поверить, что и в этом я отчасти ошибся. Но все же, надеюсь, жизнь здесь оставила в твоей душе хоть какой-то положительный след. И это пригодится тебе в будущем.

— Конечно, папа.

— А сейчас, дочка, решаем. Я остаюсь, ты возвращаешься.

— Куда?

— В Стамбул, конечно.

Зулейха нервно кашлянула и, чтобы не показывать слез, что застилали ей глаза, подошла к отцу сзади и, положив руки ему на плечи, медленно нагнулась и поцеловала в висок. Зулейха всегда оставалась очень сдержанной в проявлениях своей любви.

Полковник усмотрел в этом робком, стыдливом поцелуе что-то необычное и постарался повернуться.

— Папа, ты как ребенок, я снова тебе напоминаю. Разве можно нам разъехаться сейчас?

— Все равно рано или поздно ты выйдешь замуж.

— Об этом у нас еще будет время подумать.

— И я тебе тоже повторяю, что не тот человек твой отец, чтобы принять самопожертвование.

— С чего вы взяли, что это самопожертвование? Вы должны знать, что если жертвуют чем-то ради любимого человека, то такая жертва только в радость.

— Ты это все в романах вычитала, дочка. В жизни все не так.

Немного поколебавшись, Зулейха сказала:

— Бедный папочка, вы не знаете, как на самом деле жестока ваша дочь. Я просто не могу сделать или принять что-то, к чему у меня душа не лежит. Сейчас здесь, рядом с вами, я живу жизнью, наполненной любовью к вам, и боюсь, что в будущем буду тосковать по этому.

Каждый раз, когда Зулейха задумывалась о том, что сказала отцу, из глаз ее текли слезы, которые она с тру-

дом сдержала тогда. С изумлением она понимала, что, несмотря на все лишения, она жила насыщенной духовной жизнью. Такого прежде никогда не было.

***

После того ночного разговора прошло три или четыре месяца. Они отправились в Гёльюзю, чтобы провести в особняке последние погожие летние деньки. Вечерело, отец с дочерью сидели в саду у бассейна.

Али Осман-бей расположился в соломенном кресле, накрыв ноги легким одеялом, последнее время у него стали отекают ноги, и ему тяжело стало ходить. В какой-то момент разговор зашел о Юсуфе.

— Ты заметила, Зулейха, — сказал Али Осман-бей, — Юсуф снова не показывается.

Девушка рассмеялась:

— Он, должно быть, в тайне ото всех бродит вокруг здания муниципалитета в Силифке.

— Я так не думаю.

— А я считаю, что так оно и есть. Поместье его не интересует. Его голова занята другим.

— Возможно. Но есть причина и поважнее. И мне интересно, догадаешься ли ты, какая?

— И в чем тогда дело?

— Ты заметила, что его мать почти все время проводит с нами, а вот Юсуф нас упорно избегает?

Что-то насторожило Зулейху в словах отца и в том, как он улыбался.

— Да, но мне на ум ничего не приходит, только та причина, которую я уже назвала.

— Нет, дело совсем не в этом. Он избегает находиться рядом с тобой.

Зулейха нахмурилась.

— Вот как? С чего бы это?

— Боится, как бы народ чего не насочинял.

— Странно.

— Ничего странного. Скорее наоборот. Для местных очень даже естественно. Да, собственно, везде

примерно одно и то же. Если две семьи тесно общаются, и в одной есть девушка на выданье, а в другой неженатый мужчина.

— А что, пошли какие-нибудь сплетни?

Али Осман-бей, будто не услышав слов Зулейхи, засмеялся пуще прежнего:

— Особенно если одного из них зовут Юсуф, а другую — Зулейха*.

На этот раз засмеялась Зулейха:

— Уж не думают ли они, что я, как Зулейха, преследую Юсуфа?

— Ну, до этого, конечно не доходит. Однако некоторые люди мне много разного наболтали в Силифке.

— Это когда? Ведь в последнее время вы ни с кем не встречались. — Зулейха встала: — Что-то мой уважаемый отец не договаривает.

— Ты несправедлива, Зулейха. Ты знаешь, что я всегда говорю начистоту.

— Но мне кажется, что с недавних пор вы изменили этой своей привычке, папа.

— А что поделать, дочка. Ты немного резковата, а потому мне приходится говорить осторожно.

— Это в самом деле так. Признаю. Но я не замечала, чтобы так вела себя с вами. А сейчас скажите мне, кто же вам все это рассказал. Уж не сам ли Юсуф-бей?

Полковник кашлянул и рассмеялся, чтобы показать всю беспочвенность этих подозрений:

— Ну, разве такое возможно. Это при его-то соблюдении всех правил приличия делать мне хоть малейшие намеки?

— Кто же тогда?

---

* Юсуф и Зулейха — библейско-кораническая легенда об Иосифе Прекрасном. В течение своей жизни он испытывает немало бед, из которых, казалось бы, нет выхода. Юсуф — человек, который никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяет себе сомневаться в величии и силе Аллаха. Зулейха — вторая главная героиня поэмы, видит Юсуфа во сне и влюбляется в него. Но прежде, чем они встретятся, девушка тоже испытает немало бед и лишений.

— Его мать.
— Вы правду говорите?
— Она попросила сосватать тебя за своего сына.
— Но это все так странно. Вы же знаете, что Энисе-ханым меня недолюбливает, и вряд ли когда-нибудь изменит свое отношение ко мне.

— Ты, дочка, не знаешь этих провинциальных женщин. Я ничуть не сомневаюсь, что Энисе-ханым, побаивается твоих взглядов. Для таких, как Энисе-ханым, гораздо важнее, из какой семьи девушка, нежели то, что она думает. Вот насколько откровенен я с тобой.

— В таком случае получается, что Энисе-ханым просит меня в жены своему сыну, потому что очень привязана к вам?

— Мы будем крайне несправедливы к бедной женщине, если не признаем, что в чем-то ты ей нравишься.

— Значит, и господин наследник не стоит в стороне от всех этих проектов? А каковы его соображения по этому поводу?

— Мне кажется, он должен быть доволен. Не может же быть, что он равнодушен к такой девушке, как ты.

— А что по этому поводу думает мой почтенный отец? Интересно, что же он им ответил?

Али Осман-бей растерялся. Он не ожидал от Зулейхи столь прямого вопроса. А потому притворился, что не понял.

— Что я им ответил? Сказал, что и у стен есть уши и что пусть никто этих ваших слов не услышит.

— Почему?

— Потому что это невозможно.

— Почему невозможно?

— Я подозреваю, что ты вовсе не сторонница этого брака.

— Очень хорошо. Почему же тогда вы мне сейчас об этом рассказываете? Ведь раньше вы вроде считали, что лучше будет от меня это скрывать?

Али Осман-бей слегка покраснел и прижал голову дочери к себе.

Девушка продолжала:

— Я могу узнать, что по этому поводу думает мой уважаемый отец?

— Твой отец, хотя ему еще не так уж и много лет, уже старик, дочка... Хворый, немощный, во всех смыслах пенсионер... И все его соображения теперь равным счетом ничего не значат.

— Папа, что вы такое говорите?

Зулейха чувствовала, что в ее жизни настал переломный момент, у нее перехватило дыхание.

В словах отца чувствовалась грусть, как у защитников побежденной крепости, которые после долгой героической обороны вывесили белый флаг.

Зулейха поняла, что бушевавшие в ее молодом сердце чувства и страдание в эту минуту в состоянии довести ее до помешательства, и, с трудом сохраняя самообладание, она заговорила:

— Папа, давайте не будем вести себя как дети и все обсудим. Иначе потом пожалеем, что действовали, поддавшись чувствам... Я поняла, что вы собрались сказать: «Я очень хочу, чтобы ты вышла замуж за Юсуфа, но я больше не властен тобой». Вы должны запомнить: вы единственный человек, к чьим словам я прислушиваюсь. И надеюсь, что так будет всегда. Я думаю, что вы разобрались в моем характере. Я не из тех, кто легко позволит надеть ярмо себе на шею. Может, это своеобразие передалось мне от вас. Нужно уважать право человека самому выбирать себе спутника жизни. Если позволите, я хорошенько все обдумаю. Не хочу принимать решение под давлением. Вы станете счастливее, если будете знать, что я сама сделала выбор, и вам не придется в дальнейшем за все отвечать.

В этот день Зулейха рано ушла к себе в комнату. В ту ночь ярко светила луна. Зулейха испугалась, как бы ее свет не ввел ее в мечтательность и не повлиял на способность здраво рассуждать, не поддаваясь романтике. Она закрыла ставни. Долгие часы Зулейха провела в размышлениях.

Скоро ей должно было исполниться двадцать два. И пришло время принять самое важное в жизни решение.

Она видела, что перед ней открывалось несколько возможных путей, но сегодня ей нужно выбрать лишь один из них, предварительно все взвесив и просчитав. Даже принимая в расчет возможную смерть отца. Чтобы достичь своей цели, полковник пошел на небольшую хитрость, что не делало ему чести. Он всегда так ненавидел показывать свою слабость, а сейчас, не стесняясь, говорил об этом Зулейхе. Разве это не было ударом по самым слабым ее сторонам? Поступок отца задел гордость Зулейхи и побудил к тому, чтобы без раздумий наотрез отказаться от этой свадьбы. Но ей показалось, что сегодняшний день — поворотный момент в ее жизни, а потому была просто обязана остановиться и взвешивать все «за» и «против» до тех пор, пока совершенно отчетливо не представит свою дальнейшую жизнь.

Откажись она от этого замужества, что ей останется делать? «Жить, следуя голосу ума и сердца, быть независимой», — эти напевы, что она вбила себе в голову, когда была неопытной пятнадцатилетней девчонкой, по привычке все еще звучали в голове. Но нужно было подумать, как осуществить это на деле.

Действительно, что она станет делать? Сколько ей будет лет, когда умрет отец и она останется совсем одна? Не менее важным было то, в каком душевном состоянии она будет пребывать после стольких лет, проведенных в роли сиделки в этих мрачных и пропахших лекарствами комнатах?

Ее образование осталось незаконченным. И теперь уже глупо было надеяться его продолжить.

Она подумывала о том, чтобы, следуя своему идеалу, найти скромную работу и зарабатывать себе на хлеб. Но сейчас и это казалось детскими мечтами, не стоившими даже того, чтобы тратить на них время.

И снова в поисках выхода она вернулась к мысли о замужестве. Получается, что оставался лишь этот вариант. Да, но где, как, с кем?

Все предпринятые отцом попытки заставить Зулейху жить в Анатолии можно было считать неудавшимися.

ся. Но, немного поразмыслив, сейчас она понимала, что ситуация сильно усложнилась в сравнении с недавним прошлым и что сейчас она воспринимает вас иначе.

В другом окружении, например, рядом со своими родственниками в Стамбуле, она теперь могла оказаться лишь ненадолго, как совершенно посторонний человек. И не важно, как это выглядит со стороны, у нее теперь оставался единственный шанс: используя любой удобный случай бывать в обществе и там заарканить человека, за которого можно выйти замуж. А для этого нужно было флиртовать, кокетничать. А это казалось Зулейхе ничуть не менее унижительным, чем выходить замуж по договоренности, как делали раньше.

Да, когда целью стало замужество, Зулейха поняла, что было бы глупо не принимать в расчет Юсуфа, который так удачно подвернулся. В то время как другие варианты даже не приходили в голову.

О Юсуфе говорили, что он хорошо сложен и вообще привлекательный мужчина. Никто не сомневался в его человеколюбии и порядочности. Но чувствовалась в нем какая-то незрелость, которая заслоняла его природную красоту. А простоватое лицо провинциала обретало энергичность и мужественность только в минуты гнева, от чего у него даже вены вздувались на лбу.

И к тому же его сильно опошляла тяга обрести положение в обществе и жалкие звания, которые он считал идеалом своих устремлений.

И наконец, Юсуф зазнавался, считая себя передовым человеком, умничал перед земляками, а потому выглядел смешным. Возможно, способная и решительная женщина со временем смогла бы вылепить из этого сырого материала интересного и современного мужчину...

Однако Зулейха все же видела в этом браке полезные для себя стороны: теперь она бы уже не одна ухаживала за больным отцом. Жизнь вошла бы в более спокойное русло. Какую-то часть года она смогла бы

проводить, путешествуя по другим странам вместе с мужем. А для этого достаточно было пожертвовать частью своих идеалов, а точнее, частью своих мечтаний.

Зулейха не спала всю ночь. Но в итоге приняла решение. Но чтобы быть окончательно уверенной, она еще три дня ничего не говорила отцу и каждую ночь прокручивала в голове всю цепочку размышлений.

***

Настал день, когда они должны были возвратиться домой в Силифке. Зулейха вместе с Энисе-ханым собирала для стирки белье отца. Воспользовавшись тем, что пожилая женщина вышла за чем-то в переднюю, Зулейха подошла к Али Осман-бею.

— Мы на днях кое о чем с вами разговаривали...

Место и время для обсуждения столь серьезных вопросов были такими неподходящими, что Али Осман-бей не сразу понял, о чем речь, и удивленно спросил:

— О чем мы говорили?».

— Мы говорили о моем замужестве с Юсуф-беем...

Али Осман-бей заволновался еще больше.

— Да, дочка...

— Вы мне сказали, что меня сватала Энисе-ханым.

— Да, Зулейха...

— Но я кое-что не совсем поняла. Этого хочет она или же она обращается от имени своего сына?

— Конечно, она выражает желание сына... Как может быть иначе?

Али Осман-бей неверно истолковал трехдневное молчание и задумчивость дочери.

И сейчас он ничего не понимал по ее непроницаемому лицу и продолжал удивленно смотреть на нее.

— Папа, я все обдумала... Теперь мы можем объявить им о решении...

Зулейха считала, что она с большим достоинством выйдет из ситуации, если первое слово останется за ней и она избавится от всех этих привычных церемоний купли-продажи.

В это время с маленькой сумкой в руке в дверь вошла Энисе-ханым. Зулейха с официальным и серьезным видом сразу обратилась к ней:

— Энисе-ханым, вы проявили большое уважение к нашей семье, посватав меня за Юсуф-бея.

Старая женщина застыла на месте, поставила сумку на пол и, часто моргая, смотрела на Али Осман-бея.

Зулейха, с улыбкой глядя на ее изумленное лицо, продолжала:

— Мы с отцом принимаем ваше предложение. Если позволите, я позову Юсуф-бея и сообщу эту новость и ему тоже.

Автомобиль с некоторых пор находился в ремонте, поэтому ехать в город из поместья они должны были в экипаже. Юсуф в саду проверял, как запряжены лошади. Зулейха подошла к окну с таким видом, словно торопилась покончить со всем этим еще мгновение назад. Чтобы не окликать Юсуфа по имени, она резко распахнула деревянные ставни. Юсуф поднял голову.

— Поднимитесь наверх, если вам не сложно. Есть важное дело...

У девушки, как от легкого опьянения, кружилась голова. Когда она увидела перед собой Юсуфа, то снова не позволила никому заговорить первым и в точности повторила слова, что сказала две минуты назад Энисе-ханым:

— Вы проявили внимание и большое уважение к нашей семье. Вместе с отцом мы принимаем ваше предложение. Все согласны, не так ли?

Сделав несколько шагов вперед, она по-товарищески смело взяла руку Юсуфа и пожала ее.

Свадьба Зулейхи и Юсуфа состоялась через два месяца в особняке «Гельюзю».

***

Юсуф и Зулейха сами давали людям повод, чтобы об их жизни сочиняли сказки. Все в округе считали их брак идеальным, словно предначертанным судьбой.

Все склонялись к тому, что Зулейха поверила в сказку и сама сделала первый шаг.

Те, кто видел, как иногда по вечерам обрученные возвращаются с конной прогулки или, стоя рядом, смотрят на закат солнца, воображали, что между ними — как в романах или кино — царит полное согласие. На самом же деле они либо спорили после долгого периода молчания или же говорили о проектах, связанных исключительно с приготовлениями к свадьбе и переезду.

Члены семьи не могли сойтись в главном.

Прежде всего, Энисе-ханым хотела закатить свадьбу на всю округу. Как и для большинства деревенских жителей, для нее это было святое: свадебная церемония являлась делом чести и достоинства для всех обитателей особняка Гёльюзю. Обычно, когда вопрос касался денег, Энисе-ханым становилась расчетливой до скупости. Но сейчас ради свадьбы готова была пойти на любые траты.

Юсуф считал старомодным и каким-то деревенским желание матери осветить Гёльюзю факелами и лучинами, а также наполнить сад музыкой, и находил, что Зулейхе больше придется по нраву вечер с танцами в Силифке.

Что касается Зулейхи, то устраивать вечер с танцами в городе ей казалось не менее смехотворным, чем свадьбу с факельными шествиями и соревнованиями борцов-пехлеванов* в деревне. Ей достаточно было только представить себя невестой на подобной свадьбе, как она начинала испытывать отвращение и презрение ко всему и всем.

Вообще, что такое свадьба? Процесс, похожий на подписание контракта на покупку дома у нотариуса. Нужно сесть в машину и поехать в бюро бракосочетаний, в присутствии двух свидетелей завершить все это как можно тише, без излишней помпы, только и всего. А потом супружеская пара соберет чемоданы и незамет-

---

* Борцы-пехлеваны — т.е. силачи, богатыри (*Примеч. ред.*).

но уедет на несколько недель куда-нибудь. Например, на Кипр, к тете Юсуфа, вот и все дела.

Еще сложнее оказалось решить, где поселится молодая семья.

Энисе-ханым хотела, чтобы они жили в особняке. Юсуф был сторонником того, чтобы арендовать новый дом в Силифке. Зулейха находила вариант свекрови более подходящим. Гораздо лучше расположиться в особняке Гёльюзю в положении домовладельцев, а оттуда летом и зимой как можно чаще выезжать или в Стамбул, или путешествовать по Европе. В этом вопросе Зулейха была особенно настойчива. Серьезной причиной для этого послужило и то, что в последнее время она чувствовала, что Юсуф хочет снова начать работать в муниципалитете. Он полагал, что сможет воспользоваться свадьбой как предлогом, чтобы снова поселиться в городке, и, собрав вокруг себя прежних единомышленников, опять вступить в предвыборную борьбу.

Когда Зулейха иногда с иронией говорила об этой стороне их будущей жизни, Юсуф напрягался, начинал нервничать. А это лишний раз доказывало, что Зулейха не ошибалась в своих догадках.

Юсуф хотел создать своего рода клуб для первых лиц этого городишки. Гостеприимный дом для иногда приходивших в него серьезных политиков, которые, возможно, помогут ему получить должность главы муниципалитета, а в будущем, может, и стать депутатом...

Стремление Юсуфа приобщить к своим недалеким и буржуазным идеалам жену страшно злило Зулейху и было ей просто ненавистно. За этими беседами, которые после непродолжительного сопротивления заканчивались поражением Юсуфа, следовали долгие периоды молчания. И нужно было признать, что это являлось плохим знаком начала совместной жизни, и стоило задуматься о будущем. Зулейха и сама это чувствовала, а потому в определенные дни, когда оставалась с женихом наедине, предлагала ему конные прогулки. Хотя в других районах Анатолии уже началась зима, здесь все

еще стояла осенняя погода. Если же они выезжали из дома рано, то отправлялись в Ташпуджу, смотрели на море.

И та скука, которая зарождалась, когда они, не находя, что сказать друг другу, молча сидели в особняке, исчезала без следа. Даже если лошади и шли иногда голова к голове, а потом разбредались в разные стороны и надолго оставляли каждого в своем мирке.

Юсуф был не из числа трусливых. Если принимать во внимание, что рассказывали о происшествиях в барах Мерсина, то его считали ловеласом и гулякой. Кроме того, он попал под обаяние Зулейхи и пребывал в идиллическом настроении. Но, несмотря на все это, казалось, что Юсуф не решается сблизиться со своей нареченной и сделать их отношения более душевными. Возможно, здесь сыграло роль то, что с самого первого дня Зулейха напустила на себя серьезный вид и вела себя с Юсуфом как товарищ. Из-за страха, что Зулейха может прицепиться к любому слову или действию, Юсуф стал холодным и немного резковатым.

А Зулейха даже радовалась этому безразличию. Когда она соглашалась на это замужество, то больше всего на свете боялась, как бы Юсуф не начал все эти ухаживания и вышедшие из моды разглагольствования о любви.

При таком раскладе она бы не смогла отвечать ему в том же духе даже из уважения, и между ними лишь возникло бы отчуждение.

Нельзя сказать чтобы Зулейха входила в новую жизнь с плохими чувствами. Юсуф нравился ей как мужчина, кроме того, она отдавала должное его порядочности. Если это и не назовешь счастьем, то для того, чтобы создать нормальную семью, этого было вполне достаточно. В эту эпоху не имеет смысла то, что называется любовью. Это вымыслы, достойные былых времен и книг, старая болезнь, микроб которой больше нежизнеспособен, как у проказы. Да, в это время все так говорят и так думают. Даже романы, которые называли любовь живым творением, сейчас называют ее смешным словом и выметают со страниц. Как у самца

и самки животных, у людей были естественные плотские желания, и этим все ограничивалось. А закрывать глаза и грезить о милых чертах лица... Это всего лишь пережиток прошлого, которому нет места среди современных людей.

Природная красота делала Юсуфа человеком, который мог нравиться, но вместе с тем было в нем что-то детское и провинциальное. Даже если бы, по мнению Зулейхи, он был человеком, превосходившим ее в умственном отошении, даже тогда она не была бы так безвольна, чтобы позволить ему стать героем своих снов.

Зулейха готовилась не быть равнодушной к этому мужчине, который, исходя из ее нового восприятия брака, был ей симпатичен физически. Что же касалось любви, то контракт, который они подпишут в бюро бракосочетаний, не предусматривал такой статьи.

***

Но время шло. И Зулейха начала и сама ощущать дискомфорт из-за неестественности их отношений. Как бы то ни было, но такая важная пора в жизни человека, как обручение, не могла проходить бесцветно и бесцельно.

Когда до свадьбы оставалась неделя, жених и невеста снова спустились на берег моря. Был отлив, перепрыгивая с камня на камень, они добрались до края большой скалы. Зулейха, которая, казалось, погрузилась в созерцание заката, вдруг пошатнулась и чуть не сорвалась. Юсуф ловким движением обхватил ее за талию. Но почти сразу же отпустил, будто испугался, что сделал что-то постыдное.

— Извините, Зулейха-ханым, но вы могли упасть, если бы я вас не подхватил.

Его страх передался и Зулейхе. Она посмотрела на Юсуфа. В ее огромных блестящих глазах, казалось, остались красные отблески заката.

— За что извинить?

— Просто... Из-за меня вы себя неудобно...

Зулейха не сводила с него глаз:

— Разве для двух людей, которые вот-вот поженятся, не естественно так себя вести?

У нее немного перехватило дыхание от того, что она вдруг решилась на смелый поступок. С серьезным видом она продолжила:

— Можете поцеловать невесту, если хотите.

На этот раз покачнулся Юсуф. Хотя он уже начал привыкать к американским странностям Зулейхи, которая во всем, даже в этом, хотела сама сделать первый шаг, он не верил, что она серьезно. Зулейха же в эту минуту говорила искренне. А поэтому, чтобы разрешить сомнения Юсуфа, на ее губах играла странная улыбка.

— Думаю, ничего не случится, если двое обрученных один раз поцелуются до свадьбы.

Юсуф, будто опасаясь, что его все еще разыгрывают, вытянул голову и приготовился как бы в шутку поцеловать Зулейху в лоб.

Но смелость Зулейхи достигла высшей точки, и она подставила ему губы.

Первый поцелуй... Это исстари было самым большим событием в жизни молодой девушки. Зулейха верила, что своим поступком она противопоставит себя всем старым традициям, романтической любви из устаревших книг. Этот поцелуй должен был остаться лишь движением губ в подражание любовным сценам в кино, снятым перед объективами кинокамер и под лучами прожекторов. Но Зулейха не уберегла себя от сладости этого поцелуя и, будто воспротивясь этому новому наслаждению, отступила.

И сейчас здесь, на маленькой кровати на «Ташуджу», под легкое покачивание волн, которые унимались по мере того как занималось солнце, она продолжала размышлять. И сомнения вновь закрадывались в ее душу.

Если бы в ту минуту из-за преследовавших ее мыслей она не убежала от наслаждения, будто от чего-то постыдного, а отдалась бы чувствам, которые подчас вернее, чем разум, может, ее жизнь сейчас была бы совершенно иной?

Юсуф был мужчиной, не лишенным положительных качеств. И если им хорошо заняться, то он мог бы превратиться в совершенно другого человека.

Зулейха, как сейчас, помнила все подробности того вечера в Ташуджу.

Юсуф, после того как поцеловал Зулейху, обнял ее за талию и подхватил на руки. Он то отстранял ее от себя и внимательно разглядывал, то притягивал к себе и целовал в глаза, щеки.

И этот поступок, возможно, невинный, как сама молитва, стал проявлением чувств и должен был показать, что Юсуф будет любить Зулейху больше всего на свете. Но девушка с чувством страха и болезненной гордости заподозрила, что с ней играют, как с ребенком или котенком, замерла на руках у Юсуфа и спрыгнула на землю.

Случайно выскочившая в это мгновение из браслета Зулейхи проволочка впилась в рубашку Юсуфа и немного ее порвала.

— Ну вот, сейчас мы точно ничем не отличаемся от Юсуфа и Зулейхи из предания... Я к вам приставала и порвала рубашку. Кто знает, как меня пристыдят за это дома.

Но Юсуф всерьез воспринял шутливые слова Зулейхи.

— Да нет, что вы... никто и не заметит.

Ох, и почему только этот Юсуф такой простодушный?

От этого воспоминания Зулейха быстро перешла к другому, произошедшему ровно через неделю. Ко дню их свадьбы. Зулейха настаивала, чтобы они поселились в поместье, и добилась своего.

Для себя она выбрала большую комнату, в которой останавливалась, когда приезжала сюда погостить. Немного её отремонтировав и покрасив, она сумела придать ей довольно симпатичный вид. Юсуф должен был спать в другой комнате рядом. Свекровь казалась довольно переустройствами в доме. Но она отказывалась понимать, как муж с женой могут спать в разных спаль-

нях, однако не отваживалась перечить и только приговаривала: «Мы люди старые и ничего не разумеем». Они хорошо ладили между собой. Зулейха отвечала тем же тоном: «Не переживайте, ханым, пока мы не спим, все время станем проводить вместе. Тогда что такого в том, что будем врозь, когда спим? К тому же я храплю. Буду мешать Юсуф-бею». А однажды даже сказала:

— Вы женщина, которая участвовала в Войне за независимость. Вы должны знать ей цену.

— Да что ты, доченька, такое говоришь! Муж и жена — одно целое. Какая тут независимость?

Зулейха даже сейчас видела, как от изумления расширились глаза Энисе-ханым. А она, ничего не ответив, лишь погладила старушку по плечу.

В конечном счете свадебную церемонию тоже во многом упростили. Она стала не похожа ни на один из ранее предложенных вариантов. Юсуфу пришлось смириться с желанием Зулейхи, потому что поводом послужило то, что ее отец болен.

После официальной церемонии в бюро бракосочетаний состоялся прием гостей в их доме в Силифке, а потом, ближе к вечеру, все отправились на машине в поместье.

Кроме того, Зулейха не стала противиться желанию свекрови до отвала накормить и напоить жителей Гёльюзю, а потом поздней ночью насладиться факельными шествиями и музыкой на открытом воздухе.

Зулейха накинула поверх свадебного платья мантию и на какое-то время вместе с мужем смешалась с толпой. В таком окружении она чувствовала себя принцессой, которая снизошла до того, чтобы выйти к своим подданным, и втайне этим гордилась.

Наконец настала полночь, для местных время позднее. Свекровь и золовки, немного посидев с новобрачными на балконе, ушли, и Зулейха осталась с мужем наедине.

— Вы не простудитесь?

Зулейха почувствовала, что эти слова были лишь вступлением, и быстро встала.

— Вы правы, хотя воздух и не холодный, но как-никак уже зима. Вы идите к себе в комнату... С вашего позволения, я переоденусь....

— Зулейха-ханым, я хочу у вас...

Зулейха рассмеялась, чтобы не дать ему договорить:

— Позвольте заметить, что после свадьбы нет больше никакой Зулейхи-ханым. Вам теперь нужно называть меня просто Зулейха.

Сказав это, Зулейха быстро вышла и оставила Юсуфа одного.

Зулейха мучилась, думая о смелости и безрассудстве той ночи. В голове у нее звучала единственная мысль: не быть похожей на других новобрачных, не попасть в положение беспомощных девушек, которых насильно берет властитель-мужчина. Она чувствовала отвращение ко всем этим сценам, ко всем пустым и пошлым словам, которые говорят в такие ночи. К притворному жеманству и стеснению, к мольбам, которые она считала унижающими достоинство и неприемлемыми для современного человека, обладающего умом и гордостью.

Нужно было обязательно что-то предпринять, чтобы не позволить Юсуфу втянуть ее во всю эту жалкую комедию. Единственным выходом оказалось неожиданно появиться у него в комнате и с непринужденным видом сказать: «Я пришла». Ведь еще раньше она наперекор всем обычаям в приказном тоне запросто говорила ему «мы поженимся», «вы меня поцелуете». Никаким иным способом она не могла продемонстрировать ему свое превосходство. Но если такой поступок покажется этому ограниченному и простому провинциалу бесстыдством?

Пока Зулейха переодевалась в своей комнате, ее всю трясло от волнения. Смыв косметику, она села напротив зеркала. Она нанесла на губы красную помаду, а поверх ночной сорочки накинула на голые плечи легкую шаль. Все, что нужно для сцены, разыграть которую она собиралась.

Решение было принято, но, несмотря на это, Зулейха никак не могла выйти за дверь. Все ходила кругами

по комнате, будто в поисках чего-то. Ведь она шла не куда-то, а в постель к мужчине. Ее невинное тело невольно сопротивлялось. Зулейха дрожала и злилась на себя за это дурацкое волнение.

Ее размышления прервал скрип двери. Услышав его, Зулейха поняла, что упустила момент. Она опоздала: Юсуф зашел в свою комнату раньше нее. Зулейха вздрогнула, страх заставил ее выскочить в коридор. Но уже мгновение спустя, медленно открыв дверь в комнату мужа и войдя внутрь, она полностью овладела собой. Так актриса, что дрожит как осиновый лист за кулисами, стоит ей увидит перед собой зрителей, вновь обретает самообладание, без которого ей не сыграть свою роль. Зулейха прислонилась спиной к двери и кивнула: «Добрый вечер». Ее кроваво-красные губы резко контрастировали с бледным лицом, но на них играла уверенная и смелая улыбка.

Юсуф выглядел так, будто еще не очнулся от потрясения. Он все еще не переоделся, только скинул пиджак. Из кармана пиджака выпал кошелек, по полу рассыпались деньги.

Увидев в комнате Зулейху, он вскочил с дивана, автоматически потянулся за пиджаком.

— Вы от своего фрака еще не устали? — спросила Зулейха, продолжая улыбаться.

Юсуф старался вывернуть рукав и сказал:

— Извините, это не поэтому... просто при вас...

Зулейха знала, какую цену он придавал всем этим преувеличенным соблюдениям этикета, сделала рукой запрещающий знак и с деланной простотой произнесла:

— Я думала, вы уже переоделись, поэтому не предполагала, что вам помешаю... А если вы сейчас снова начнете одеваться, то поставите меня в неловкое положение... — Она показала на свой наряд и снова рассмеялась: — Вы позволите?

Зулейха сняла шаль и бросила ее поверх пиджака Юсуфа. Теперь она стояла перед мужем с обнаженными руками. Зулейха ростом была гораздо меньше Юсу-

фа, а потому стояла перед ним, немного отклонившись назад и откинув голову. Своим видом она напоминала маленького хищного зверька, который приготовился вцепиться в горло огромному, но не представляющему опасности зверю.

— В свадебную ночь ни к чему все эти правила этикета...

Быстрым движением руки она взялась за оба конца белого галстука Юсуфа, потянула за них и развязала.

У Юсуфа, который ничего не мог понять в происходящем, на лице было удивление, граничащее с радостью. Зулейхе придавало силы видеть его волнение, она сразу же пришла в себя, чувствуя гордость, рождавшуюся от того, что она оставалась хозяйкой положения.

Держа Юсуфа за руку, как гостя или малого ребенка, она усадила его на диван, а сама села рядом на стул.

В краешке зеркала в углу комнаты она видела себя и мужа. Это напомнило ей сцену, которую она в свое время смотрела в кино. Все происходило в углу бара между невинным молодым человеком, который сидел без пиджака и с развязанным галстуком, как сейчас Юсуф, и полуобнаженной известной актрисой... Актриса, пресыщенная распутством, утратившая иллюзии и удрученная жизнью кокотка. Своим видом, позой, в которой сидела, даже накрашенными губами, — совершенно всем Зулейха подражала этой женщине, которая высмеивала наивные мысли о жизни своего молодого друга. Но Зулейху не пугало быть похожей на эту женщину, но даже, наоборот, доставляло удовольствие.

Хотя она ни разу в жизни ни в баре, ни в каком другом месте не находилась так близко с мужчиной, сейчас она лишь хотела как можно лучше копировать поведение той вялой и пьяной кокотки из своих воспоминаний. Положив руки на край дивана, где сидел Юсуф, и, с усталым видом покачивая головой, она смотрела на мужа:

— Вы довольны?

— Чем?

Зулейха кашлянула:

— Ну, конечно же, не поместьем или вашими делами в управе... Нашим замужеством.

— Конечно же, очень доволен.

— И я тоже...

— Интересно. Вы, наверное, шутите...

— Что за разговор? Знайте, что я не люблю шуток, особенно в таких делах.

— Значит, вы говорите правду?

— В противном случае могла ли я согласиться выйти за вас замуж? И что бы я тогда в такое время делала в вашей комнате?

— В таком случае вы...

— Да, это так.

— А я уже начал было убеждаться в обратном.

— Почему?

— Не знаю.. Вы были со мной так холодны.

— А что бы вы хотели, чтобы я сделала?

— Честное слово, не знаю. Я не решался с вами поговорить...

Эти слова польстили Зулейхе:

— Раз я вам сказала, что вы мне нравитесь, думаю, вопрос решен.

Юсуф растерялся. Ему просто не верилось. В нем поднималось приятное волнение от некоторых слов жены, но потом другие ее слова его насторожили. По ее улыбке и выражению лица казалось, что она просто играет его чувством, и Юсуф сдержал свой порыв.

Какое-то время они молчали. Зулейха легко постукивала пальцем по руке Юсуфа, которая лежала на краю дивана, и иногда посматривала в отражение в зеркале.

В какой-то миг Юсуф тоже взглянул в зеркало, и их глаза встретились. Зулейха снова заговорила:

— Вы не разговариваете. Молчите, как невесты в былые времена...

Юсуф наконец нашел в себе силы посмеяться над собой:

— Вы правы, я вдруг как-то растерялся...

— Я сказала вам то, что должно быть вам приятно.

А вы не ответили.

— Простите меня. Я старался этого не показывать, но вы давно все поняли, конеч... Я тоже вас очень люблю...

Юсуф не понял того смысла, который Зулейха вложила в слово «нравиться», и в ответ сказал ей «люблю»... Своим ответом «и я вас тоже...» он поставил жену в положение человека, который только что сделал классическое признание в любви.

Зулейха почувствовала, что у нее горят щеки, встала и быстро начала:

— Извините, извините, я вам не говорила, что люблю вас. Я лишь сказала, что вы мне нравитесь.

Юсуф снова растерялся:

— Извините, но я думаю, что тут нет особой разницы...

— Напротив, разница очень большая... А в этом отношении тем более. Мы должны с вами все обговорить... Любить, а точнее любовь, все это смешная болезнь былых времен... Романы, песни поддерживали это заблуждение, раздувая его своими малоприятными словами и мелодиями. И одним из благ, которое принесла мировая война, против всего ее вреда — это то, что она стерла с лица земли такую любовь. И новые люди, которых мы называем поколением конца войны, уже не встречаются с этими смешными сказками. И если сейчас вдруг появится человек, который скажет, что страстно влюблен, его, как прокаженного, придется изолировать от людей.

Произнося последние слова, Зулейха отрывисто рассмеялась. Потом снова стала серьезной и продолжила:

— Быть влюбленным значит случайного человека превратить в идол и поклоняться ему, лишь в нем одном искать все радости и счастье, верить, что без него не можешь жить... Один французский поэт попытался это сформулировать так: «Исчезнет лишь один, и все

вокруг в засохший виноградник обратится». А потом, эфенди, есть те несколько подлинно больных людей, которые заразились этой болезнью, которую во врачебной практике называют мономанией*. И есть тысячи людей, которые кажутся больными и чья болезнь воображаемая, то есть на самом деле они такие же люди, как вы или я. В старой жизни не было вкуса, радости, свободы... Например, если человек безработный, то он мог смотреть на женщину лишь издалека, через оконные решетки и легкие покрывала или же в замочную скважину и строить мечты: «Больше я не смогу полюбить никого другого, я должен умереть у ее ног. Это она, а она это я». И начнет докучать бедняжке своими душеизлияниями... Это любовь в браке... После различных подсчетов и сторговавшись, двух людей закрывают в комнате, вместе со всеми их сундуками и корзинами. Они спросят имена друг друга, потом начнутся речи вроде: «Эфенди, мы были рождены друг для друга, но не знали об этом... не будь тебя, что бы я делал. Не будь меня, что стало бы с тобой... Теперь для нас есть только смерть, но не разлука... и мы вместе будем до скончания веков». И все эти фальшивые речи, весь этот обман и двух недель не продлится... я надеюсь, что мы с вами сможем избежать всех этих нелепостей...

Зулейха, увидев, что Юсуф слушает ее с глубоким беспокойством и не собирается ей отвечать, снова заговорила:

— Вы меня слушаете с сомнением... Но поверьте, это действительно так... То, что называют любовью, это ненормальное чувство... А современные люди мыслят совершенно по-другому... Каждый человек — отдельный мир... Они не скажут унижительных фраз вроде: «Без вас меня нет, я не смогу без вас, я пленен вами»... Люди, обладающие гордостью и знанием, самодостаточны... Но мы с вами слишком много разговариваем для первой брачной ночи... Я знаю... Но нам

---

* Мономания — сильное пристрастие, влечение к чему-либо одному (*Примеч. ред.*).

обязательно нужно прояснить некоторые моменты... нам нужно было поговорить об этом, еще когда мы только обручились, но я не догадалась...

Теперь давайте поговорим о слове... «нравиться»... Я вам сказала, что вы мне нравитесь как мужчина... Я также верю, что и я вас привлекаю как женщина... Потому что иначе мы не оказались бы здесь, в такое время и в такой ситуации... И поэтому... Поэтому...

До этой минуты Зулейха говорила совершенно свободно. Но когда пришло время сказать о вещах, которые должны были заменить собой романтическую любовь, она стала сбиваться.

— Мы не станем исключать из семейной жизни дружбу... наоборот, со временем, при условии взаимопонимания, можно стать очень хорошими друзьями, товарищами... И потом...

Теперь, как она ни пыталась, все было напрасно, она не смогла больше произнести ни слова. Стараясь принять смелый вид и заставляя себя не стучать зубами, она произнесла:

— И вот я пришла...

Глава тринадцатая

Да, и Зулейха, и Юсуф повели себя не очень хорошо.

Юсуф был простым человеком. Первое время у него действительно присутствовали чувства к жене. Сколько раз с грустью, которую был не в состоянии утешить, он пытался раскрыться Зулейхе. Но Зулейха, с удовольствием отдававшаяся пылкости Юсуфа, ревностно охраняла от него свою душу и не позволяла туда проникнуть.

В такие моменты молодая женщина закрывала рот мужа быстрым защитным поцелуем.

— Давай не будем этого делать, Юсуф... Будем выглядеть смешными, не пойдем друг друга...

«Не пойдем друг друга!..» Юсуф ощущал сквозившие в этих словах гордость и чувство превосходства и в душе сердился на то, что его унижают.

Когда прошло опьянение страсти первых недель, стали выясняться еще более глубокие противоречия между ними. Действительно, двум людям, которым приходится жить вместе, нелегко отказаться от своих вкусов и привычек. А в том случае, когда один из них считает себя лучше другого в любом отношении и всегда старается оставить хотя бы небольшое расстояние, дело усложняется еще больше.

Зулейхе не нравились некоторые черты характера Юсуфа, и она во что бы то ни стало хотела его изменить. Молодая женщина думала, что постоянными напоминаниями и критикой в короткие сроки можно изменить человеческую натуру, а потому сопротивление

мужа приписывала его упрямству и ранила его чувство собственного достоинства злыми насмешками. Юсуф долго не мог выносить такого с собой обращения и постепенно начал ей отвечать.

Возможно, они сумели бы прийти к соглашению, если бы говорили все друг другу начистоту или просто ругались. Но Зулейха молчала с таким видом, будто не желала снизойти до того, чтобы ему ответить, и доводила непонимание между ними до неизлечимой формы.

А потом были еще тоска и грусть, рождавшиеся сами собой от жизни, которая проходила либо в комнате отца, либо в неменяющемся окружении обитателей поместья. Как больные, замечающие, что боль, которую они чувствуют в теле, усиливается от постели, на которой они лежат, от предметов, которые их окружают, от людей и погоды, так и они знали, что эта скука исходит от них самих, и не могли пересилить неприязнь и враждебность по отношению друг к другу.

Несмотря на то что с каждым месяцем утрачивала силу физическая любовь, которую иногда еще защищала Зулейха, у них оставалось все столь же сильно связывающее их чувство — любовь к больному отцу, горе и страх, которые они испытывали, наблюдая, как он угасает день ото дня.

Юсуф так смотрел на Али Осман-бея, так заботливо ухаживал за ним, что это вызывало у Зулейхи желание зарыдать и броситься ему на шею, расцеловать в обе щеки — совсем не так, как она делала это обычно.

Эти чувства должны были, казалось, только усилиться после смерти Али Осман-бея, а оставшаяся одна Зулейха искать утешение у Юсуфа и еще больше сблизиться с мужем. Но этого не случилось. Зулейха никому не позволила разделить с собой свое большое горе и лишь искала одиночества.

Она была благодарна и свекрови, и мужу, но вместе с этим считала, что скорбь их неглубока, а утешения просты. А потому избегала всех в доме.

Зулейха растягивалась на кровати и притворялась спящей, когда слышала, что Юсуф заходит к ней в ком-

нату, а если ей приходилось разговаривать, с отважным видом поднимала голову и улыбалась:

— Не переживайте за меня. Это пройдет. Столько бурь мы уже пережили... Мне нужно отдохнуть... Я очень вам признательна за ваше участие... Но говорю вам, нужно просто подождать, больше ничего...

Юсуф заметил, что меланхолия жены только увеличивается, и предложил ей поехать в Стамбул. Он надеялся, что лето, проведенное в Адане или Якаджике*, положительно скажется на ее здоровье, а может, и повлияет на их отношения.

Зулейха казалась обиженной на все и всех, даже на Стамбул, и сначала выбрала гостиницу в спокойной стороне Пролива. И пока было возможно, какое-то время старалась держаться вдали от всех.

Она чувствовала какое-то отчуждение даже к семье дяди и первые две недели свела отношения с ними к официальным встречам на несколько часов.

И наоборот, она стала больше общаться с Юсуфом, и, когда они по вечерам катались на лодке по морю, она показывала ему видневшиеся вдалеке холмы Бебека и рассказывала о своем детстве. Но прошло совсем немного времени, и Зулейху окружили сначала члены семьи дяди, потом и другие друзья, и постепенно, хотя ее жалобы и были неподдельны, ее снова тянуло в светские круги.

За последние пять лет Стамбул сильно преобразился, в новой жизни появилось больше развлечений. Казалось, что после освоения западного телеграфа все, вплоть до манеры одеваться и разговаривать, изменилось до неузнаваемости.

За это время успел сильно перемениться и дядя Зулейхи, Шевкет-бей. Опальный дипломат, проведя какое-то время вдали от дел, вернул себе былое уважение и доверие и снова приобщился к жизни. Он стал членом двух меджлисов и комиссаром компании. У него больше не осталось причин обижаться на ре-

---

* Якаджик — город на юге Турции.

волюцию и правительство, как раньше. Хотя он и считал, что светское государство чрезмерно радикально, политика строительства железных дорог сомнительна, а положения этатизма* опасны, состояние дел в целом он считал неплохим. А если бы придавали еще и значение умным, сведущим и опытным деятелям в глубинке, в буджаках**, то стало бы еще лучше.

По его мнению, революция была как малое дитя, которое сначала своей избалованностью, тем, что все рушит и ломает, немного пугает семью, а потом начинает исправляться, набирается ума и становится серьезней. Шевкет-бей смотрел с мягкой и снисходительной улыбкой на все перегибы этого ребенка, которые называл незрелостью, и возвещал, что со временем ребенок станет еще лучше.

Серьезные перемены произошли и у друзей, которые иногда заходили проводить Зулейху. Кто-то обзавелся собственными семьями, появились новые лица. Были и те, кто выпал из этого круга, потому что их, как и Зулейху, разбросало по разным краям Анатолии или же они просто обеднели. Но таких оказалось немного, а потому она даже и не вспомнила о них.

Сначала Зулейха хотела держаться от друзей особняком, так, словно их больше не связывало ничего, кроме отрывочных воспоминаний. Но ей это не удалось. Они от нее не отставали.

Однажды, когда Зулейха с Юсуфом приехали в дом Шевкет-бея в Эренкёе всего на несколько часов, они остались там на три дня. Потом и друзья стали приглашать их на ужины и на морские прогулки.

Зулейхе нравилось чувствовать себя эдакой приезжей из глухой провинции, которая уже и забыть успела, как разговаривают и развлекаются нормальные люди. Но это было лишь кокетством.

---

* Этатизм — активное участие государства в экономической жизни общества (*Примеч. ред.*).

** Буджак — единица территориального деления Турции.

Как великая актриса, которая играет роль человека из деревни или же слуги, под маской простоты своих нарядов и наивности во взглядах, она преподносила всю свою утонченность и обаяние.

Стояло лето, самое прекрасное время года, которое и сорока павшим духом несчастным может дать ощущение того, что жизнь начинается снова. Лето и даже больше атмосфера всеобщего одобрения начали понемногу опьянять Зулейху.

Однажды вечером она сказала Юсуфу:

— Мне уже донельзя надоело жить рядом с проливом. Если хотите, переедем в какое-нибудь другое место...

Уже на следующий день, собрав чемоданы, они перебрались на Бююкада*.

Зулейха будто шла на поправку после серьезной болезни.

Силифке стерся из памяти, от прожитых там пяти лет остались лишь смутные воспоминания.

Другими стали и ее воспоминания об отце. Она больше не мучилась, вспоминая о днях, проведенных с ним, и удивлялась, насколько же быстро закончилась та идиллия, которая, как ей казалось, заполнит всю ее жизнь. И как же быстро забылось ее горе.

Воспоминания о Гёльюзю стали для нее своего рода декорациями для роли девушки из деревни, которая ее забавляла. Сейчас она пользовалась всем — и необозримым морем тумана, что был виден из окон особняка зимой, и дождями, или же сильной грустью, что сковывала ее сердце, когда они смотрели с берегов Ташеджу на открытое море, — и из всего этого сочиняла для слушающих истории, достойные романов.

Юсуф в целом был доволен, хотя и немного терялся в этой толпе. Его радовало, что предположения его

---

* Бююкада — самый крупный из Принцевых островов в Мраморном море близ Стамбула. С конца XIX в. остров стал пользоваться популярностью как место отдыха высокопоставленных чиновников, состоятельных иностранцев и богатых стамбульцев.

подтверждались, но не понимал, к чему могли привести эти перемены Зулейху, которая бросилась из крайности в крайность.

Юсуф, считавший себя самым передовым человеком в Силифке, который шел в ногу с последними веяниями времени, среди местной публики немного конфузился и чувствовал себя новичком. Гордость, страх совершить какую-нибудь оплошность, показаться провинциалом и стать предметом насмешек лишь увеличивали его смущение. А робость лишь добавляла резкости его манерам, и со стороны могло показаться, что ему неприятны окружающие его люди.

Юсуф верил, что борьба за обновление — дело не менее святое, чем борьба за независимость, а потому слепо одобрял все, что видел в высшем обществе.

Следовало признать, что мужчины и женщины, которые ездили с ними на морские прогулки, пришлось ему не по нутру по той причине, что все они позволяли себе вольности не только в разговорах, но и в обращении. А Зулейха переняла их легкомысленное поведение, которое так не вязалось с ее обычным гордым и серьезным видом. Но Юсуф заставил себя поверить, что все это идет от культурных новшеств нового времени, и, когда его вдруг немного коробило, корил себя, что отстал от времени, а потому все терпел.

Зимой Зулейха вернулась в Силифке совершенно другим человеком. Она больше не хотела оставаться в особняке и удивлялась, как могла жить здесь все это время.

Несмотря на завуалированные возражения Энисе-ханым, они переехали в большой дом в городке, открыли салон для семей высших чиновников, для молодых людей, которые приехали в новые учреждения из Стамбула, почетных гостей, иногда навещавшихся в Силифке. Там были танцы, играли в бридж, и Зулейха с радостью руководила этим салоном, оставив бывшее презрение.

Какая разница, кем являлись их гости? Ей нужны были жизнь и движение.

Что же касалось Юсуфа, то он и сам давно мечтал о такой жизни. Это было в тысячу раз лучше тех ужасных медовых месяцев, что они провели в особняке прошлой зимой. Кроме того, это был его шанс вернуться в политику.

И пока Зулейха проводила все свое время за танцами и игрой в бридж, Юсуф собрал своих бывших сторонников и начал готовить заговор против делегации района.

Зулейхе эти начинания мужа были совершенно не по душе. Друзья Юсуфа, их одежда, развязный вид, с которым они погружались в сплетни, и их поведение нарушали установившуюся гармонию ее салона.

К тому же Зулейха считала, что заниматься политикой в районе того не стоит. Уместнее это делать на уровне государства, когда есть действительная угроза погибнуть за это или отправиться в ссылку. Ну а тут что? Просто смешно устраивать весь этот шум из-за улочек небольшого городка, речушек, мусора и крохотного бюджета.

Ей представлялось унижительным доходить до того, чтобы, собрав вокруг себя кучку никуда не годных людей, приниматься скандалить с такими же. Даже если ему все удастся, то все равно являться женой главы малюсенького городишки было совсем не для нее.

Зулейха и Юсуф, казалось, создали современный тип семьи, похожий на некоторые новые семьи. Так оно выглядело, так оно и было на самом деле. Их не связывала ни любовь, ни какое другое объединяющее чувство вроде общих страхов или горя, они жили абсолютно как чужие люди. Но со стороны казалось, что между ними царит полное взаимопонимание.

Кутерьма с политикой в районе сделала пропасть между ними еще шире, и день ото дня их размолвка приобретала все более необратимый характер, потому что была капризом двух людей, которые не любили друг друга.

Зулейха бывала чрезмерно едкой и язвительной, когда критиковала мужа. У Юсуфа тоже не осталось преж-

ней выдержки. Он больше не мог сносить издевки и глотать обиды и, хотя по-прежнему был крайне мягок в обращении с женой, мог ей ответить достаточно жестко, когда ситуация того требовала.

И наконец, после лета, проведенного в Стамбуле, они сильно поссорились. Зулейхе не хватило целого лета развлечений, и она хотела поехать путешествовать по Европе зимой. Юсуф не согласился под предлогом неотложных дел в поместье. Их салон в Силифке был тот же, что и год назад, но они теперь изводили друг друга ежедневно.

Во многих молодых семьях, которые именуют счастливыми, творится то же самое, поэтому такие ссоры сами по себе не опасны. Но эти двое гордецов и недотрог были совершенно не похожи на других.

Однажды из-за какого-то пустяка Зулейха предложила Юсуфу развестись. Во многих семьях и такие угрозы звучат чуть ли не каждый день, и, не придай Юсуф этому никакого значения, Зулейха бы про это давно забыла.

Но Юсуф вдруг побледнел, чуть поколебался и сказал серьезным и спокойным голосом:

— Хорошо... Пусть будет так, раз вы того хотите!

После этих слов ни для одного из них не осталось пути назад, такие уж были у них характеры.

Между ними не случалось больше ни разногласий, ни обид, поэтому они сели за стол и по-дружески обговорили все детали развода.

***

Когда Зулейха уезжала из Силифке, никто в городе не знал, что она больше не вернется.

Под предлогом поездки по окрестностям на несколько дней они доехали до Аданы, а затем, запутав следы, направились в Джейхан*.

В Джейхане у Юсуфа был знакомый адвокат, которого тоже звали Юсуф. Этот знакомый подготовил

---

* Джейхан — город на юге Турции, в пятидесяти километрах восточнее Аданы.

все заранее, встретил Юсуфа и Зулейху на станции, отвез в свой дом, где накормил ужином в уютной виноградными лозами беседке, а потом во время прогулки по улочкам городка как бы ненароком завел в суд.

Зулейха попала в здание суда впервые в жизни. Она глубоко вздохнула, когда увидела, что в темной комнате с низкими полками не было никого кроме белобородого старика, чем-то напоминавшего отца, и молодого писаря.

Судья знал суть дела. Но, несмотря на это, попросил их представиться и высказать свои претензии. Зулейху заранее научили, что нужно ответить. Примерно было ясно и что скажет Юсуф. Но когда ее супруг всю вину в семейных разладах взял на себя, при этом медленно поднимая руку к груди, это показалось Зулейхе похожим на жест невинного ребенка и у нее сжалось сердце.

Она уронила сумку. Юсуф наклонился и поднял ее, а потом, перед тем как отдать Зулейхе, аккуратно отряхнул. Пока он это делал, судья задал еще один профессиональный вопрос:

— Вы когда-нибудь унижали друг друга?

Спрашивая это, он следил за движениями рук Юсуфа и горько улыбался.

Зулейха несдержанным и насмешливым тоном, который у нее появлялся в минуты сильного напряжения, сказала:

— Что может быть большим унижением, чем в вашем присутствии сказать, что мы больше не нужны друг другу?

Судья больше не настаивал. Он принял их требования. С этого дня они могли считаться разведенными. Им оставалось выждать год, чтобы соблюсти последние формальности.

***

Энисе-ханым узнала о случившемся в полночь того дня, когда Юсуф один вернулся обратно в Силифке,

и первый раз в жизни упала в обморок. Вся в слезах, она рвала на себе волосы и кричала:

— Что ты сделал дочери Али Османа? — И хотела было вцепиться ему в горло.

Юсуф лишь строгим голосом проговорил:

— Молчи... Довольно, что я это знаю. А женщинам нечего вмешиваться.

Старая женщина в свое время слышала такие же слова, произнесенные тем же тоном его отцом. Она и сама себе не раз уже повторяла, что в этом доме она никто, просто деревенская женщина, которая должна считать сына — единственного мужчину в доме, будь он хоть с палец ростом — хозяином. Поэтому она спасовала перед строгостью Юсуфа и больше в его присутствии не решалась упоминать даже имени Зулейхи.

На следующий день, заколотив двери и окна в доме в Силифке, вся семья тихо и неслышно двинулась обратно в Гельюзю.

Причина, по которой Юсуф и Зулейха обратились в суд в Джейхане, стала известна в городе позже.

***

После того как Зулейха вышла из здания суда — уже как независимый человек — она пережила несколько неприятных минут, как будто все еще находилась перед лицом представителя закона.

Чтобы уехать, нужно было дожждаться Торосского экспресса, а для этого приходилось переночевать в Джейхане. Тайну Юсуфа и Зулейхи скрыли даже от жены второго Юсуфа. Бедная женщина все время — и пока прогуливалась с гостями по саду, и пока готовила им комнату, где они могли спать, — желала им в следующий раз приехать уже с ребенком.

Был момент, когда она с ревностью в голосе обратилась к мужу, указывая на ту заботу, с которой Юсуф обращался с Зулейхой, потому что та случайно порезала палец складным ножиком, каким режут черенки. С укором в голосе она произнесла:

— А вот если я порежусь, вряд ли ты придашь этому столько значения...

На следующий день, когда на станции Енидже их пути разошлись, Зулейха все еще внутренне не верила, что их расставание окончательное. Ей казалось, что она все еще может услышать его голос, которым он минутой ранее отдавал приказания служащим поезда.

Да, все это началось как шутка и вот к чему привело. Ее сердило, что, хотя первое предложение исходило от нее, ее желание исполнили так быстро, и никак не могла смириться, что от нее избавились так легко.

Вне всякого сомнения, если бы отец был жив, он бы их помирил. Но сейчас не оставалось никого, кто мог бы сломить их непомерную гордость. Случилось то, что случилось: нужно было принять все, как есть, и мужественно смотреть в будущее, защищая себя от напрасных переживаний.

Но она, приняв решение расстаться — еще до того, как поезд въехал в туннель Торос, ни на мгновение не предполагала, что все могло быть иначе. Как же тогда получилось, что столько времени спустя из-за какой-то случайности и из-за ужасных последствий, к которым привели разнесенные о ней слухи, Юсуф приехал, чтобы забрать ее? Еще более странно, что она сама безропотно, как ребенок, позволила ему притащить себя сюда?

У Зулейхи больше не осталось сил думать. Она свесила голову с края кровати и заснула.

***

Через несколько дней, проведенных в море, к Зулейхе вернулись спокойствие и душевное равновесие.

«Ташуджу» заплывал во все крупные и мелкие порты Мраморного моря начиная с Текирдага*. Издали прибрежная полоса казалась голой и пустынной, но стоило подплыть поближе, как побережье с его бед-

---

* Текирдаг — крупный порт на северном берегу Мраморного моря.

няцкими поселками и деревеньками начинало напоминать рыбацкий район Каваклар в Стамбуле. На всех пристанях пароход стоял сколько они хотели, а когда все дела были закончены, снова пускался в путь, и только выпускаемый дымок отличал его от парусного судна.

Во время остановок Юсуф не разрешал начинать погрузку или отгрузку, пока Зулейха спала, и давал согласие на работу кранов, только когда она просыпалась.

Юсуф таскал Зулейху с собой во все эти поселки и деревни, прогуливал по полузаброшенным улочкам, где вероятность наткнуться на кого-либо из знакомых ровнялась нулю, бродил с ней по бедняцким рынкам и базарам, усаживал под навесами из вьющихся растений в прибрежных кофейнях с бассейнами. При любом удобном случае, сумев найти машину или тарантас, они ехали еще дальше, в поселения, расположенные на расстоянии нескольких часов езды от моря. После того как смеркалось, они терялись на невидимых в темноте дорогах среди пустынных полей. Но никогда не сомневались — не важно, сколько было времени, — что когда они доберутся до побережья, там их всегда встретит красными и зелеными огнями «Ташуджу».

Не только отсутствие людей на море и на суше рождало спокойствие в душе Зулейхи. Молодая женщина хорошо поняла, что управителем здесь был крепкий мужчина с повадками ребенка, присутствие которого она постоянно ощущала рядом.

Спокойствие и доверие! Ими муж с лихвой возместил ей все то, что недодал в семейной жизни, в том числе любовь, мечты, страсть.

И хотя Зулейха всегда воспринимала покровительство как нечто унижительное для человека свободного и самостоятельного, после разрыва с Юсуфом ей больше всего не хватало именно этого.

Постепенно «Ташуджу» превращался для Зулейхи в то же, чем он становился для морских птиц, которые после долгого перелета садились на его мачты. Зулейха

не скучала, хотя жила в таком ограниченном пространстве бок о бок с Юсуфом.

У ее мужа был такой вид, будто он с самого начала поверил, что Зулейхе совершенно безразлично его присутствие и что любое сказанное им слово не пробудит в ней ни радости, ни какого бы то ни было интереса, и старался держаться от Зулейхи на расстоянии. Он придавал себе не больше значения, чем мальчишке-разносчику с Мидилли или парню с Сакыза, которого временам и посылал сыграть что-нибудь для Зулейхи, и подходил к молодой женщине только по необходимости.

Если им не приходилось ужинать вместе в небольших ресторанах на берегу, Юсуф всегда устраивался за маленьким столиком у капитанского мостика и часто находил предлог, чтобы не обедать вместе с Зулейхой.

Подходя к Зулейхе, чтобы что-либо обговорить, Юсуф никогда не садился, чтобы она не подумала, что он задержится надолго.

Обычно эти беззаботные разговоры, которые они оба начинали с надеждой, что те окажутся краткими, заводило Зулейху, которая чувствовала все тот же странный интерес к тому, что скажет Юсуф.

Им больше не нужно было искать взаимопонимания, — ведь теперь они воспринимали друг друга как совершенных незнакомцев, которые случайно встретились в пути или на станции. Теперь они не боялись, что могут задеть самолюбие друг друга, говорили обо всем и проявляли друг к другу чисто человеческий интерес.

Сейчас Зулейха могла со спокойной улыбкой слушать даже сплетни из муниципалитета, которые раньше терпеть не могла. Как слушают рассказы о селевом потоке, что затопил поля в чужом поместье, или истории случайно повстречавшейся на пути старушки о своем сыне, который служит в армии.

Если им случалось взглянуть друг на друга во время разговора, они никогда не смотрели прямо в глаза. Когда, несмотря на всю их осторожность, такое происходило, они не отводили взгляд и продолжали беседовать

в том же духе. Мысль затуманивала их взоры, и они не видели друг друга.

Хотя в том году лето уже было в полном разгаре, на Мраморном море почему-то оказалось прохладно и штормило.

Ближе к полудню море начинало пениться, или, как говорят в народе на побережье Средиземного моря, пастух гнал в горы белых барашков.

Ближе к вечеру ветер обычно усиливался. Когда около полуночи Зулейха спускалась к себе в каюту, ее лицо, волосы и руки были в морских брызгах после того, как она наклонялась над фальшбортом.

Очень скоро запахи моря, краски и трюма, шум лопастей, крутившихся впустую из-за морской качки, звук скрипящего дерева, еще какой-то звук, происхождение которого сложно было определить и который оттого казался шумом морских глубин, — стали теми звуками и запахами, которые она искала, когда просыпалась.

Эти шумы постоянно мешали ей забыться и возвращали к жизни, заставляли пребывать на грани между сном и реальностью, погружали в состояние, когда сложно отделить сон от воспоминаний.

Она обрела душевный покой и равновесие, которые не могли нарушить ни гнев, ни волнение или страх. Она будто находилась между прошлым и будущим, парила между небом и водой. Ни в одной точке пространства не соприкасаясь ни с чем материальным — со спокойствием, которое божественной рукой дается только бестелесным душам праведников.

Зулейха представляла, что в какой-то миг, когда устают, то же самое чувствуют перелетные птицы, парящие над открытым морем, которые отдают себя воле ветра и потоков воздуха и засыпают.

Была очередная ночь, когда Зулейха снова спала, словно в опиумном бреду, и наблюдала, как явившаяся ей из сна девочка-абиссинка, что встретилась ей в Мерсине, взяла голубой ночник, висевший напротив, и принялась его теребить и надевать на свою кудрявую

голову, как корону. Дверь тихонько скрипнула. К ней огромной тенью подошел Юсуф и, перекинув руку на другой край кровати, беззвучно над ней склонился. Зулейха чувствовала, как он сейчас коснется ее груди, прильнет к ней губами. Волосы Юсуфа падали ей на лоб, глаза и щеки.

Молодая женщина, решив ответить на поцелуй, вытянула вперед шею и спросила:

— Юсуф, это ты?

В это мгновение ее разбудил звук собственного голоса. Тень испарилась, каюта была пуста. На лицо Зулейхи свешивался конец шелкового платка, что она повесила на изголовье кровати, когда ложилась. Она вытащила руки из-под одеяла, готовая одну прижать к груди. Сон как рукой сняло, и Зулейха вскочила с кровати. Она не могла поверить, что это все ей померещилось. Только выглянув в коридор через приоткрывшуюся от качки дверь, Зулейха убедилась, что это было видение.

Ее всю трясло как в лихорадке, по спине бежали мурашки. Это видение оказалось плодом ее воображения, результатом мнительности или просто дурным сном, но у него имелась и приятная сторона. Была особая прелесть медленно, словно глоток за глотком, вытягивать в себя это видение; думать о потусторонней силе огромной тени, которая, пока маленькая абиссинка ставила себе на курчавую головку голубой светильник, окутала собой всю комнату и склонилась над ней.

Но Зулейха раздражалась, понимая, что в действительности значило это видение или кошмар, а потому чувствовала себя униженной, как девушка, которую отвергли, хотя она готова была отдать себя.

Было ясно, что ни ее тело, ни душа ничего не хотели от этого призрака. Но на то она и ночь. Силы тьмы напали на нее в тот момент, когда увидели, что спали ее ум и сердце, и сыграли с ней злую шутку.

Зулейха понимала, что больше не заснет, накинула на плечи плащ и вышла на палубу.

Юсуф, должно быть, выпил лишнего этим вечером, так как уснул на плетеном шезлонге, где обычно отдыхала жена. Он мог простудиться.

Но Зулейха была рассержена. Она не захотела не то что ему помогать, но даже оставаться на той же палубе, что и он, и решила перебраться на палубу по ту сторону мостика. Тут она испугалась, что либо капитан, либо еще кто-нибудь из команды потревожит ее вопросами о том, не нужно ли ей чего, а потому отправилась в темный угол позади и повернулась к морю.

Понятно, что совершенно беспричинно, но она злилась на Юсуфа. Ей казалось, что он злоупотребил ее доверием, вот так ночью пытаясь ее, беззащитную, застать врасплох, и ничего не могла с собой поделать. Единственным способом избежать этих видений был сон. Приступ ненависти длился ровно одну ночь: когда Зулейха проснулась на следующее утро, она поняла, что ее хорошее отношение к Юсуфу не изменилось.

***

Программа первого вечера, с которой они пустились в путь, стала единой для всех вечеров, которые они провели, плавая от одной пристани Мраморного моря к другой.

Вечерами, если они не ужинали в какой-нибудь забегаловке или небольшом ресторане на берегу, Юсуф оставлял ее за столиком на палубе в обществе маленького разносчика с Мидилли, а сам отправлялся за столик под капитанским мостиком пить раки к капитану с деревянной ногой.

Зулейха и сама не заметила, как, несмотря на то, что сама больше всего критиковала такую провинциальную черту Юсуфа, как панибратское отношение со слугами и работниками, развилась ее дружба с малышом с Мидилли. Пока Зулейха неспешно ела, он обычно ждал ее, прислонившись спиной к трапу, и занимал себя тем, что завязывал узлом концы полотенца в руке, превращая его в головы упавших зайцев.

В облике этого паренька, — заостренном лице, умных и живых глазах, часто поддрагивающих крыльях носа, будто он что-то нюхал, — действительно было что-то заячье.

Зулейха узнала о его жизни из немногих слов, которые ей удалось из него вытянуть во время разговоров за едой. На острове Мидилли есть нахийе, называется Йере. Халиль там родился. Его мать была жива и жила там с одним из его старших братьев. Два других брата во время Освободительной войны служили в Измире и Еникале, там и погибли. Жили они всегда в достатке. Вот только местные записали их в разряд врагов, тем самым нарушив их покой.

Его брат, тот, что остался жив; занимался виноградником. Одна рука у него была покалечена, точнее, на ней не хватало кисти. Как-то раз три местных грека решили его поколотить — не поделили что-то при торговой сделке. Братец был такой богатырь, что мог бы с ними и тремя справиться, если бы не больная рука. Но эти трое подмяли брата под себя, тогда Халилю пришлось броситься ему на выручку, — не смотреть же, как тот катался в пыли и грязи и ему пинками выбивали зубы. Вот тут-то все и случилось: Халиль сапожничьим ножом, который был у него в руке, ранил одного из греков в живот. Если бы Халиля поймали, то сурово бы наказали. Но он многие дни прятался в степи, среди колючих кустарников, а потом ему удалось найти убежище в Айвалыке, куда он приплыл на лодке с контрабандистами. Мать его была уже старенькая, и он знал, что больше ее не увидит, а вот с братом, возможно, свидеться еще удастся.

Халиль обещал, что покажет ей Йере, если Зулейха или Юсуф-бей прикажут капитану проплыть мимо Мидилли.

Зулейха уже могла передвигаться по пароходу. Иногда ночью она проходила через машинное отделение, смотрела, как в тусклом свете светильника поочередно опускаются и поднимаются валы, следила через отверстие чуть впереди, как два человека без рубах закидывают лопатами уголь в топку. Случалось, что она прогули-

валась среди команды, члены которой или играли на музыкальных инструментах, или развлекались, когда проходила мимо еще одно отделение по крышке амбарного люка в носовой части корабля.

Здесь, как в свое время в Гельсюзю, своим спокойным и гордым видом, тем, как придерживала белыми руками шелковую шаль на груди, чтобы ее не унесло ветром, Зулейха походила на принцессу-демократку, которая вышла к своим подданным. Отличие состояло лишь в том, что сейчас она чувствовала странную симпатию и близость к этим людям.

Она узнала, что многие из них, как и малыш с Мидилли, бежали с Родоса, с Саказы, с Сисама либо вынужденно, либо навстречу приключениям.

Эти люди, чья жизнь проходила в плаваниях между родными краями и новой родиной, представлялись Зулейхе неприкаянными душами, мечущимися между двумя мирами.

Рана от предательства, которую ей нанесли окружавшие ее люди, была еще свежа, и потому Зулейхе хотелось сойтись с этими людьми; она садилась на скамью, что они ей предлагали, и со многими разговаривала. А потом, когда они занимались чем-то своим, в темноте беззвучно проскальзывала к подвесной лестнице и взбиралась наверх.

В носовой части «Тушуджу» была выпиленная из дерева и покрашенная белой краской большая фигура русалки. Зулейха прислонялась к этой фигуре, встав на кучу канатов, которые были навалены на заслон крышки люка, и, обхватив руками ее разбитые плечи и деревянные волосы, свешивала ее к морю.

«Ташуджу» медленно двигался вперед, рассекая волны надвое, как зубья расчески разделяют пряди волос. Завитки пены, фосфоресцируя, струились по обеим сторонам парохода.

Однажды ночью Зулейха сделала то, что от нее трудно было ожидать. Юсуф и капитан, как обычно, погрузились в разговоры за своим столиком. Чуть поодаль в соломенном кресле спал доктор.

Зулейха ни с того, ни с сего подошла к столику. На ее лице, бледном в свете подвесного фонаря, играла улыбка. Ничего не говоря, она кивком поздоровалась.

Двое мужчин с удивлением повскакивали с мест. Казалось, что Юсуфу неудобно за развал на столе, а капитану за надетую фланелевую рубашку с подвернутыми рванными рукавами. Он нервно оглянулся вокруг и хотел было схватиться за висевший на вбитом в мачту гвозде китель. Зулейха ему не позволила:

— Не стоит беспокоиться, мы же в плавании... Ничего, если я присяду ненадолго?

Зулейха отказалась от кресла, которое Юсуф велел принести кому-то из матросов, стоявших рядом с трапом, и села на скамейку, похожую на плетеные кресла без спинки в кофейнях в степи. Здесь, как везде на корабле, ей хотелось тихо посидеть несколько минут.

Но Юсуф с капитаном этого не понимали и оказывали ей почести как на званом приеме. Хотя, скорее, это Юсуф ничего не понимал, точно хозяйка дома в провинции, к которой в дом вдруг явился чопорный гость, или, скорее, как городской глава, к которому в служебный кабинет зашел министр. По его разумению, гостя нужно было обязательно чем-нибудь напоить и накормить, а на сиденье во что бы то ни стало положить мягкую подушку!

И как Зулейха ни настаивала, он поднялся и подозвал матроса, чтобы тот навел порядок и убрал со стола пустые и грязные тарелки из-под закусок.

Зулейха с большим трудом уговорила мужа не приносить коньяк из капитанской каюты и не дала ему самому броситься готовить ей лимонад. И вопреки обыкновению подшутила:

— Не забудьте тот день в Силифке, когда как член комитета по балу я зашла к вам в кабинет, и вы насильно накормили меня вареньем из шелковицы. Вы ведь тогда пролили его на меня...

Юсуф с детской простотой улыбнулся и сказал:

— Да, я в тот день страшно опозорился...

Зулейха, чтобы сделать приятное капитану и Юсуфу, взяла сигарету из открытой пачки, горсть сушеного гороха и миндаля.

Доктор ничего этого не замечал. Он дремал в плетеном кресле, закрыв голову руками и поджав ноги, от чего казался еще меньше, и иногда глубоко вдыхал воздух.

Юсуф накинул на доктора свой пиджак, чтобы он не простыл.

— Бедняжка, он плохо себя чувствует по ночам в каюте, его укачивает. Но на свежем воздухе он может спокойно проспать несколько часов, — сказала Зулейха.

Хотя Юсуф всей душой жалел старика, но хотел разбудить беднягу, потому что считал, что по правилам этикета не положено спать в присутствии женщины.

Дабы он этого не сделал, Зулейхе пришлось пригрозить, что, если он продолжит с ней церемониться, она больше не придет, и сделала вид что уходит.

Говорили снова об Освободительной войне. Капитан с острова Родос рассказывал об опасных приключениях тех времен, когда его нога еще не была деревянной.

Если Зулейхе интересно слушать, то для нее он готов начать рассказывать сначала. Во время Мировой войны он был морским офицером. Когда после перемирия армия распалась, он перешел на небольшой угольный пароход, чем-то похожий на «Ташуджу». Перевозил из Стамбула в Анатолию оружие и военных, понимая всю опасность того, что делает.

Когда Зулейха слушала эту историю, ей вспомнились посиделки у бассейна в Гельюзю. Она увидела подвесной фонарь, вокруг которого кружили большие мотыльки и прочая ночная мошкара, бледное и усталое лицо отца, Юсуфа и пожилую деревенскую женщину в платке, которые слушали его как святого.

В затуманенном разуме Зулейхи картина скудного стола с выпивкой на палубе «Ташуджу» смешалась с видением в Гельюзю. Девушка все слушала капитана с Родоса.

Такая же тихая летняя ночь... Это был бал на иностранном броненосце, ставшем на якорь рядом с дворцом Долмабахче, или давали званый вечер. Одним словом, какое-то пышное торжество...

Паровые баркасы и прогулочные катера, не переставая, возили на броненосец приглашенных, то и дело раздавалась музыка, и ее звуки эхом отзывались на берегу...

В это время привязанное к бую судно капитана с Родоса стояло перед Кызкулеси* и ждало полной темноты, подходящего времени, чтобы двинуться в сторону Черного моря. У них на борту был запас боеприпасов и около двенадцати офицеров... Эти демобилизованные офицеры в одежде черноморских крестьян сидели на палубе и смотрели на праздничное веселье, не издавая ни звука.

Зулейха вспомнила, как и она однажды вечером, когда пошла в гости к школьной подруге в Фындыклы, следила за таким же празднеством на площади перед Долмабахче. Возможно, что эта была одна и та же ночь. В широкой полосе электрического света, которая окружала броненосец, кишели прогулочные катера, паровые баркасы и лодки.

Отчаливавший от дворцовой пристани баркас перед тем, как направиться к броненосцу, медленно проплыл вдоль набережной. Зулейхе показалось, что на нем среди кордона офицеров в блестящей шитой золотом униформе она рассмотрела шахзаде Омера Фарука**.

Все это, — броненосец, походивший на скопление звезд внутри окутанного туманом ореола, потоком стекавшие к нему прогулочные катера, баркасы и моторные лодки, на них мужчины во фраках. Офицеры в парадной форме, женщины все в сверкающих драгоценностях и декольте, закутанные в накидки

---

* Кызкулеси (тур. «Девичья башня») — каменная башня, построена на слиянии Мраморного моря и Босфора, долгое время служила маяком.

** Омер Фарук (1898–1969) — сын последнего турецкого султана, халифа Абдул-Меджида II.

и манти, оставляющие открытой грудь, и светловолосый принц, о котором можно было подумать, что он явился из цветной книги сказок, — маленькой ученице колледжа казались символами идеальной жизни определенной эпохи. И хотя Зулейха до сих пор не могла полностью избавиться от впечатлений того дня, душой и сердцем она находилась рядом с переодетыми в деревенское платье офицерами на борту темного парохода недалеко от Кызкулеси. Она вслушивалась в каждое слово капитана с Родоса и в воображении вместе с ним и офицерами уплывала от Стамбула.

Какой же впечатляющей сказкой с годами становилась эта Освободительная война.

Юсуф заметил, что его жена опустила локти на колени, подбородок положила на сцепленные пальцы и начала задавать вопросы капитану. Ее глаза горели, как у ребенка, который с интересом слушает сказку. Как же она изменилась!

***

Зулейха не ограничилась тем, что однажды подсела к капитану и Юсуфу. Теперь каждый вечер, побродив немного по кораблю, выбор свой она останавливала на их столике.

Юсуф не понимал причин такого поведения, но постепенно начинал привыкать к ее настойчивости, простым и дружеским разговорам. А потому не удивлялся тому, что Зулейха не считала ниже своего достоинства сидеть за столом под капитанским мостиком и брать с этого собранного на скорую руку стола с угощениями сушеный горох и миндаль.

Однажды Зулейха, сделав вид, что делает это для себя, взяла в руки нож, смешала яичный желток, творог и сливочное масло и осторожно намазала эту смесь на два тонких ломтя хлеба. Потом наколола один на вилку и протянула капитану, а второй, желая чтобы ее движение не было замечено, незаметно положила на тарелку Юсуфа.

Зулейха очень интересовалась здоровьем доктора. Несмотря на всю заботливость Юсуфа, состояние доктора день ото дня все ухудшалось. Когда он просыпался, то все время пребывал в какой-то странной рассеянности, со стороны могло показаться, что он ничего не слышит и ни о чем не думает. Когда он спал, казалось, что тело его усыхало, щеки впадали, а губы бледнели. Дышал он часто, неровно и с трудом. Иногда дыхание его становилось совсем сдавленным, он словно начинал задыхаться и тогда открывал глаза, вдруг будто оживая, и только улыбался. Словно удивляясь тому, что вдруг проснулся.

Зулейха иногда спрашивала:

— И этот несчастный собирается работать?

Юсуф с отцовской нежностью неопределенно отвечал:

— Посмотрим... Конечно, что-нибудь придумаем. Не оставлять же его в таком состоянии на улице!

***

Мраморное море закончилось, они двигались в Дарданеллы.

Плыли они все так же медленно. Дневное время проводили в небольших поселках и деревушках вроде Чардака и Гелиболу*, а ночью отправлялись дальше — к следующей пристани между зеленых, красных сигнальных огней на берегу.

Все растущая луна вздувалась и кипела на поверхности чуть волнуемого легким ветром моря. «Ташуджу» медленно скользил по воде, будто втянутый внутрь этого потока света.

Как-то ночью перед Нарой**, любясь маяками Чанаккале и Килитбахира***, они посчитали, сколько дней прошло со времени их отплытия из Стамбула.

---

* Гелиболу — населенный пункт на берегу Дарданелл; Чардак — мыс рядом с Гелиболу, одно из самых опасных мест в проливе.

** Нара — мыс в Дарданеллах, в одном из самых узких частей пролива.

*** Чанаккале и Килитбахир — населенные пункты на разных берегах пролива.

Зулейха удивилась:

— Каким же длинным оказался путь по маленькому Мраморному морю. За столько дней, наверное, можно было добраться и до Америки...

Юсуф ответил:

— Мы нарочно столько петляли по Мраморному морю... Дальше уже не будет этой прохлады... На Средиземном море сейчас все, наверное, просто плавится. Но, если вам скучно, то мы, конечно, можем плыть и быстрее.

Зулейха совсем не это имела в виду. Она говорила вовсе не о том, что их путешествие затянулось, а только хотела подчеркнуть, сколько воспоминаний связано с этими местами. В ее словах был и скрытый комплимент устроившему это путешествие Юсуфу.

Но Зулейха решила, что слишком долго будет все это объяснять, и потому просто улыбнулась:

— Наоборот, я даже хочу, чтобы путь был еще длиннее... — Сказав это, она тут же перевела разговор на другое и указала рукой на холмы с правой стороны: — Сражения в Чанаккале ведь проходили здесь, верно?

Юсуф одобрительно закивал:

— Да... Я тут подумал... Мне очень важно проехать на машине по всем местам сражений еще раз. Когда я вам как следует покажу весь пролив, то, с вашего разрешения, ненадолго от вас сбегу... Вы же на «Ташуджу» поплывете в Седдюльбахир*. Там я к вам присоединюсь... Всех дел часов на пять-шесть, не больше...

Зулейха, чуть поколебавшись, спросила:

— А если я захочу поехать, я вам не помешаю?

Юсуф рассмеялся:

— А чем вы можете помешать? Наоборот, мне будет приятно... Но я не решился вам предложить. Думал, вас может утомить трястись в машине несколько часов по выгоревшим и разрушенным землям...

— Тогда вы можете меня взять с собой?

---

* Седдюльбахир — населенный пункт на выходе из пролива Дарданеллы в Эгейское море.

— Как вам будет угодно...

Чуть раньше, проходя по палубе, Юсуф услышал, как его зовет жена, и, повернувшись, увидел, что она сидит в одной из лодок, подвешенных к борту парохода. Зулейха расшалилась, как ребенок. Она дергала за веревку, привязанную к железным креплениям на борту, и легко раскачивалась в лодке, как на качелях.

— Неплохую колыбель вы себе придумали.

— Да, прямо праздничные качели... Если и вам вспомнилось детство, присоединяйтесь. Тут еще есть место.

Говоря это, Зулейха перебралась к другому краю лодки и, подобрав юбку, освободила мужу место рядом с собой.

Юсуф, хотя и начал привыкать к дружескому обращению жены, снова немного удивился и с ловкостью, которую сложно было ожидать от такого крупного человека, запрыгнул в лодку.

Этой ночью Зулейхе нестерпимо хотелось поговорить. Ей не терпелось сказать Юсуфу, рука которого чуть касалась ее руки, потому что в лодке было мало места, приятные и душевные слова о холмах Килитбахира, так освещенных лунным светом, что на них можно было рассмотреть белые нити маленьких дорожек, и о многом другом.

Но когда Юсуф, услышав про ее желание прогуляться по здешним местам, официально ответил ей: «Как вам будет угодно», — желание сразу пропало.

«Ташуджу» развернулся возле Майдоса и медленно поплыл прямо в сторону Чанаккале среди полос света на воде, которые местами обрывались и распадались на части, мерцая, как тонкий слой сусального* золота.

Юсуф взял веревку из рук жены и принялся раскачивать лодку. То ли потому, что ему это нравилось, то ли просто потому, что ему захотелось что-то сказать, Юсуф заметил:

— Как хорошо вы это придумали.

---

* Сусальное золото — тончайшее золото (*Примеч. ред.*).

Над их головами странно скрипела катушка.

Юсуф поднялся и рукой проверил крепление.

— На дай Аллах, несчастный случай устроим. Если приглядеться, то видно, что узлы завязаны наспех... Трос может ослабеть.

Слова о несчастном случае помимо воли напомнили Зулейхе другой несчастный случай. Она увидела холмы Джамлыджа, белевшие в свете такой же блестящей, как сегодня, луны, деревья по сторонам дороги в Дудуллу, что проносились мимо них со скоростью молнии, море, показывавшееся и вновь исчезающее среди холмов. Возможно, это была такая же ночь, только в прошлом месяце. Как недавно это случилось, а с другой стороны, как же давно!

Зулейха не могла больше спокойно сидеть в лодке. Ее рука в том месте, где касалась руки Юсуфа, начинала гореть, и жар распространялся по всему телу.

Ее муж отвернулся и долго-долго смотрел. Это навело Зулейху на подозрения. Она вдруг будто испугалась своих мыслей, которые распространялись, как микробы, и того, что подобное может ощущать и Юсуф.

Она поправила шаль, которая сползла с плеч, и сказала:

— Ну все, давайте спускаться.

Когда чуть погода Зулейха в одиночестве возвращалась в каюту, она думала о том же, о чем и в первую ночь.

Чем можно объяснить поведение Юсуфа? Почему на серьезный скандал, который в один день, словно птенцов рябчиков, разогнал всех самых образованных и здравомыслящих людей, которых она знала, этот ограниченный парень из провинции смотрит так беспечно?

Или этот человек был увечным вырождением с одним из тех душевных недугов, что встречаются у последних представителей древних семейств, близких к тому, чтобы захиреть и сгнить после долгой истории?

Или, ссылаясь на то, что они еще официально не разведены, Юсуф возомнил себя всемогущим и счита-

ет, что у него есть право на всепрощение? Но если так, то ей придется, как в сценах примирения на театральных подмостках, упрекать, спорить и изображать слезы или уж, по крайней мере, проявить некоторое великодушие.

Зулейху снова сковал страх, как больного, чувствующего, что у него снова начинаются боли, которые недавно утихли. Она чувствовала, что если останется в постели наедине с этими неразрешимыми загадками, то, раз начав работать, ее разум уже больше не остановится и что ей предстоит неприятная ночь.

Она потушила лампу и, накинув на плечи шаль, вышла на палубу.

Юсуф стоял, прислонившись к поручням, и смотрел на море. Зулейха, хотя и поняла, что это он, не желая называть его по имени, окликнула:

— Это вы здесь?

— Я... Вы что-нибудь хотели?

— Уже поздно, но... Если можно, я хочу, чтобы вы разыскали человека, который играл для меня.

— Хорошо... Я его разбуду, если он вдруг спит.

— Нет, если спит, не нужно его беспокоить.

— А что такого? Потом снова уснет.

— Если вы хотите, то я и вас могу пригласить послушать этот концерт...

Голос Зулейхи звучал настолько спокойно и весело, что невозможно было почувствовать и тени того волнения, что она ощущала минутой раньше.

***

Они провели один день в Чанаккале, а на следующий ранним утром отправились в Майдос и уже продолжили путь на автомобиле, который ожидал их на пристани.

У Юсуфа имелись грандиозные планы. До ночи они должны были прочесать все места сражений. Но, кроме этого, он считал своим долгом посетить еще несколько мест, не столь важных в истории войны, но так или иначе связанных с его жизнью. Колодец, у которого убили

одного его близкого друга, когда тот наполнял флягу водой, сторожку дворника в Хавузлар, где он неделю пролежал больной. Сейчас не виднелось и следов ни от колодца, ни от сторожки. Но Юсуф оставлял жену в машине, а сам все бродил по пустым полям, среди камней и кустарников под палящим солнцем, останавливал по пути сельских жителей и что-то у них спрашивал.

Он, казалось, вспоминал о Зулейхе, только когда весь в поту и в пыли возвращался к машине и говорил: «Вы меня простите... Мне, может, не доведется больше здесь побывать... Есть места, которые обязательно нужно увидеть... Я ведь предупреждал, что вам может быть скучно».

Но Зулейхе не было скучно. Она не дремала, как думал Юсуф, когда прислоняла голову к подушке сиденья в машине и закрывала глаза, а размышляла, чувствуя при этом приятную грусть и спокойствие.

От ее ночных нервных приступов, которые, как ей показалось, в какой-то момент снова начались, не осталось и следа.

Они долго ехали по дорогам, по сторонам которых не было ничего кроме камней и густых зарослей вереска. Они преодолели несколько спусков и подъемов, когда автомобиль наконец поднялся на очередной холм и показался залив Сарос.

Дорога с этой стороны горы оказалась еще хуже. Юсуф, который, казалось, придерживался заранее разработанного в голове плана, опять в запомнившихся ему местах расспрашивал деревенских, разговаривал с пастухами, препирался с водителем и направлял автомобиль в такие низины, из которых, казалось, было уже не выехать.

А один раз Юсуф оставил Зулейху в машине, а сам пропал. Через десять минут вернулся весь взмокший, но с довольным лицом:

— Нашел, но туда нам нужно сходить вдвоем... Немного устанете, но ничего.

Сначала, он, казалось, колебался, называть ли причину, но потом решил и медленно произнес:

— Это место, где сражался и был ранен ваш отец. Я так ясно представлял карту, которую он чертил на листе бумаги, когда как-то раз описывал мне это место, что нашел... Это стоило всех усилий.

Зулейха, не говоря ни слова, вышла из машины и последовала за мужем. Сначала они спустились по крутой каменистой тропинке между густыми кустарниками. Юсуф снял с пояса кожаный ремень и один конец протянул Зулейхе. То и дело он расставлял ноги по обеим сторонам тропинки и останавливался, наступая на корни кустов и твердые участки земли.

— Вам нечего бояться, если будете держаться за конец пояса. Я стою не хуже главной мачты... — Потом рассмеялся и сказал: — Мы сегодня с вами вроде как альпинизмом занимаемся.

Но когда заметил, что Зулейха все еще боится споткнуться и соскользнуть вниз, пошел впереди.

— Когда пойдете, опирайтесь на меня всем телом и не бойтесь. Если вдруг начнем скользить, то я сразу же опущусь на тропинку. — И чуть с грустью добавил: — Ценой каких страданий мы научились лазить по Торосским горам*.

В низу тропинки они немного отдышались и стряхнули с одежды колючки, потом вышли на узкую дорожку. Здесь земля оказалась ровной, но пройти снова было невозможно из-за разросшегося во все стороны низкорослого плюща с маленькими зелеными цветами.

Но трудности только раззадоривали и радовали Юсуфа. Таков уж был его характер.

Он раздвигал руками плющ и, частично вырывая его и отбрасывая в сторону, расчищал Зулейхе путь, останавливался и срывал ветки с цветами:

— Как мне известно, Аллах сотворил деревья, чтоб те давали нам тень над головой и облегчали путь. А эти, наоборот, тень ногам дают, а голову оставляют солнцу. Мало того, еще и идти мешают.

---

* Торосские горы, или Торосы, — сложная горная система на юге Турции (также известна как Тавр).

На эти слова Зулейха лишь по-детски улыбнулась.

Чуть погодя стало ясно, откуда на этой неплодородной почве взялось такое изобилие растений и откуда столько силы у маленьких зеленых цветов, которые, если до них дотронуться, сразу сморщивались и превращались в каплю воды.

У края дороги струилась речка. Было странно, что сверху они ее не заметили. Медленно текущая речушка, казалось, словно застыла среди зарослей камыша и чертополоха.

Юсуф с досадой топнул ногой и сказал:

— А вот этого не предвиделось. Ах ты!

Ярость Юсуфа относилась скорее к Зулейхе. Тут же сев на край большого камня. Юсуф принялся разуваться.

— Война есть война. А что поделать... Не отступать же теперь перед этим маленьким препятствием... — Потом прибавил совершенно другим голосом. — Здесь проходил ваш отец.

Здесь проходил ваш отец!.. Будто невидимая птица, пролетая, ударила Зулейху в грудь крылом.

Слезы навернулись ей на глаза. Она не могла вспомнить минуту, когда Юсуф был бы ей так близок. Да, они могли чувствовать друг к другу ненависть и злость, причем совершенно беспочвенно. Но ничто не могло разорвать этот узел связывающей их общей любви.

Юсуф в эту минуту был для нее как старший брат.

Ведь какое счастье иметь брата, похожего на него: красивого, с ясным взглядом, пышущего молодостью. Если бы Юсуф действительно был ей братом, она бы его очень сильно любила и не замечала его недостатков.

Как бы ей пришлось по душе его мысли, с какой снисходительностью и радостью она слушала бы его простые желания и чаяния. Как от души бы смеялась его шуткам вроде той, что он недавно сказал. Как было бы приятно подчиняться его приказам, которые воспринимались ею как должное.

И как досадно, что он был мужем. Человеком, который взвалил на себя ответственность претворить

в жизнь невозможное. По умственному и душевному развитию превосходить всех остальных, и эти таланты превратить в игру с желаниями и капризами своей жены, которые меняются не по дням, а по часам. Человеком, что взвалил на себя тяжесть отвечать за все вплоть до тех мучений, которые заложены в самой жизни.

Было несомненно, что среди ее мыслей о замужестве имелись и идеи-калеки, которые с давних пор начали прихрамывать и стали причиной несчастий. Но Зулейха долго не останавливалась на подобных размышлениях и решила, что возможно создать семью двум людям, которые испытывают друг другу лишь плотское влечение, основываясь на чувстве, которое не имеет за собой ни романтической привязанности, ни взаимной любви. Это было возможно лишь на короткие минуты вальса или танго, когда два человека, держа друг друга в объятиях, позволяют себе получать удовольствие от музыки.

И хотя мысли, схожие этими, проносились в голове у Зулейхи в самые разные времена, она так и не смогла понять, почему так переменялась и почему теперь ей казалось, что она вела себя с Юсуфом почти жестоко.

Зулейха, будто испугавшись той близости и симпатии, что почувствовала в эту минуту, села на землю поодаль и, как Юсуф, начала снимать туфли и носки.

Когда Юсуф это увидел, то удивленно спросил:

— Вы раздеваетесь? К чему эти приготовления?

Зулейха рассмеялась и ответила:

— Я тоже пойду по воде.

— Очень хорошо. Хоть немного ноги остынут...

Но перейти реку оказалась не так просто, как казалось Зулейхе. В воде были острые камни, опавшие листья, осыпавшиеся ветки и даже шипы. Все это перегнило. Ноги утопали в жирной, липкой жиже. Поверхность воды стала мутной и покрылась слоем зеленой грязи.

Когда из камышей напротив, напуганные их шагами, прыгнули в воду две лягушки, Зулейха остановилась и смущенно произнесла:

— Я дальше не могу...

Юсуф рассмеялся и сунул Зулейхе обувь, носки и ветки с зелеными цветами, что держал в руках.

— В таком случае, — сказал он, — если позволите. Выход есть... Я и раньше о нем думал, но засомневался, вдруг вы очень хотите ноги охладить.

Юсуф, казалось, без малейшего усилия подхватил Зулейху под мышки, словно пустой кувшин, и усадил себе на плечо:

— Свесьте ноги и крепко держитесь за мои волосы, не бойтесь...

До противоположного берега было шагов пятнадцать. Юсуф, словно утка, с наслаждением брел по речке. Ему чем-то не приглянулось место, где можно было выйти, и в поисках более подходящего он пошел по течению реки.

Зулейха улыбнулась, вспомнив слова своего отца.

Когда до свадьбы оставалось несколько дней, Али Осман-бей сказал ей:

«Будущего не знает никто, но в Юсуфе чувствуется порода. Он будет тебя очень уважать, на руках носить. Тут я в нем уверен...»

Речка оказалась топкой, Юсуф шел покачиваясь. Зулейхе, которая мокрыми ступнями боялась испачкать рубашку мужа, не оставалось ничего другого, кроме как, сделав вид что падает, ухватить его за волосы.

***

Они прошли вброд еще минут пять и добрались до скалистого места. Здесь уже не было прохлады и буйства зелени. Наоборот, место оказалось засушливое и без растительности.

— Я на сто процентов уверен, что это именно то место, где вашего отца ранило в пятку и в колено осколками шрапнели*... — произнес Юсуф. — В какой из этих расщелин в скале он лежал, пока его не доставили

Шрапнель — артиллерийский снаряд, начиненный пулями, употребляется для стрельбы по живым целям (*Примеч. ред.*).

в полевой госпиталь?.. А вот это определить невозможно.

В нижней части скалы виднелось несколько пустот, вход в которые на уровне земли закрывали сухая трава, репейник и груды камней.

Юсуф снова оставил жену одну, а сам принялся ходить от одной расщелины в скале к другой, будто надеясь обнаружить в них какой-либо след или признак того, что раньше в них кто-то прятался.

Его рубашка и брюки сильно испачкались. Из спутавшихся волос торчали паутина и сухие колючки. Он посмотрел на платок, которым время от времени вытирал пот с лица и шеи, увидел, что тот весь в грязи, и рассмеялся:

— Ну, что поделать, потом в речке умоюсь.

Только человек, ищущий клад под землей, мог отдаваться делу с таким самозабвением.

Они больше не говорили об Али Осман-бее. Но было ясно, что Юсуф думает только о нем. Он вдруг вспомнил о Зулейхе, о которой, казалось, забыл под палящим полуденным солнцем, только когда они вышли на площадку между скал. И то только, чтобы забрать у нее зеленые ветки, которые он дал ей, когда они переходили речку.

Зеленые цветы на них все завяли, стебли за полчаса пожухли и пожелтели так, будто пережили целый сезон.

Юсуф перевязал их куском ткани, оторванным от края платка, поднес к губам жестом, как будто вдыхал их запах, и повесил у входа в одну из расщелин.

Зулейха подумала: «О Аллах, как он любит, как любит!»

Вдруг совершенно помимо ее воли, словно дождь из небольшой тучки ясным летним днем, пролился поток слез. Это прошло до того легко и не причинив страданий, что было не понятно, от солнца ли это или из-за переживаний.

Не было причины удивляться той романтической преданности школьника, которая до сих пор встреча-

лась у некоторых ровесников Юсуфа. Зулейху и саму в течение нескольких лет в Гельюзю охватывало необъяснимое душевное волнение. И эти ни с того, ни с сего взявшиеся слезы являлись ничем иным, как приступом все той же горячки, что время от времени давала о себе знать.

Когда на обратном пути они снова подошли к реке, Юсуф оставил жену в тени, а сам прошел вниз по течению и затерялся в камышах.

Когда он вернулся, Зулейха увидела, что он постирал и уже снова надел рубашку.

— Вы не простудитесь в мокрой рубашке?

Говоря это, молодая женщина придала своему голосу спокойный и безразличный тон, чтобы не выдать тревоги.

Юсуф улыбнулся и пошутил:

— И пяти минут не пройдет, как она высохнет... — Потом сел на траву напротив Зулейхи и продолжил: — Это привычка военных — стирать белье там, где окажется вода... Что же касается простуды и болезней, то это ерунда... Вы не замечали и потому не знаете, что я делаю ночью, когда жарко? Когда вы засыпаете, я спускаю рубашку на веревке в море... А потом жду, когда вода на мне испарится... Вы и представить не можете, как сладко спится в прохладе на вашем шезлонге на палубе.

Зулейха помимо воли воскликнула:

— В мокрой рубашке?

— Ну да...

Молодая женщина нервно улыбнулась:

— Не делайте так больше. Ради меня. Чтобы я могла спать спокойно. Потому что зная, что вы или любой другой человек спит под морским ветром в мокрой рубашке... Я так сон потеряю. Меня начнет в дрожь бросать от того, что я буду думать, что лежу в воде.

Когда они так пересмеивались словно дети, их взгляды встретились, но ненадолго. Они отвернулись, и блеск в их глазах погас. Взгляд снова стал затуманенным, как у близоруких людей.

Но, несмотря на это, они были все так же веселы. Юсуф принялся вспоминать истории, связанные с Торосами.

— Вы знаете, я ведь у вашего отца был главной прачкой... Когда делать становилось нечего, я разжигал огонь в саду и стирал рубашки командира. Но вот со штопкой он справлялся лучше, чем я. Я вам, наверное, не показывал. В Гельюзю среди памятных мне вещей есть рубашка... Она белая, но на рукаве видна заплатка черными нитками. Образец мастерства, вышедший из-под иглы вашего отца. Располагайтесь на траве... Не бойтесь, нужно еще умудриться простудится в такую жару. Постелить я вам ничего не могу, так как мне нечего снять, кроме ботинок... Вот так...

После пекла, оказавшись в тени у воды, Зулейха почувствовала приятную усталость во всем теле, медленно растянулась на земле и, облокотившись на руки, положила на них голову.

То, что о длившихся годами невзгодах говорилось таким шутливым и веселым тоном, почему-то лишь огорчало ее еще больше.

Потом Зулейха подметила и другое: когда в Гельюзю рассказывали истории о войне, она представляла себе только отца. Остальные оставались для нее смутными и неподвижными, как темные декорации в трагедии. Но сейчас она мысленно наблюдала за отцом и Юсуфом вместе и сильно его жалела, ведь ему, обладавшему молодостью и крепким здоровьем, — что можно назвать почти небольшим богатством — пришлось переносить такие тяготы в самые лучшие годы своей жизни.

Как жаль, что интерес к этому пришел к ней так поздно.

Рубашка Юсуфа меняла цвет по мере того, как высыхала, и морщилась в тех местах, где не прилегала к телу.

Зулейха снова вспомнила повествование о Юсуфе из истории Пророков: рубашка, которую принесли отцу братья Юсуфа, которые его обманули, а потом оставили в колодце. Рубашка, изорванная Зулейхой, когда он был рабом в Египте...

Шофер, подумавший, что они, должно быть, где-то заблудились, принялся отрывисто сигналить.

Дальше дорога пошла ровнее. Юсуф оказался проводником, каких еще поискать. Но он, хотя прекрасно знал все важные места сражений, в руках держал карту. Заметив неподдельный интерес Зулейхи, иногда он просил остановить автомобиль и подробно все объяснял.

Зулейха, как человек, не знавший войны, только вочию увидев эти холмы, речки и поля, поняла, что все эти ужасы происходили на самом деле.

Когда Юсуф произнес: «Эти позиции занял враг; мы оборонялись в этих окопах», — Зулейха всерьез задумалась. Прежние представления о войне вдруг стали фальшивыми и примитивными, как цветные картинки в детской книжке.

Здесь можно было не только понять все ужасы борьбы, но и до известной степени прочувствовать самоотверженность и страдания борцов за свободу.

Солнце село. Склоны, спускающиеся к Саросу, начали погружаться во тьму.

Зулейха, глядя на эту сцену былой трагедии, вспоминала отрывок из школьной хрестоматии по английскому языку. Возможно, то был перевод кого-то из латинских классиков. Вкратце это звучало так:

«Битва адом прошла по полю боя. Грудами лежали люди с перерезанными горлами, из тел сочилась кровь. Но на ступенчатой горе, что окружала поле брани, на высоте, была площадка. И когда битва дошла до нее, то буря внизу уже затихла и, казалось, обратилась в вечные покой и безмолвие».

Сейчас они будто сами добрались до такой точки на холме, на который медленно поднимались с самого утра. К расстоянию примешивалось и влияние времени: события теряли смысл, а воспоминания ясность. Все превращалось в безграничное спокойствие. Зулейхе стало стыдно за тот приступ, что случился у нее прошлым вечером. Стоя на этой земле, которая, казалось, забыла уже о самой большой трагедии в мире, разве

можно было представить что-либо более мелочное и смешное, чем горести какого-то человека?

Молодая женщина чувствовала, что влияние тишины и покоя, что охватило ее на этом поле битвы, продлятся еще долго и что освободиться от их тяжелого покрова она сможет еще очень не скоро.

Автомобиль вывернул из-за крутого поворота, и их взору открылся полуразрушенный Седдюльбахир. В море за ним они увидели уже ожидавший их «Ташуджу».

Их путешествие подходило к концу. Когда машина начала медленно спускаться с крутого склона, Зулейха подумала о тех, кто вернулись живыми с этой битвы. Были ли они счастливы? Если подумать о человеке, сидевшем рядом с ней, то это было не совсем верно. Кто знает, с какими горестями те люди столкнулись дома, куда вернулись и где надеялись найти хоть каплю счастья.

Глава четырнадцатая

Прохладная, как на Мраморном море, погода несколько дней стояла и на Эгейском.

Весь день за исключением нескольких полуденных часов дул ветер. Края парусов издавали такие звуки, что создавалось впечатление, будто они путешествуют на яхте. Юсуфа, как и любого провинциала, сильно задевало, если хотя бы какое-то его предположение не оправдывалось.

— Я вам уже говорил, что обычно на море в этом месяце очень жарко. Но вам повезло.

«Ташуджу» продолжал заходить во все крупные и мелкие порты и здесь, как и во время всего предыдущего пути. Полдня они провели в Эдремите*. Юсуф несколько раз издалека посматривала на гору Каз**, — наверное, боролся с искушением съездить на машине и туда. Но испугался, что снова углубится в детали, и отказался от своей идеи.

После Эдремита они через пролив проплыли в залив Айвалык, похожий на группу переходящих друг друга озер.

Юсуф предложил провести ночь в сосновом бору рядом с городом под предлогом того, что для «Ташуджу» здесь есть работа.

---

* Эдремит — город на берегу одноименного залива в Эгейском море.

** Каз (1767 м.) — гора в окрестностях Эдремита, сейчас там располагается национальный парк.

Ближе к вечеру в лодках на берег перевезли палатки, кровати и даже столы со скамейками и на небольшом холме разбили роскошный лагерь.

Юсуф по-детски радовался всему, что напоминало ему армейские годы.

Малыш Халиль и два матроса расчищали пространство вокруг палатки от сухой сосновой хвои, расставляли керосиновые лампы на столах. Зулейху рассмешили эти грандиозные приготовления, чтобы провести какие-то несколько часов летней ночи, но она не могла разубедить Юсуфа перестать гонять туда-сюда Халиля и его товарищей.

Палатка, которую соорудили такими трудами, предназначалась только Зулейхе. Юсуф же улегся спать на куче сосновой хвои, что чуть в стороне собрали подметавшие лагерь матросы.

Юсуф, оставляя Зулейху в палатке, бросил взгляд по сторонам в последний раз, чтобы убедиться, что ничего не забыли сделать:

— Вы уже, наверное, и не помните, что такое суша... Сегодня поспите без качки. Разнообразие всегда только на пользу.

И действительно, сон без качки, звуков плещущейся о борт воды, вызвал у Зулейхи какое-то чувство новизны. Но легкий шум моря раздавался даже в лесу.

В палатке остался крупный светлячок. Он перелетал с места на место, как искорка света, отлетевшая от луны, и Зулейха не могла оторвать глаз от его свечения.

Она вспомнила ночи на палубе «Ташуджу», когда раскинувшееся вокруг море казалось полем, по которому так и хотелось побродить.

Здесь же вокруг вместо бескрайних водных просторов оказалось целое море из сосновых иголок, по которому вполне можно было прогуляться. Это заставило Зулейху, хотя она сильно устала, снова выйти из палатки. Юсуф крепко спал, даже не посчитав нужным подложить под голову свернутый пиджак, который лежал рядом.

Зулейха, боясь его разбудить, завернула за палатку, а потом углубилась в лес и пошла, не разбирая дороги.

Ветер, который дул издалека и гулял в верхних ветвях деревьев, представлялся целой кладовой воздуха, дурманящего ароматами смолы, тимьяна и спокойствия.

Ступая по ковру из листьев, Зулейха придерживалась за стволы сосен. К ее пальцам и ладоням прилипла смола.

В небольшую яму на широкой поляне посреди леса ветром намело сосновых иголок, и она превратилась в постель, похожую на ту, что приготовил вечером для Юсуфа Малыш Халиль.

Зулейха вдруг провалилась в яму. Сначала она тихонько вскрикнула от испуга. Но ей было так удобно среди листьев, в которые она по неосторожности упала, что ей даже не захотелось встать. и она немного там полежала. Между деревьями проглядывал залив, окутанный приятным лунным светом. Зулейхе казалось, что она видит тот же мираж, что и в долине в Гельюзю.

Ночь в лесу! Нужно было признать, что эта старая романтическая причуда не родилась из ничего!

Когда Зулейха наконец поднялась, то оказалось, что сосновые иголки были у нее повсюду — в волосах и даже под одеждой.

Зулейха еще немного побродила среди деревьев, и в тот момент, когда в голове у нее все перепуталось и она готова была испугаться, что заблудилась, она очутилась прямо перед палаткой.

Юсуф все еще спал, только лежал теперь в другой позе — скрестил руки и положил на них голову.

Кто знает, сколько прошло времени. Все огни на побережье, в той стороне, где город, погасли. Уже давно было пора спать. Но Зулейхе не хотелось погружаться в тоскливую атмосферу палатки, когда можно поспать на открытом воздухе. Она даже пожалела, что не осталась спать в той постели из листьев в лесу. Но это было невозможным по целому ряду причин. Столь же невозможно, если не более, было лечь здесь, рядом с этим человеком, хотя он и являлся ее мужем.

За все время совместной жизни — а женаты они были около трех лет — они ни разу не спали рядом.

Вечером, перед тем как отправиться в сосновый бор, они прогуливались по пристани в Айвалыке и случайно повстречали семейство инженера, с которым Юсуф в свое время познакомился в Силифке. Это оказался приятный мужчина чуть старше Юсуфа. С ним были его жена и сестра... Инженер оставил государственную службу и занялся мыловарением на небольшом заводе Айвалыка.

Было заметно, что члены этой семьи очень привязаны к Юсуфу. Не сумев убедить его остаться погостить у них хотя бы на одну ночь, они предложили полчаса посидеть в кофейне на берегу.

Зулейха заметила, как пристально ее разглядывала девушка, и как ее глаза затуманивались, когда она слушала Юсуфа. И, хотя она и казалась довольной и была взволнована этой случайной встречей, на все его шутки отвечала обиженно, как ребенок. Возможно, между ними что-то было. Легкий флирт, или же девушка напридумывала себе невесту что, хотя сам Юсуф ничего не знал.

Бедная девочка! Она не хотела казаться обиженной, но не удержалась. И когда все вышли из кофейни и начали пожимать друг другу руки, с грустью спросила: «Увидимся ли мы еще?»

А ведь из них могла получиться хорошая пара. Юсуф упустил случай. Будь эта девушка с кудряшками женой Юсуфа, она, конечно же, сейчас обеими руками крепко обвила его шею, будто смолой приклеилась, и спала бы здесь. Зулейху так мало что связывало с Юсуфом, что она легко могла представить его если не с этой кудрявой девушкой, то с любой другой.

Ее бы, несомненно, обрадовало однажды услышать, что Юсуф наконец нашел свое счастье. По крайней мере, так должно было быть. И вместе с тем Зулейхе было обидно думать, что человек, который принадлежал ей, спит в объятиях другой. И если случай, как сегодня вечером, сведет их где-нибудь, то и она, как сестричка инженера, будет сидеть немного насупившись. Вот она, человеческая натура!

Присевшая рядом с Юсуфом Зулейха встала, опираясь на руки, и нехотя зашагала к палатке. Стряхнуть руками приставшую хвою было не так сложно. Но вот только руки ее вплоть до запястий испачкались в смоле. Мало того, к ней еще пристала земля и сгнившая пыль от деревьев. На столе стоял кувшин, к его носику была прицеплена шишка. Зулейха захотела вымыть руки, но от воды смола только прилипла еще сильнее. После нескольких неудачных попыток Зулейха совсем отчаялась отмыть руки и потеряла их пеплом, оставшимся от разожженного Халилем костра. Потом принялась оттирать смолу бумагой. На этот раз к ее пальцам, помимо всего прочего, пристали и обрывки бумаги.

Зулейха, видя, что все усилия прошли впустую, разнервничалась и совершенно не знала, что делать.

Оставалось только разбудить Юсуфа. Но она не решилась растолкать его и окликнуть по имени. Зулейха хотела, чтобы он подумал, что проснулся сам. Она потопала, покашляла, посвистела и, вконец потеряв терпение, резким движением схватила со стола стакан и бросила на землю.

Юсуф открыл глаза и приподнялся. Увидев рядом жену, он взволнованно спросил:

— Вы почему встали? Заболели?

Зулейха отрицательно покачала головой.

— Вам что-нибудь нужно?

Зулейха вытянула вперед спрятанные за спиной руки и, показывая их Юсуфу, сказала тоном провинившегося непослушного ребенка, который притворяется, что боится соврать о том, что натворил. Хотя знает, что его не будут за это ругать.

— Смотрите, что со мной приключилось, — сказала она с жалобой в голосе.

Когда Юсуф хотел потрогать пальцем непонятные пятна, которые было плохо видно в свете луны, Зулейха, чуть вскрикнув, отдернула руки:

— Не дотрагивайтесь... Вы тоже прилипните!

— Да, но хоть объясните мне, что случилось.

— Вы меня оставили спать в палатке... Но я не смогла уснуть. Луна в бору была такая красивая. И я, ничего вам не сказав, тихо вышла... Пока я гуляла, ко мне прилипла смола с деревьев. А когда руки испачкались еще и травой, землей и песком... Я нашла воду и вымыла руки, но от воды смола только затвердела... И как я ни старалась, она только еще сильнее прилипала.

— А почему вы меня не разбудили?

— Не знаю... Думала, вы разозлитесь....

— !!!???

Юсуф удивлялся, как Зулейха — всегда такая независимая и гордая — сейчас разговаривала совсем как маленький ребенок, склонив голову, надув губы, детским голосом и совершенно нескладно... И так были не похожи на ее обычную манеру говорить слова «я испугалась, вы рассердитесь». Но Юсуф не стал придавать этому излишнего значения. Расставив ноги, как заправский моряк, он посмотрел наверх и задумался.

Чуть погода он проинес:

— Не переживайте, что-нибудь придумаем... Тут может помочь керосин. Никаких других химических веществ у меня сейчас под рукой нет, а потому попробуем это...

Он снял погасшую керосиновую лампу с ветки над столом, поставил на землю и обмакнул в керосин край небольшого полотенца.

Зулейха с тем же видом, что и до этого, спросила:

— У нас получится?

— Возможно... Вы пока не волнуйтесь. Не получится, вместе поплачем и уж точно что-нибудь придумаем утром.

— Утром? Ждать до завтра с такими руками? Я не смогу...

— Если нечего не получится, замотаем вам руки тканью. У нас в провинции перед свадьбой ладони мажут хной, заматывают и оставляют до утра... Мне кажется, что и вам мазали...

— Да я с ума сойду!

— Наши женщины вот не сходят, бедняги. Подойдите поближе, я гляну. Если вы так наклонитесь, то упадете... Лучше сядьте...

Зулейха все с тем же детским недовольством опустилась на колени на землю и протянула обе руки Юсуфу.

Юсуф закатал рукава ее блузы до локтей и приступил к операции.

Сначала казалось, что надеялась она зря и все это приведет лишь к тому, что в смоле вымажется еще и Юсуф. Но Юсуф всегда добивался своего. Он рьяно тер промасленным полотенцем руки и ладони Зулейхи, стараясь отковырять прилипшую смолу ногтями.

— Вы не обижайтесь, я вас тут немного помучаю...

— Ничего... Может, попробуете поскоблить этими осколками?

Юсуф невольно улыбнулся:

— Ну, не торопитесь вы так. Потерпите еще немного.

— Тут дело не в терпении... Нервы...

— Результат один и тот же... Почему же вы так нервничаете?

— Я вообще не нервная... Есть даже такие, кто говорит, что мое хладнокровие доходит до крайности... В плохом понимании этого слова. Холодный человек, который так пугает свет...

— Да бросьте, Аллах с вами... Радуйте, появились признаки того, что смола отходит. Да здравствует керосин! Вот почему его так ценят англичане... Вот интересно, а что мне будет за мои услуги?

— Что вы хотите?

Юсуф заулыбался, не объясняя почему, а потом, чтобы Зулейха не подумала что-нибудь нехорошее, сказал:

— Случалось, что в армии мы мыли друг друга. Чему только не научились у армейского очага, но вашему отцу мне помогать не доводилось... Не знаю даже, как вам и сказать... Он испытывал странное отвращение к помощи, если это касалось его тела... Кроме тех случаев, когда он был ранен, он всячески избегал, чтобы его растирали или даже просто мазали йодом спину.

— И он не позволял отмывать себе руки, как поступила его дочь...

— Я не это хотел сказать. Это исключительный случай... Даже наоборот... Я имел в виду, что вам передался его характер.

— Вы так думаете?

— Это правда так. Например, я не припомню, что бы вы хотя бы раз, когда были больны, обратились ко мне за помощью...

Через какое-то время операция по оттиранию была успешно завершена.

Зулейха не отняла своих рук из рук Юсуфа и лишь молчала, слегка наклонив голову в сторону.

Юсуф серьезным голосом сказал:

— А если нас с вами так кто-нибудь увидит, а?

Зулейха посмотрела на совершенно белую от лунного света землю, на их тени, вырисовывавшиеся с четкостью джинна. На склоненные головы, которые почти касались друг друга, как они сидели на коленях, на свои волосы, струящиеся по голому плечу. Чуть вздрогнув, она ответила:

— Не знаю, а что...

— А вот скажут, что модница ханым не дождалась утра. Велела ей маникюр при лунном свете делать.

Юсуф рассмеялся, Зулейхе тоже нехотя пришлось последовать его примеру и ответить остроумной шуткой:

— Или что играют маленькие дети... Не знаю, как называется, но точно есть такая игра... Малыш должен положить руки на раскрытые ладони другого...

— Точно-точно... Я тоже названия не знаю... Но когда был маленьким, мы все время в нее играли. Мы, деревенские, не такие изнеженные, как вы. Лупили друг друга, что есть мочи, и не стонали: «Ах, меня побили». У меня был друг по имени Омер. Он умер от тифа во время войны. Мы с ним в детстве несколько лет провели вместе. Так о чем это я рассказывал?.. Ах да. Грубая шутка, которую я как-то сыграл с Омерчиком... Однажды мы в очередной раз играли на берегу реки. Я зажал

иглоку между средним и указательным пальцами. Вот так. Ее кончик торчал наружу. Бедняга Омер был так разъярен, что ничего не видел, и ее не заметил... И когда он, приговаривая «бац», ударил меня ладошкой по руке...

Объясняя Зулейхе правила игры, Юсуф водил руками по ее влажным рукам, не переставая их вертеть и рассматривать со всех сторон. Он разгибал каждый палец, чтобы натянуть кожу на ладони, и водил пальцем по линиям руки.

Потом резко поднялся и сказал:

— Ну вот, думаю, что все... Немного, правда, остался запах керосина, но и он к утру выветрится...

Зулейха тоже встала:

— Еще раз спасибо.

— Не за что, к вашим услугам, ханым.

Когда Юсуф это говорил, то в тоне его голоса сквозила официальность.

Зайдя в палатку, Зулейха обернулась и посмотрела через щель во входном отверстии. Она увидела, как Юсуф перемешал ногами хвойные иголки в том месте, где спал, и, будто ему больше такая постель не нравилась, медленно побрел к сосновому бору и пропал из виду.

Глава пятнадцатая

Зулейха, не отдохнув, наверное, и двух часов, проснулась на рассвете и лежала с открытыми глазами, чувствуя себя разбитой и раздраженной. Ее потревожил солнечный свет, который все усиливался и, пробиваясь через ткань палатки, приобретал грязно-желтый цвет.

Юсуф был больше занят тем, чтобы оказать Зулейхе какие-то мелкие услуги, чем собственно ею самой, а потому не заметил, что лицо ее пожелтело, а глаза казались больше, чем обычно. Сам он, хотя, похоже, и не ложился после того, как оставил Зулейху, выглядел бодрым и здоровым и снова изводил приказаниями явившихся утром в лагерь моряков.

Поводив немного жену среди оливковых деревьев, которым не видно было ни конца ни края, Юсуф спустился к городу и усадил Зулейху в кофейне на морском берегу.

Зулейха плохо себя чувствовала, а потому почти не разговаривала. Она сердилась, что Юсуф этого не замечает. И хотя немного приободрилась, пока тащилась за ним по этой пустынной местности, с нетерпением ждала того часа, когда они вернутся на борт «Ташуджу» и она сможет отдохнуть у себя в каюте.

Когда они сидели на берегу, она заметила, как небольшой пароход готов был vyplыть за пределы пролива, и с удивлением спросила:

— Он так похож на «Ташуджу»... Уж не он ли это?

Юсуф посмотрел в ту сторону, куда показывала Зулейха, и с деланным изумлением ответил:

— Думаю, он самый и есть...

Зулейха поискала глазами «Тажуджу» в заливе, но его там действительно не оказалось.

— Ох, я ничего не понимаю. Что происходит?

— Да тут нечего понимать. «Ташуджу» нас оставил и уплывает... Наверное, мы надоели капитану, и он взбунтовался.

Зулейха снова подумала, что Юсуф шутит или готовит ей очередной сюрприз, а потому была спокойна и рассмеялась:

— Вы меня окружили таким вниманием и заботой, что теперь я даже думать не могу ни о какой опасности...

— Для меня это приятный комплимент.

— Это вовсе не комплимент, а правда.

Юсуф обрисовал Зулейхе план, который составил утром: чтобы ей вконец не надоело море, они снова прокатятся по суше несколько часов. Недалеко — до Дикили*. Как несколько дней назад «Ташуджу» поджидал их в Седдьюлбахире, так же он будет ждать их и в Дикили.

Случилось то, что случилось. Зулейха не воспротивилась этому предложению. Тем более что она чувствовала себя гораздо лучше, чем утром.

За то время, что оставалось до отъезда, они решили прогуляться по памятным местам города, нанести быстрый визит на фабрику тому инженеру, которого случайно встретили на берегу днем раньше, и еще заглянуть на рынок. В волнениях прошлой ночи куда-то пропала расческа Зулейхи, и нужно было купить новую.

В маленькой мануфактурной лавочке Юсуф приобрел расческу и другую мелочь, а кроме того, попросил снять с вешалки купальный костюм, пощупал его и, хотя ему не понравились цвет и фасон, попросил лавочника запаковать и его тоже.

Когда Зулейха спросила, где им может пригодиться купальник, ответил:

---

* Дикили — населенный пункт в тридцати километрах севернее Айвалыка.

— Думаю, он нам может пригодиться в пути. Если нет, подарим кому-нибудь из наших. Скажем, подарок из Стамбула. Да вот хоть Уфлет-абле*. Когда по вечерам на Гёльюзю будет наступать море, Уфлет-абла наденет купальный костюм и будет считать, будто она на пляже...

Уфлет-абла жила в их поместье. Это была уже немолодая, длинная, худая и немного придурковатая абиссинка, которая перебивалась помощью то тех, то других, как подбитый аист щепками.

Когда Юсуф расписывал, как Уфлет-абла, облачив свое длинное скелетоподобное тело в красный купальный костюм, будет плескаться в воображаемом море в Гёльюзю, то сам покатывался со смеху, удивляя тем самым торговцев на рынке. Зулейха нехотя следовала его примеру.

После обеда Зулейха совсем утомилась. Когда автомобиль выехал за пределы города, у нее закружилась голова и зазвенело в ушах. Юсуф заметил болезненную желтизну ее лица лишь полчаса спустя.

— Вы сжимаете руками виски, вам нездоровится? — спросил он.

Зулейха после недолгих колебаний несколько раз кивнула:

— Да, немного болит голова, — и, стараясь взбодриться, улыбнулась. — Ничего, скоро пройдет...

Юсуф тоже улыбнулся:

— Конечно, пройдет... Вы привыкли к морю, а сейчас вас на суше укачивать начинает.

Автомобиль съехал с узкой каменистой дороги, большей похожей на тропинку среди оливковых садов и подъехал к спуску в долину. Хотя казалось, что Юсуф не придает особого внимания недомоганию Зулейхи и дорога дальше была без опасных неровностей, он приказал шоферу ехать медленнее и осторожнее.

---

* Абла — вежливое обращение младших к старшим — девушкам или женщинам.

Эта дорога, которую Юсуф назвал автомобильной и которая в это время года, как он сказал, была гораздо удобнее обычного шоссе, ничем не напоминала оную, если бы не встречавшиеся время от времени следы колес.

Машина катила по пустым полям, высохшим лугам, сворачивала в редко попадавшиеся сады и поворачивала назад, если путь преграждала речка или натыкалась на препятствие в виде канавы или внезапно выросшего забора.

Водитель спрашивал, как проехать, у каждого встречного, хотя утверждал, что знал эти места как свои пять пальцев.

Ветра не было, воздух стал тяжелым. Зулейха с трудом дышала и чувствовала, что если позволит себе хоть немного расслабиться, то попросту уснет. С самого детства она страдала от того, что не могла спать днем, когда ее кто-нибудь мог увидеть.

Во время сна человек не может контролировать выражение своего лица, и люди в такие моменты выглядят некрасивыми, немощными и глупыми.

Возможно, этот страх сыграл не последнюю роль в том, что Зулейха ни одной ночи не провела рядом с Юсуфом.

Ведь человек во время сна ничего не контролирует. Может быть, даже храпит. Какой мезьей было застать в эти минуты слабости человека, страдающего от влияния загадок, что выражает его лицо.

Зулейха на какое-то мгновение закрыла глаза, а когда открыла, то увидела, что сидит в совсем другом положении и что вид за окном переменился. Она поняла, что, несмотря на все усилия, все-таки заснула. Покачиванием машины ее тело откинуло к Юсуфу, голова упала к нему на грудь. Юсуфу ничего не оставалось, как просунуть руку за ее спиной и, словно обнимая, поддерживать за плечо.

Зулейха, чтобы не выдать себя, снова закрыла глаза и притворилась спящей. От тряски ее голова слегка покачивалась.

Спать в объятиях любимого человека! И это тоже, словно припев, раз за разом повторяется во всех этих романах о настоящей любви. Но при этом она не могла не признать, что ей было приятно.

Да, из-за странного каприза за столько лет супружеской жизни, не было и ночи, чтобы она хотя бы час спала, положив голову Юсуфу на грудь.

Как считалось проступком оставаться в объятиях партнера секундой позже, чем закончился вальс, так же и она в своих мыслях считала невозможным оставаться в объятиях Юсуфа после того, как закончатся телесные наслаждения. И, поцеловав его в губы, возвращалась к себе в комнату.

Да, нельзя было отрицать, что любому приятно заснуть на мгновение, а потом проснуться на груди любимого человека, а если и не любимого, то того, кому доверять.

В это мгновение в голову Зулейхе пришла и другая мысль. Голова, которая покоилась на груди этого молодого и страстного человека, плечо, что он сжимал ладонью, в конце концов принадлежали той, которая несколько лет приходилась ему женой. На самом деле невозможно было представить, чтобы эта голова и это обнаженное тело, с которыми оказалось связано столько воспоминаний, не вызывали в нем вожделение и страсть.

Но Зулейха, хотя привлекла всю свою наблюдательность, не замечала в муже ничего кроме спокойствия и заботы человека, который держит на руках больную или просто заснувшую сестру.

И это глубокое спокойствие, которое не поддавалось никаким логическим объяснениям, стало Зулейхе неожиданно казаться признаком сильнейшей обиды.

Машина неожиданно остановилась у въезда на мост. Юсуф заговорил с шофером, и Зулейхе пришлось поднять голову. Чтобы больше походить на только что проснувшегося человека, она широко распахнула глаза. Если бы Юсуф обратил на нее внимание в эту минуту,

то по ясному и полному глубокой задумчивости взгляду он бы понял, что Зулейха уже давно не спит.

Юсуф медленно высвободил руку, которой придерживал жену, и счел нужным объяснить:

— Вы так утомились, что задремали. У вас голова наклонилась. И мне пришлось вас подхватить. — Потом вышел из машины и протянул ей руку, чтобы помочь выйти: — Надеюсь, вас не затруднит немного пройтись пешком. Совсем немного, шагов: сорок пятьдесят...

Рядом с мостом висела табличка, которая гласила, что грузовому транспорту и автомобилю запрещается по нему ехать.

Зулейха прочитала ее и растерянно спросила:

— Что же мы будем делать?

Юсуф пожал плечами и насмешливо сказал:

— Поедем, конечно... А что нам еще остается? Не бросать же машину.

— Хорошо, но ведь это опасно; раз тут повесили такую табличку?

— Это верно... Но пока вы спали, вы не заметили, как буквально за пару минут до нас в нашу сторону по мосту проехал пикап... А он по весу превосходит наш автомобиль, по крайней мере, раза в два. Там, где он проехал, наш автомобиль уж один раз так точно с легкостью проскочит.

Водитель выдал свои замечания, улыбаясь сквозь усы:

— Да если так посмотреть, то опасно было и вчера, и неделю, и месяц назад... Но теперь наконец деньги нашлись, скоро отремонтируют...

Когда Зулейха увидела, что, высадив ее из машины, Юсуф сам приготовился сесть в нее снова, спросила:

— Да, а как же вы?

Юсуф со смешком ответил:

— Мне, честно говоря, уже порядком надоело ходить пешком. — А потом прибавил тихим голосом, так чтобы не услышал водитель: — Даже если возможность опасности будет одна на миллион, все равно нужно по-

ступать только так... Никогда нельзя бросать водителя одного.

Человеку со стороны такое поведение могло показаться или детской бравадой, или донкихотством. Но Зулейха так не думала, потому что знала, что это его врожденное благородство, идущее от семейных традиций предков-деребеев. Ей на память пришло одно событие, случившееся в первый год их совместной жизни.

Однажды в полночь, когда на дворе лил сильный дождь, всех жителей поместья разбудил резкий стук в дверь. Стучавшим оказался староста Омер Чавуш, рядом с ним стоял пастух, сильно заикавшийся и закашлявшийся от быстрого бега.

Пастух заметил, как два странно одетых человека зашли в каменоломни со стороны загонов для скота. Он не осмелился к ним подойти, потому что не знал, что они собираются делать, и побежал будить старосту.

Омер Чавуш в спешке натянул на себя сапоги и кожаных, вооружился, но все равно пришел сообщить обстановку хозяину.

Юсуф, не говоря ни слова, оделся, положил в карман пистолет, который всегда оставался у изголовья кровати у него в комнате, снял висевший на стене хлыст и вышел на улицу.

Когда Зулейха увидела, как лицо свекрови побелело, словно полотно, и как та, нервно теребя руками концы головного платка, стала молиться, спросила:

— Ханым, а кто же эти люди?

Когда старая женщина ей ответила, Зулейха заметила, как расширились от волнения ее глаза:

— Может, сбежали из тюрьмы или из армии... А может, и разбойники. Кто ж их знает, дочка.

— Значит, это опасно?

— Конечно дочка...

— Тогда почему вы позволили своему сыну пойти?

— Да разве он меня послушает, дочка?.. Да и если он не пойдет, то кто ж тогда?

— Есть староста... Работники...

— Это все наемные люди... А тут совсем другое дело... Если есть опасность для жизни, дочка, то всегда глава семьи идет. Тот, кого называют беем...

Даже сейчас Зулейхе казалось, что она видит то страдание, смешанное с наивным восхищением и гордостью, которое светилось в глазах старой женщины.

Глава шестнадцатая

Переехав через мост, автомобиль скоро остановился на краю безлюдного пляжа, белоснежный песок которого тут и там под лучами солнца переливался перламутровым блеском.

Вода отступила так далеко, что стало сложно определить, где же заканчивается пляж и собственно начинается море.

Юсуф выпрыгнул из машины и, зачерпнув две полные горсти песка, поднес их к лицу Зулейхи:

— Посмотрите, вы когда-нибудь видели такой же красивый и чистый песок? Мы на самом лучшем пляже в мире... Вот только его пустынность навевает на людей грусть... — Потом он прибавил: — Теперь вы понимаете, зачем нужен купальный костюм, что я купил в Айвалыке?

Зулейха, смеясь, спросила:

— Так он для меня?

— Вы приятно отдохнете на этом пляже. Все свои болезни оставите на берегу, а на «Ташуджу» вернетесь бодрой и здоровой. Мы вас тут оставим одну, а кабинкой вам послужит машина. А сами малость пройдемся — до деревеньки Алтынова — выпьем там кофейку... Вы можете делать, что душе угодно — раздеваться, одеваться, лежать на пляже. Сами посмотрите, как дело пойдет... Когда надоест, и вы решите возвращаться — сигналийте нам клаксоном. Мы ведь всего, по сути, в двух километрах от Дикили. Если смотреть вон с той скалы, то видны даже его домики... А если увидите дым вдальке, так это точно «Тажуджу» нас дожидается.

Вода, наверное, так нагрелась, что была немногим прохладнее раскаленного воздуха. Зулейха медленно шла вперед по песку и думала, что заметит, как вошла в море, только когда ноги ощутят сопротивление воды.

Песок на морском дне оказался таким же мелким и белым, как на берегу. На поверхности не было заметно ни пятнышка кроме зеленых отблесков легкой водной ряби, расходящейся от движений Зулейхи.

Зулейха заметила, что, хотя она прошла уже прилично, вода все никак не доходила ей до пояса. Ей казалось, что если захочет, то могла бы так же спокойно дойти до парусного судна в открытом море и, держась за его борт, поговорить с людьми, которые находились на нем.

Вконец утомившись от ходьбы, Зулейха села в воду, словно в ванну, вытянула ноги вперед и, упираясь руками в песок позади себя, откинулась назад, опустив затылок в воду.

Зулейха понимала, что то время, что она проводит здесь, это те редкие часы, которые в жизни никогда не повторяются дважды, и что она всегда будет помнить эти песчаные берега, которые в своей жизни не видели ни одного живого существа, кроме нескольких оставленных без присмотра верблюдов.

От усталости не осталось и следа. Зулейху охватило странное веселье. Будь здесь сейчас в море другие люди, наполнись пляж людьми, как это было в повседневной жизни, она бы обязательно дико кричала, смеялась, плескалась в воде и распевала песни. Но величественная, наводившая грусть тишина окружающей природы превращала это веселье в спокойствие и задумчивость, придавала оптимистичный настрой и глубокое и беспричинное доверие к окружающему миру. Море больше походило на растянувшийся до самого горизонта мелкий бассейн, и пытаться в нем плавать казалось Зулейхе просто смешным.

Хотя ничто не мешало ей удерживать равновесие, ее голова вдруг уходила под воду, в рот начинала зате-

кать вода, и Зулейха небольшим усилием возвращалась в прежнее положение.

Зулейха придумала себе новое развлечение: нужно было медленно лечь на спину на песок на дне, вытянуть руки по бокам, лежать совершенно неподвижно, попробовать оставить глаза открытыми, и так, через толщу воды, посмотреть на этот мир...

Для этой забавы, последствия у которой могли быть самые плачевные, ей нужно было задержать дыхание секунд на пять-десять. Но она никак не могла удержать равновесие. Кроме того, ее волосы начинали волнами плавать вокруг лица, а вода выталкивала верхнюю часть тела и заставляла поднимать голову из воды.

Тогда, сидя на дне, она начала легко двигаться вправо влево, как большая и странная водоросль. Ноги оставались на песке, а голова над водой.

Зулейха поняла, что пора возвращаться, только когда на солнце, с самого утра пылавшем блеском расплавленного свинца, и на море появились огненные блики. Она медленно пошла к импровизированной кабинке для переодевания.

Юсуф договорился с Зулейхой, что, когда она закончит купаться, позовет его, погудев в клаксон. Но Зулейха вспомнила об этом, только когда увидела, как возвращаются Юсуф с водителем. Возможно, он уже начал волноваться, что прошло так много времени, а от Зулейхи все нет никакого сигнала

Сигналить не было уже никакой необходимости. Но, несмотря на это, Зулейха — как ребенок, который боится упустить любую возможность поиграть — поднялась с места, вытянулась и принялась со всей силы сигналить. Но это было не просто гудение клаксона. Звуки разносились в вечерней тишине — то резкие и громкие, то слабые и отрывистые, похожие на игру на саксофоне, который сопровождает мелодию. Они почти звали пыльными и нетерпеливыми голосами.

Зулейхе вдруг послышались крики самки птицы, которая призывает самца, и она в смущении остановилась.

Юсуф не мог вернуться без угощения и принес Зулейхе полную корзину ягод и винограда из садов Алтыновы. Когда Юсуф подошел к машине с корзинкой, с краев которой свешивались грозди, Зулейха, опираясь на двери, высунулась наружу и голосом, которого Юсуф не слышал у нее никогда раньше, сказала:

— Спасибо вам... Огромное, огромное спасибо!

Хотя Зулейха сама не могла себя видеть, она понимала, что никогда еще ни Юсуф, ни кто-либо другой не видели ее столь прекрасной: влажные волосы прилипли к вискам, глаза и широкая улыбка так и светились глубоким весельем.

Юсуф посчитал, что вся эта благодарность исключительно за принесенный виноград, и потешил свое чувство хорошего семьянина и примерного главы семейства:

— Не за что! Как можно было возвращаться из Алтыновы и не принести вам попробовать местного винограда.

Сказав это, он поставил корзинку на землю, взял из нее гроздь и протянул жене.

На этот раз неправильно поняла Зулейха. Юсуф хотел только поближе показать ей, какого цвета виноград, а Зулейха истолковала его жест как желание покормить ее с рук и оторвала губами несколько ягод.

Потом Зулейха сильно пожалела о своей оплошности. Она так и не смогла простить себе, что ела виноград из рук Юсуфа, словно птица, которая клюет корм из рук хозяина, да еще и непрошенно.

Но в тот момент как раз подходил к концу ее приступ безудержного веселья, который захлестнул ее волной чувств и воодушевления, а потому она не смутилась, когда заметила, что ошиблась.

Машина медленно тронулась, тихо шурша по песку. Зулейха смотрела на Дикили, который расположился на противоположном склоне и казался совсем близким. В его окнах отражались лучи вечернего солнца.

Зулейха больше не убирала свою руку, когда вдруг случайно от тряски касалась руки Юсуфа. У нее появи-

лось непреодолимое желание, несмотря на удивительную бодрость во всем теле, ехать долго-долго, как по пути вперед, положив голову ему на грудь, и снова уснуть.

Но это никоим образом не было связано с Юсуфом. В душе и теле любого человека от рождения заложены такие желания, которые в определенное время с непреодолимой силой заставляют их устремляться к любому человеку, который оказывается рядом. Возможно ли, чтобы сейчас это было влиянием все того же веселья, которое захватило все ее существо днем и действовало на нее как легкое опьянение? Но сейчас из десятка предположений верным оказалось лишь одно, а именно: быть проще, не управлять посредством мыслей и умозрений желаниями своего тела, а главное, души. Отдать себя течению жизни, как чуть раньше она оставила свое тело воде, как она качалась в разные стороны, совершенно отключив сознание, неподвижная, будто странный большой озерный цветок. Следовало признать, что не было ничего в мире правильнее и прекраснее этого.

Зулейхе снова вспомнились те вечерние часы день назад, когда солнце на горизонте становится большим и красным, семья, с которой они сидели в кофейне на пристани в Айвалыке, полувлюбленную-полуоубиженную на Юсуфа пухленькую девушку. Если бы сейчас та девушка оказалась на ее месте, то она, конечно бы, прислонила голову к плечу Юсуфа, попыталась обвить короткими ручками его крепкое молодое тело, прижалась щекой к его щеке и ела бы виноград из его рук. И конечно, поступила бы правильно.

Глава семнадцатая

Не спеша поев за выставленным на улицу столиком в небольшой забегаловке, бывшей чем-то средним между столовой и трактиром, они спустились к пристани. Там их уже ожидала лодка с «Ташуджу».

Когда Юсуф, стоя одной ногой на пристани, а другой в лодке, протягивая руку Зулейхе, вдруг, будто это только что пришло ему в голову, сказал:

— Я хотел вам предложить... Если вы против, будем считать, что я ничего не говорил. Муниципалитет тут построил небольшой парк. В одной части вот уже неделю показывают кино... Пока еще рано... Мы ведь ни разу не видели городка ночью... Если хотите, заглянем туда на несколько минут... Посмотрим, что там такое.

Зулейха без колебаний согласилась:

— Какая прекрасная мысль, конечно, пойдемте.

Юсуф на секунду замер, когда увидел, как с детской покладистостью и даже радостью Зулейха согласилась на его предложение.

— Но, конечно, если вы устали, возвратимся на пароход... — сказал он. — Вам решать.

Зулейха рассмеялась:

— Мы разве с вами не договорились, что вся усталость и недомогания останутся на пляже?

Юсуф отметил два важных момента в поведении и словах Зулейхи.

Прежняя Зулейха никогда так быстро и легко не соглашалась с тем, что он предлагал. Но всегда с легкой гримасой недовольства упорствовала в самых маловажных вопросах.

Кроме того, он в первый раз слышал, чтобы она придала значение его словам, запомнила их и потом повторила.

И наконец, он заметил, что, когда они возвращались по той же улице, по которой спускались несколько минут назад, Зулейха шла рядом вприпрыжку, словно школьница, и иногда перескакивала через поврежденные булыжники в мостовой, чтобы подстроиться под него и идти с ним в ногу.

Все эти чуть заметные изменения в поведении Зулейхи были так для нее новы, что не поддавались описанию.

Во всех поселках и городках, где во время своего плавания по Мраморному и Эгейскому морям останавливался «Ташуджу», Юсуф очень интересовался работой муниципальных властей, искал любой предлог, чтобы осмотреть все новые постройки, улицы, рынки и скотобойни и тащил с собой Зулейху.

Он думал, что мог скрыть от жены заинтересованность, которая раньше так ее раздражала и была одной из причин их непримиримых разногласий.

Когда вдалеке показался светившийся огнями парк, Зулейха решила слегка уколоть мужа:

— В вас проснулся бывший дух работника муниципалитета.

— Это еще почему?

— Разве мы не поэтому идем прогуляться по парку?

— Будьте уверены, не поэтому... Если хотите, можем вернуться.

Он мучился от того, что она угадала его истинные намерения, и на полном серьезе собрался повернуть назад, Зулейха же отрывисто рассмеялась:

— Да хватит вам ребячиться, что в этом плохого?

Юсуф тоже рассмеялся:

— Да плохого-то ничего... Все очень просто... Но вы, правда, все не так поняли... Будьте уверены.

Юсуфу никогда не удавалось скрыть ложь, а потому, когда он произносил последние слова, голос его странно дрогнул, что только рассмешило Зулейху еще больше.

— Вы тоже будьте уверены, что я не ошиблась, — сказала она. — Но почему же мне должно казаться странным такое желание? Я сама разве не культурный человек? Мне тоже, конечно же, интересно, как тут стараются облагородить свой городок.

На этот раз не поверил Юсуф. У него на то были все основания. Он не мог понять по словам жены, шутит она или делает это ради собственного интереса и удовольствия, а потому только рассмеялся.

Какое-то время они шли, перешучиваясь и подтрунивая друг над другом, словно два товарища, а потом Зулейха погрузилась в свои мысли.

Как приятно они могли бы говорить на темы, которые всегда, пока они были мужем и женой, грозили размовкой, если бы все их разговоры проходили в форме мягкой дружеской беседы.

Юсуф, испугавшись, как бы жена не нашла все усовершенствования в саду чрезмерно примитивными и демократичными, сразу же предложил уйти и сказал:

— Как видно, напрасно они старались. И хотели что-то сделать, да не особо им это удалось. — Но в этом критическом замечании чувствовалось скрытое соперничество.

Зулейхе будто захотелось продолжить недавно начатый спор, и она спросила:

— Ну почему же? Мне, наоборот, показалось, что сделано все с душой, так все мило. И раз уж мы сюда пришли, нужно обязательно хоть краем глаза взглянуть на их кинотеатр.

Зулейха так говорила не только, чтобы удивить и порадовать Юсуфа. Ей действительно очень приглянулись развешанные на деревьях лампочки, бензиновый двигатель, что стоял чуть поодаль, мужчины, распивавшие кофе и газировку и курившие нарگیле на краю крошечного бассейна, группы женщин в чаршафах, которые, будто испугавшись лунного света, отошли в сторонку, под кроны деревьев. Ей было приятно прогуливаться среди этих людей и представлять себе, что она присоединяется к нарисованным людям с ог-

ромной картины, на которой изображен сад. Зайдя за перегородку, сделанную из скрепленных деревянных досок на железном каркасе, они вошли в ту часть парка, где располагался кинотеатр. Зулейха, не обращая внимания на то, что муж хотел сесть чуть поодаль и тем самым отделиться от основной части народа, направилась в самый центр многолюдной толпы. Радостно усевшись на один из двух свободных стульев, которые она там обнаружила, второй она притянула к себе, чтобы сохранить его для Юсуфа, и помахала ему рукой, чтобы он скорее шел.

Зулейха с давних пор смотрела как на худшее преступление против хорошего тона есть во время представления в театре или в кино и считала это самым постыдным нарушением этикета жителями Анатолии. А тут вдруг подозвала официанта, который расхаживал между рядов стульев, бряцая щипцами для сахара, и заказала себе газировку, а Юсуфу — кофе.

Когда Зулейха это делала, в ней вновь проснулось то странное ощущение, которое появилось у нее несколькими часами ранее, когда она высунулась из дверей машины на песчаном пляже. Она будто видела, как исключительная красота, которую человек может пережить в своей жизни не более одного раза — в виде сияния, подобного тому, что исходит от металлической статуи — заставила светиться ее глаза, широкую улыбку и все черты лица.

Фильм оказался не только немым, но и без музыкального сопровождения... Тишину нарушали лишь изредка раздававшиеся голоса зрителей, которые делали свои замечания, да плач маленького ребенка, который хныкал на руках у матери.

Слабый фильмопроектор проигрывал в сражении с сиявшей вовсю луной: разглядеть хоть что-то можно было лишь в той части белого экрана, куда падала тень от большого дерева.

Юсуф удивился, как у них не хватило соображения соорудить тент для защиты от лунного света. Зулейха звонко рассмеялась на это критическое замечание.

Впереди них, положив шерстяной пиджак на стул рядом с собой, а на плечи набросив большой платок, сидел толстый мужчина средних лет. Он понял, что они были гостями, впервые прибывшими в их городок, и с непринужденностью, свойственной жителям Анатолии, по-хозяйски любезно обратился к Юсуфу:

— Если ханым не по нутру мой кальян, то я тотчас пройду вперед...

Временами фильм то прерывался, то отдельные его кадры принимали вид неясной тени из-за того, что пленка потерялась от старости. В такие моменты этот человек поворачивался к ним и шутил:

— Хаджи-бей скупает пленку килограммами... По двадцать курушей за кило... По дешевке берет, на вес... Если где порвется, сам все склеивает. Он, как и я, в таких делах ничего не смыслит, потому и склеено все сикось-накось... Да вы уж его простите. На том свете все зачтется... Хаджи-бей у нас такой мошенник... За деньги нам мечты показывает... Вон, в былые времена дуракам втюхивали всякие снадобья из пыли от барабана да из тени от минарета, те и рады... Ха-ха-ха... Да, вот уж мошенник... Не так-то просто мечтами торговать...

Хаджи-бей, скорее всего, был владельцем кинотеатра, а кинопленка — перевод французского «пеликюль»...

Юсуф знал, что его жена никогда не была в восторге от фамильярности, а потому не решался завязать разговор с толстяком. И крайне удивлялся, когда Зулейха громко хохотала и отвечала на его вопросы. Ее, должно быть, позабавил каламбур о продавце снов, потому что она повернулась к Юсуфу со словами:

— Как здорово, правда? Как живописно сказано, никогда не забуду...

Фильм точно остался с первых лет изобретения кино. Пленке было лет тридцать-тридцать пять. Это стало понятно не только из того, что отдельных кадров просто не хватало, но и по тому, что изображение дрожало, а кадры резко скакали.

Не ясно было, ни о чем фильм, ни где происходит действие. Из немногих старых подписей, которые Хаджи-бей не догадался вырезать, можно было понять, что в лесной чаще течет река, на ее берегу в деревушке живет паренек лет двадцати. Тут, в глуши, он родился, тут и живет вместе с матерью. Несмотря на мольбы матери, которая боится за его жизнь, он строит некое подобие плота из деревянных досок. Паренек хочет, когда растает лед и откроется вода, по реке спуститься к морю, о котором он слышал, что оно есть где-то там. Когда наступает лето, парень спускает плот на реку и плывет среди сплавляемых по реке спиленных в лесу деревьев. Где-то в среднем течении реки есть станция. Каждый год в летнее время туда приезжает группа людей, обвешанных здоровенными пистолетами, в колониальных шапках на голове и с лассо — из беспорядочной череды кадров стало понятно, что они — исследователи. Они строили бараки и палатки и жили в них несколько месяцев, а когда река начинала покрываться льдом, снова целым отрядом отправлялись в неизвестном направлении. Этот мальчишка, что так хотел увидеть море — снова по непонятной причине — попадает под обаяние таинственной женщины, которая в одиночестве живет в бараке, и какое-то время проводит у нее. Так и не добравшись до моря, видя, что река начинает замерзать, он возвращается обратно.

Его поиски приключений повторяются несколько лет подряд и всегда заканчиваются одинаково.

По белоснежному в свете луны экрану текли смутные потоки воды, раскачивались тени от деревьев и листьев, и непонятно было, картинки ли это из фильма, или же тени настоящих деревьев вокруг. Эти тени смешивались с листвой, лежащей под ногами парнишки, который хотел увидеть море, среди бешеной гонки в степях, где ничего не было видно из-за метели и где эту листву поднимал ветер.

Если бы Зулейха смотрела этот фильм или нечто подобное в хорошем кинотеатре, если бы он оказался ярче и понятнее, то, наверное, он быстро ей наскучил.

Но в таком виде он ее захватил. В этой истории, в которой молодой паренек хотел спуститься к морю, невозможно было понять ничего, кроме того, что он не в состоянии спастись от некой завесы тайны. Зулейхе виделось что-то от Ибсена*, и понемногу ее охватила грусть.

Юсуф не мог надивиться тому, как Зулейху мог увлечь этот фильм, про который их знакомый с наргиле сказал, что на него билеты и по десять курушей продавать было дорого, и только говорил:

— Если вам надоело, мы можем уйти.

Зулейха досмотрела фильм до конца и, когда включили свет, быстро смешалась с толпой, чтобы Юсуф не увидел слез, застилавших ей глаза.

---

*Ибсен, Генрик Иоган (1828–1906) – норвежский драматург. В поздних произведениях, помимо выдвижения на первый план темы «сильного человека», Ибсен становится беспощадным к своим героям (*Примеч. ред.*).

Глава восемнадцатая

Лодка доставила их на борт «Ташуджу» около полуночи. Когда они подплывали к трапу, то увидели, что на палубе их уже ждут капитан с деревянной ногой и доктор. Позади них в белой куртке, уперев руки в бока, стоял Малыш Халиль.

Зулейха, будто увидев знакомых после долгой разлуки, вскочила с места так резко, что лодка закачалась, и замахала им руками. В эту секунду она поняла, что, сама того не замечая, странным образом привязалась ко всем этим людям.

Когда она поднялась на палубу, к ней подошел Халиль с таким видом, будто хотел сообщить что-то секретное. Он сказал, что готовый к отплытию пароход проследует мимо Мидилли ночью и он не сможет ей показать холм, где находится милый его сердцу Йере. И с этим ничего нельзя было поделать. Но Зулейха вместе с Халилем сильно опечалились, будто потеряли что-то очень ценное.

Этой ночью доктор, который почти всегда рано укладывался спать на плетеное кресло на палубе, против обыкновения, ждал их. Он засмеялся, когда Зулейха погладила его руки. Его пальцы всегда были немного припухшими, несмотря на общую худобу. Глаза доктора мило заблестели.

— Ну вот мы наконец и свиделись... Надолго же вы пропали... — сказал он, а потом пообещал Зулейхе: — Сегодня уже поздно, но завтра мы с вами сыграем в нарды.

Зулейха с удивлением замечала, как этот человек начинал занимать важное место в ее жизни. Иногда она ощущала, как внутри шевелилось чувство, похожее на то, которое так сильно привязало ее к отцу.

В первый день, когда она его только увидела, этот хворый старик показался ей просто воплощением безысходности. Старость неизбежна для всех, а тут еще такое несчастье — потерять молодого сына, а потом еще в таком состоянии, больным и разбитым, ехать в Анатолию искать работу! Большого несчастья даже представить себе невозможно! И вместе с тем Зулейха стала замечать, что время шло, и старик плакал уже не так горько. Он стал мало-помалу чем-то интересоваться и даже радоваться.

В свое время он собирал четки. Оказалось, что у него даже была небольшая коллекция, которую ему пришлось продать, когда он отправлял сына в Европу. Даже сейчас казалось, что азарт коллекционера в нем еще не совсем угас.

Когда он узнал, что ценный подарок, лежащий в сумочке Зулейхи, — четки, глаза его заблестели, и он сразу же захотел на них взглянуть.

Для Зулейхи не составляло труда самой определить, из какого дерева или камня были изготовлены четки. Но, заметив, что доктор, испуганно глядя на них, хочет сам себе это напомнить, догадалась, что в нем говорил больше былой интерес, чем желание оказать ей услугу. Доктор надел очки и принялся пристально рассматривать четки, которые Зулейхе достались путем долгих поисков. Он потер их в ладонях и, закрыв глаза, глубоко вдохнул их запах и сказал:

— Амбра самого высокого качества.

Зулейха заметила, что этот запах его просто одурманил, и ответила:

— Если позволите, я вам их подарю.

— Мне? Эти четки? Нет, не возьму. Ни за что на свете не возьму...

Доктор отказывался от подарка с упрямством, которое встречается только у стариков, и с силой сжимал

дрожащие руки в кулак, будто боясь, что подарок ему всунут насильно.

Тогда Зулейха ему пригрозила, что обидится и не будет играть с ним в нарды, и детским жестом, который давно вошел у нее в привычку, положила кисть правой руки на его руку.

— Откройте руку, — приказала она и наклонилась.

Доктор понял, что Зулейха может обидеться, и разжал пальцы, но четки не взял.

Однако на следующее утро он захотел взглянуть на четки еще раз, сказав, что не все внимательно рассмотрел. Зулейха, многозначительно улыбнувшись, повторила вчерашнюю просьбу. На этот раз он, совершенно не противясь, принял подарок.

Бедняга признавал этим поступком, как сильно раскаивался этой ночью. Вот она, старость!

Доктор был так уверен в таком исходе, что даже приготовил Зулейхе ответный подарок: обернул в золотую фольгу от шоколадки кольцо с мерцающим гиацин-том и положил в карман жилетки...

Он достал из сафьянового чехла небольшое прицепленное к цепочке от часов увеличительное стекло, оставшееся еще со времен, когда занимался коллекционированием, протянул его Зулейхе и сделал совершенно невиданный комплимент:

— Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что внутри камешка мерцают крошечные искорки, размером не больше игольного ушка, прямо как в ваших глазах.

Зулейха очень удивилась, как этот старик, о котором она думала, что окружающие вещи представляются ему смутными тенями, словно в тумане, подметил то, чего не замечали даже самые близкие друзья, и смущенно засмеялась.

Непроизвольно она положила руку ему на плечо и сказала:

— Если так и дальше пойдет — комплименты да подарки, — то мы с вами, эфенди, того гляди, еще и влюбимся друг в друга по уши...

Но когда, повернув голову, увидела рядом Юсуфа, тут же устыдилась своей развязной шутки.

Теперь после полудня они обычно оставались с доктором на палубе под тентом, играли в нарды и говорили о том о сём.

Здравые мысли остались в голове старика, хотя на первый взгляд этого и не скажешь. Особенно если речь заходила о его детских воспоминаниях, говорил он очень живо, глаза и мысли сразу прояснялись.

Зулейха заметила его особый интерес к пустым пачкам из-под сигарет и особенно к жестяным коробочкам: где бы они ни попались ему под руку, он их уносил себе в каюту.

Однажды в часы бодрствования доктор объяснил ей эту не совсем обычную привычку:

— Это увлечение многих стариков. Память ухудшается с годами, воспоминания тускнеют. Человек доходит до того, что не может вспомнить, что и куда положил. Это просто беда для одиноких стариков вроде меня, которым приходится самим со всем управляться. Разойдется у меня вдруг где шов на одежде, мне нипочем ни очки, ни иголку с ниткой не найти, а если вдруг ночью проснусь от какого недомогания, с трудом найду коробку спичек и лекарства... Мне много спокойнее, если всю эту мелочь по таким коробочкам разложу... Да, дитя мое, в этих коробочках я с помощью рук нахожу то, что не могу найти на сгнивших полках разума с помощью памяти...

Беседуя с доктором на самые разные и сокровенные темы и слыша от него подобные речи, Зулейха понимала, что он был человеком, много всего перечитавшим и передумавшим в свое время.

Разговаривая со своим пожилым другом, Зулейха всегда была начеку, чтобы ни словом не обмолвиться о том, что могло напомнить ему о сыне. Но однажды, несмотря на все старания, все-таки оговорилась.

Как-то раз когда доктор ни с того, ни с сего спросил: «И почему у вас нет детей, были бы, так радовали бы вас», Зулейха сказала только чтобы не оставлять его слова без ответа:

— Может быть, так оно и лучше... Ведь иметь ребенка значит ни с того, ни с сего насочинять себе любовь... а проказники наши могут заболеть, умереть...

И вдруг осеклась, подумав, что эти слова напомнят ему о сыне, и огорчилась.

Однако однажды Эмин-бей разговорился.

— Моему сыну было тогда лет тринадцать-четырнадцать, — начал он и рассказал трогательную историю. И хотя его фразы вроде «у моего сына тогда личико было белое, как слононая кость», «в это время ребенок очень впечатлительный и сильнее всего привязан к отцу» вонзались в сердце Зулейхи, как стрелы, она ничем не выдала своего волнения, и улыбалась все так же спокойно.

Именно после этого разговора Зулейха обратила внимание на доктора и решила, что в душе он не был таким несчастным, каким казался.

Амбровые четки, коробка от сигарет из блестящей жести, — его радовали подобные вещицы. Когда пароход останавливался и команда забрасывала сети в море, он с детским интересом и радостью ждал, что же вытянут из моря. Он даже думал о будущем, строил планы, питал надежды. Он обещал, что если его снова назначат на должность доктора в Гюльнаре, он снимет цветной домик с садом у кого-нибудь из местных и обязательно пригласит Зулейху с мужем в гости. А сам тоже будет их навещать в Гельюзу, испросив разрешения у муниципалитета, где-то в середине лета. Ведь плохо надолго оставлять поселок без врача.

Зулейха начала размышлять над тем, что происходило с доктором.

Возможно, старость вовсе не такое жалкое состояние, каким кажется со стороны. Горячность, страдания, приступы безнадежности, доводящие людей до самоубийства, — все это идет от непрерывно работающих легких молодого тела, от лихорадочно бьющегося сердца. Но когда сердце изнашивается, одряхлеет тело, утолщаются сосуды, голова больше не бунтует, душа теряет способность воспламеняться и пылать, и человек, слов-

но гнилой зуб, из которого удалили все нервы, строит последний мир надежд из осколков памяти, из увлечений всякими мелочами вроде четок и жестяных коробочек. И в этой беспечности его и застает смерть.

Ничто не внушало опасений за здоровье доктора, кроме иногда случавшихся приступов удушья. А радость и жизненная сила, которые, казалось, все возрастали по мере того, как он привязывался к Зулейхе, даже придавали ему вид нормального человека. Но некоторые симптомы, появлявшиеся в те периоды, когда он часто дремал в плетеном кресле — то, как у него медленно закатывались глаза, а губы поджимались и бледнели, — Зулейхе казались признаками близкой смерти. То же она замечала в последние дни жизни своего отца.

Первым, кого Зулейха встретила на следующий день на палубе, был капитан с деревянной ногой.

Глава девятнадцатая

— Где мы? — спросила Зулейха.

— Направляемся в Чешме.

Улыбка застыла на губах молодой женщины. Она часто заморгала.

— Разве мы едем не в Измир? — снова спросила она. — У нас есть дела в Чешме?

Капитан слегка повел плечами:

— Нет... Я и сам не знаю, честное слово... Так утром приказал господин Юсуф.

На крышке главного трюма парохода боролись двое. Одним был Малыш Халиль с Мидилли.

Юсуф и еще несколько матросов пристально наблюдали за схваткой. Временами раздавались крики Юсуфа и его смех.

— Давай, Халиль... Вперед, покажи себя! — Увидев рядом Зулейху, он продолжил хохотать. — У нас тут борьба пехливанов... Ваш Халиль не побоялся ножа, решил помериться силами с кочегаром с Сакыза... Но так жестко бьется... Прямо разъяренный бойцовский петушок.

Зулейха какое-то время, казалось, с интересом наблюдала за схваткой, а потом сказала безразличным голосом:

— Я только что видела капитана... Мы, оказывается, направляемся в Чешме, это правда?

Юсуф ответил, не поворачивая головы:

— Да, мы сменили курс...

— Почему же?

— Я подумал, что Шевкет-бей еще там... Будет хорошо застать его, если он не уехал...

Если бы Юсуф в это мгновение взглянул на жену, то увидел, что в ее глазах что-то вспыхнуло, словно несколько раз взметнулось от ветра пламя свечи. Но он, поглощенный наблюдением за схваткой Малыша Халиля, этого не заметил.

Нужно было что-то ответить. Собравшись, Зулейха сказала все тем же ровным голосом:

— Действительно, хорошо... Мой дядя будет очень рад нас видеть...

— Я тоже буду рад...

Не дожидаясь окончания соревнований, Зулейха отвернулась и направилась к себе в каюту, чтобы не пришлось больше ни с кем разговаривать.

Она билась над загадкой. До сего дня никто из них ни разу не упомянул имя Шевкет-бея. Почему Юсуф счел нужным встретиться с этим человеком, который ему совсем не нравился? Чем была вызвана столь неожиданная перемена?

Не было сомнения, что ее дядя покинул Стамбул, только чтобы не оставлять ее под своим покровительством и потому что побаивался Юсуфа. В таком случае Зулейхе казалось просто невыносимым позором гоняться за ним по пятам в Чешме. Неважно, о чем думал Юсуф, когда это делал, но он ни с того, ни с сего тянул ее к самому сильному нервному срыву.

Но самое страшное, что она не могла сказать, что не хочет встречаться с дядей. И тем не менее нужно было преодолеть в себе это чувство безысходности.

Зулейха не находила себе места до той минуты, пока от служащего на пристани в Чешме они не узнали, что около недели назад Шевкет-бей с семьей уехал в Измир.

Это известие переполнило ее радостью, хотя мужу она сказала: «Жаль... мы их упустили». Сейчас она поняла, что все ее страхи были напрасными. Имел ли смысл старому проныре оставаться на лечении в Чешме хоть часом больше, когда он узнал, что они уехали из Стамбула?

«Ташуджу» снова сменил курс и повернул обратно, в Измир.

Зулейхе казалось, что великолепный огромный город немного выбьется из общей программы. Ведь особенностью этого путешествия было то, что они продолжали плыть время от времени останавливаясь в небольших городках и деревушках.

Но Юсуф назвал причину, против которой сложно было что-то возразить. Он опасался за здоровье доктора, хотя тот и выглядел гораздо бодрее, чем обычно.

— Я не могу вот так, наспех, сказать что-то точно. Но мне, по правде сказать, не очень нравится его вид — синие сосуды и посиневшие лунки ногтей, то, как он часто начинает дремать прямо там, где присядет. И потом, эти приступы удушья по ночам... Я не могу спать спокойно, если несколько раз за ночь не зайду к нему в каюту... Он не может лежать на спине, кладет перед собой большую корзину, опускает на нее голову, как молящиеся в мечети, заснувшие на подставке для Корана. Я сильно опасаюсь, что мы окажемся связанными по рукам и ногам в дальнейшем. Маловероятно, что в тех местах, куда мы направляемся, мы найдем хорошего врача... Лучше всего, чтобы его осмотрел специалист в Измире... Да воздастся бедняге!

Глава двадцатая

Опасность, от которой Зулейха, как ей казалось, избавилась, поджидала их в Измире. Шевкет-бей еще не уехал из города. Он гостил в Каршияка* у старого друга, который вот уже несколько лет занимался проектами по поднятию экономики в вилайете.

Пожилой дипломат успел съездить в Эфес и Бергаму на личном автомобиле своего друга, который, следуя последней моде, носил брюки-гольф, очки, а не монокль, и кепи, и изучить местные развалины. Старик испугался, как бы ему боком не вышли его развлечения, когда, сходя с парохода из Каршияка на измирской пристани в районе Кордон, увидел перед собой Юсуфа и Зулейху.

Сначала дипломат подумал, что их встреча не более чем неприятная случайность. И страшно удивился, когда узнал, что Юсуф заехал в Чешме, только чтобы повидаться с ним, и, не застав, сильно огорчился. А когда случайно узнал, что он еще не уехал из Измира, сразу побежал к Зулейхе, чтобы сообщить ей радостную весть. Несмотря на то что Шевкет-бей много раз повторял, что скрывать под непроницаемой маской равнодушия любые чувства первая обязанность дипломата, его глаза округлились от удивления, словно у какого-то старика из деревни. Дипломат не верил довольному виду Юсуфа, искренности его голоса. Он думал, что здесь не обошлось без хитростей и что его хотят на чем-то подловить.

---

* Каршияка — район Измира.

В этот момент рядом находился друг-экономист Шевкет-бей. Он пригласил Юсуфа и Зулейху провести у него вечер и поужинать. Обычно Юсуф робел перед такими приглашениями и принимал их крайне неохотно, а тут согласился без колебаний, хотя приглашение было сделано нехотя, почти сквозь зубы.

Теперь обе стороны отправились по делам, а ближе к вечеру Юсуф с женой должны были приехать в Каршияка.

Когда хозяин дома уже собирался дать адрес, Юсуф его прервал:

— Не нужно... У меня уже есть ваш адрес. Мы все равно заехали бы к вам, даже если бы случайно не встретились.

Когда, расспрашивая друг друга о здоровье, они прошли чуть вперед до улицы Кордон, Шевкет-бей с другом сели в автомобиль. Юсуф сначала завез жену в гостиницу, а потом отправился в больницу, где ждал осмотра доктор.

***

В этот день непроницаемая маска, о которой говорил Шевкет-бей, на самом деле была на лице Зулейхи. Пожилому дипломату никогда не удавалось так держать себя в руках, как племяннице.

Когда несколькими часами ранее сидевшая в одиночестве в гостинице Зулейха увидела, как неожиданно вернулся Юсуф, и услышала, как он, будто благую весть, сообщает: «Я разыскал вашего дядю. Он еще не уехал. Остановился в гостях где-то в Каршияка», она, казалось, на мгновение растерялась. Но тут же овладела собой и ответила голосом спокойным и равнодушным: «Да, уже разыскали? Очень хорошо».

Потом придет время задуматься о том, почему Юсуф так поступает. Сейчас же обстоятельства сложились так, что главным было не выдавать своей растерянности, собрать все душевные силы в кулак и событиям противопоставить хладнокровие. И это желание

Юсуфа сей же час нестись в Каршияка, будто боясь упустить Шевкет-бея, было совершенно бессмысленным. И то, что дом, куда они поедут, являлся домом человека со стороны, только увеличивало позор. У нее на языке так и вертелось: «К чему вся эта спешка? Всегда можно позвонить по телефону или послать кого-нибудь и договориться встретиться». Но она этого не сказала. Было заметно, что Юсуф и сам боится предстоящей встречи. И кроме того, просить о чем-то мужа в этот час оказалось выше ее сил.

Во время первой случайной встречи на пристани Зулейха старалась подстроиться под тон и слова мужа и разговаривала очень спокойно.

Но когда поняла, что останется в комнате гостиницы на несколько часов одна, маска спала и у нее случился нервный срыв.

Зулейха металась по комнате, обводя ее взглядом в поисках чего-либо, что можно сломать и, кусая губы, стонала:

— Что делает этот болван... Зачем... Чего он хочет?

Зулейха в своих умозаключениях опиралась на то, что это долгое путешествие на маленьком грузовом пароходике происходило по воли Юсуфа, который считал, что так, среди тихого моря, маленьких поселков и деревушек, где не встретишь ни одного знакомого лица, они могли ненадолго затеряться. Между тем сейчас он, недолго думая, поставил под страшную угрозу и себя, и жену. Разве не было подлым неуважением нарушать покой дяди здесь, где он укрылся, сбежав из Стамбула, как только разразился скандал, и бегать за ним по пятам со словами: «Ах как хорошо, что Аллах привел нас к вам». И где? В чужом доме, среди людей, которые, вне всякого сомнения, знают о скандале во всех подробностях и которые, возможно, даже открыто обсуждали его с дядей...

Ясное дело, они не собирались сорок лет скитаться по морю на «Тажуджу», словно в передвижном монастыре. Конечно, какое-то время спустя им все равно бы пришлось появиться на людях. Но так вот сразу, из ог-

ня да в полымя, тащить ее в дом, где куча незнакомых людей... Это было уже слишком.

Зулейха представляла себе в доме, куда их пригласили, толпу любопытных, пребывавших в волнении от ожидания, будто готовясь смотреть кинохроники скандала или преступления. Возможно, они сейчас даже рыскали по полкам шкафов в поисках старых газет, где на первых страницах были снимки ее раненой. Возможно, были и фанатики и лицемеры, которые бы не потерпели ее присутствия в доме. Но просвещенное меньшинство, без сомнения, сочтет за привилегию то, что знаменитая женщина, пострадавшая в автомобильной катастрофе со своим любовником, первой посетит именно их дом, и гордились этим.

Но допустим, что Юсуф не понимает, как мучительно ей будет провести этот вечер... Но в каком положении окажется он сам? Как он найдет в себе силы пожимать руки, шутить и отвечать им на их язвительные вопросы, и все это в качестве мужа прославившейся в газетах женщины. Те сомнения, что временами проносились у нее в мыслях, в итоге оказались верны. Этот деревенщина, несмотря на свой мужественный и порядочный вид, был просто болваном.

С такими мыслями Зулейха металась по комнате, будто в лихорадке. В какой-то момент она пожалела, что откровенно не поговорила с Юсуфом и твердо не сказала ему, что не желает видеть дядю. Но она упустила момент. Случись сейчас даже авария или заболел она, это не воспрепятствует таким встречам в дальнейшем. В противном случае, если бы они стали судачить, что она испугалась и сбежала, то были бы недалеки от истины.

Она правильно сделала, когда, узнав новость от Юсуфа, не задумываясь, почти инстинктивно, отреагировала на нее спокойно и беспристрастно. Нужно до конца сохранить эту маску, несмотря на опасность выглядеть безнравственной, и сделать так, чтобы не тешить самолюбие тех, кто приготовился видеть ее с повинной головой, не доставить им такого удовольствия.

Этот длительный припадок снял нервное напряжение и под конец даже принес Зулейхе облегчение.

Как актриса, которой предстоит выйти на сцену, она долго и мастерски накладывала макияж. Когда они с Юсуфом садились в машину, она была невероятно спокойна и весела.

Глава двадцать первая

Как только Зулейха переступила порог дома, где остановился ее дядя, она сразу поняла, насколько в горячке раздула проблему.

Семья экономиста состояла из жены — бесхитростной женщины лет шестидесяти — и дочери-школьницы. Совсем еще девочки, которая до леденящего ужаса боялась предстоящего выпускного экзамена, намеченного на следующий день.

Ужин прошел спокойно. Шевкет-бей рассказал о том, что повидал в Анатолии. Он был сильно огорчен, увидев страну, судьба которой была ему весьма небезразлична, в положении пасынка, оставленного без внимания на долгие столетия. Он высоко ценил усилия по обновлению, но боялся, что если не будет выбран самый легкий путь с привлечением небольшой доли европейского капитала, то вести работы по восстановлению будет уже поздно. Потом долго с видом историка и эстета обсуждал развалины Эфеса и Бергама. А под конец радостно сообщил, что планирует в этом году посетить исторические места Силифке и по пути, возможно, даже заехать погостить на несколько дней в Гёльюзю.

После ужина начали появляться гости. Зулейху насторожили их одежда, манеры и особенно слова. Все, как один, говорили, что просто вышли подышать воздухом после ужина и заглянули к ним в гости. Среди прибывших было несколько молодых женщин и девушек, которые с трудом скрывали интерес и любопыт-

ство, и пара молодых людей, разодетых как героини-любовники нового кино.

Слухи распространяются быстро. Все пришли только чтобы посмотреть на нее, а потом рассказать о своих наблюдениях другим, приукрашая рассказ выдумками и подробностями.

Завтра сплетни расползутся по всему городу, и явятся еще желающие увидеть героиню скандала, случившегося в Алемдаге.

Но для Зулейхи эти люди ничего не значили. Она, как охотник в засаде, зорко следила за гостями и была начеку, готовая в секунду свернуть шею любому, кто осмелится поднять голову.

Юсуфа этой ночью невозможно было узнать. Раньше он и в лучшие времена дичился такого скопления народа, держался с женой отдаленно и холодно. Однако этим вечером так рассыпался в комплиментах Зулейхе, что превзошел даже бывалых салонных ухажеров, кружил вокруг, словно мотылек.

Встретив такое обращение, Зулейха вынуждена была проявлять такую же благорасположенность к нему и всю ночь — непонятно почему — они оба играли роль любящих мужа и жены. Зулейха даже заметила, как несколько раз непроизвольно окликнула Юсуфа по имени.

Не без помощи такого поведения Зулейха в этот вечер могла показаться звездой известного фильма. Она чувствовала, что стала хозяйкой положения: своими продуманными и полными достоинства движениями, привлекая взгляды блескующими в свете электрических ламп драгоценностями и ослепительной улыбкой, она превращала окружающих в кучку неприметных статистов.

Зулейха с ожесточением пристально смотрела в глаза дерзнувших на себя паяться и не отворачивалась, пока те не отводили взгляд.

Сейчас они могли говорить что угодно, даже называть ее хоть бесстыжей и безнравственной нахалкой. Но слабой, трусливой и молящей о снисхождении — никогда!

Среди удивлявшихся ее поведению был и ее дядя. Однако Шевкет-бей находил, что она ведет себя ненатурально, почти неестественно, и посматривал на племянницу с легкой тревогой.

Выглядевшая этим вечером самым безвредным элементом в толпе девочка-школьница, не подумав, допустила бестактность и в какой-то момент чуть все не испортила.

Схватив со стола лежавшую на нем газету, она пробежала ее глазами, и вдруг возвестила:

— Ой, по дороге в Халкапынар* разбился автомобиль... Одна женщина ранена...

Молодая женщина, рассказывавшая о выставке в Измире, вдруг осеклась, потом и другие прекратили светскую болтовню и принялись смотреть кто прямо перед собой, кто на потолок, а кто в окно на темную улицу. Хозяин дома притворно закашлял. Шевкет-бей принялся изучать взятый со стола рисунок.

Зулейха сказала спокойно и немного печально:

— В последнее время так участились аварии на дорогах, — и спросила: — Бедная женщина погибла?

Девочка густо покраснела и, склонив голову, заикаясь, ответила:

— Нет, ханым, раны оказались совсем легкими...

— Если человек не умер, то раны не важны, — сказала Зулейха и замолчала.

Среди гостей был самонадеянный молодой человек, настоящий образчик донжуана. Зулейха по его разговору, взглядам и поведению поняла, что он смотрел на нее как на легкодоступную женщину.

Воспользовавшись моментом, когда они остались одни, он спросил, надолго ли Зулейха задержится в Измире, и, получив ответ «пару дней», поднял брови и произнес: «Жаль». Зулейха про себя продолжила его мысль: «Жаль... Если бы вы остались еще, мы бы с вами нашли возможность встретиться наедине и, может быть, покатались бы на машине».

---

* Халкапынар — район Измира.

В любом случае ее разговор с донжуаном мог быть истолкован превратно. Зулейха осталась бы совершенно безоружной и поэтому все силы направила на то, чтобы не встречаться с ним взглядом и не стать заложницей разговоров с ним.

Потом этот молодой человек разговорился с Юсуфом, с беспардонным видом взял его под руку и повел на балкон.

С места, где сидела, Зулейхе было видно, как он предложил мужу сигарету и как потом в свете зажженной спички Юсуф, улыбаясь, наклонился.

Юноша, возможно, из-за страха на фоне Юсуфа показаться низкорослым и незначительным, сел на перила балкона, обхватив рукой опору, и покачивал ногами.

Зулейха не могла отвести взгляд от балконной двери.

Без сомнения, этот фат позволяет себе говорить с Юсуфом пренебрежительно, считая, что вправе вести себя с ним свысока и похлопывать рукой по плечу.

До сего момента у Зулейхи даже не промелькнула мысль, что она виновата перед Юсуфом.

И когда она лежала раненая в больнице, и когда потом думала наедине с собой на море, ее умозаключения крутились вокруг следующих мыслей:

«Разве мы с Юсуфом оба не понимали, что не могут жить вместе? Разве из уст судьи по общественным и правовым делам в Джейхане не прозвучали слова: “Ваш брак расторгнут. Вас больше ничто не связывает. Единственное, что вам нужно, это выждать год”?

— Прозвучали.

— Разве с того момента они не становились чужими друг другу людьми, двумя независимыми и свободными гражданами?

— Становились.

— Разве я буду вправе высказать Юсуфу свое недовольство, если он вдруг поедет с женщиной в горы на автомобиле?

— Вне всяких сомнений — нет.

— Разве не мог Юсуф гордо ее отвергнуть, когда узнал о скандале, и больше не произносить ее имени?

— Мог.

— Разве не мог он вспомнить былые порядки и отомстить и ей, и тому человеку?

— Мог.

Значит, вместо этого он сам выбрал поведение, которое в голове не укладывается, и захотел снова вывести ее в общество как жену. В таком случае он своего добился».

Хотя не было никакой причины менять эти догадки и хотя она должна была даже немного радоваться несчастью Юсуфа, который ни с того, ни с сего поставил себя в такое затруднительное положение, Зулейха не могла усидеть на месте. Ей до безумия было жалко его.

Двое мужчин, думая в эту минуту, вероятно, совсем о другом, смотрели на море и курили, обсуждая виноградники Измира или работу uprawы.

Но все страхи Зулейхи воскресли вновь. Она никак не могла избавиться от подозрений, что тот человек унижает Юсуфа, смотрит на него как на человека низшего сорта, и понимала, что не сможет вынести, если кто-нибудь его обидит или что-нибудь ему сделает.

Было уже далеко за полночь. Успех оказался стопроцентным. Но Зулейха испугалась, как бы эти навязчивые мысли, которые она никак не могла выкинуть из головы, не привели ее в смятение и не испортили все в последний момент.

Часы пробили два. Шевкет-бей потер глаза и зевнул.

Зулейха резко встала.

— Мы скоро усыпим любимого дядюшку... — сказала она. — Нам пора.

И, не дав ему возможности возразить, позвала Юсуфа.

Когда они оказались на улице, мысль, что они наконец-то остались одни, вернула ей прежние радость и живость.

Только Юсуф в последнюю минуту допустил бестактность — пригласил дядю на следующий день посмотреть «Ташуджу».

Но радость и искренность первой встречи не уняли волнений старого дипломата. В этом приглашении, как и во всем, ему мерещились скрытые намерения.

На следующий день проснувшись поздно утром Зулейха обнаружила письмо от дяди.

Шевкет-бей сообщал, что вынужден уехать утренним экспрессом в Стамбул из-за внушающей ему опасения телеграммы от великого зятя султана, будто очень сожалеет, что не сумел посмотреть «Ташуджу», и приглашает племянницу приехать в Стамбул вместе с Юсуфом осенью.

Глава двадцать вторая

Врачи в измирской больнице не давали точных заключений о состоянии здоровья доктора. Осмотр показал, что у Эмин-бея слабое сердце и сам он тоже слаб. Кроме того, врачи поили его лекарствами и предложили соблюдать диету, чтобы снизить уровень мочевины, который нашли чрезмерным.

Хотя, конечно, неплохо, чтобы какое-то время доктор оставался в больнице, но большой необходимости в этом не было. Поскольку он остался один на всем белом свете, он мог, не слишком утомляясь, продолжить путешествие в это время года. Если вдруг в будущем случится что-нибудь непредвиденное, они могли быстро обратиться за помощью к любому доктору в любом порту.

Шли последние дни августа. Средиземное море, казалось, вот-вот закипит от жары. На «Тажуджу» невозможно было находиться. Моряки ходили разутые и непрерывно поливали палубу водой из ведер.

Найти прохладный уголок на берегу тоже не представлялось возможным, там нечем было дышать. В портовых городках, в которые они заезжали, в тени чахлых деревьев, стен и навесов от солнца, внутри опустевших лавочек лежали, раскинув руки и ноги, полуголые люди в позах павших во время уличных боев. Кучи водорослей на берегу, мусор на улицах, грязная и застоявшаяся вода полузасохших речушек, лавочки бакалейщика, мясника и небольшие закусочные наполняли воздух тяжелым запахом. Юсуф и Зулейха

торопились на корабль, порой даже не окончив осматривать традиционный рынок, муниципалитет и площадь перед ним, когда рядом было столько людей, которые смотрели на них, словно вопрошая, что они хотят тут найти, и тучи кружащих вокруг насекомых.

Юсуф, во время этого путешествия считавший себя ответственным за то, чтобы Зулейха не скучала, сказал:

— В это время года тут всегда не очень, знаю... Но в этот раз это просто неприятная случайность, невезение, мы попали в теплую волну...

Он приказал капитану плыть вперед без остановок, потому что они и так слишком опаздывали. Но «Ташуджу», предельная скорость хода которого составляла девять миль, хотя и шел на всех парях, казалось, стоял на одном месте в бескрайнем море, будто увязнув в жидком металле.

Только несколько часов вечером приносили небольшое облегчение.

Когда солнце начинало садиться, на море тоже появлялось легкое зарево. Было видно, как легкий ветерок, дувший прямо над водой, так низко, что его не чувствовалось на палубе, открывает в бескрайних морских просторах еле заметные дорожки, похожие на тропинки в степях. Потом во время самого заката пространство между этими дорожками золотилось цветом пашен, на которых скошены посевы, от теней возникали образы, похожие на края канав, ям от высохших селевых потоков, сады, ограды и грядки. Когда-то на Мраморном море Зулейха видела, как море принимает вид таких вот равнин и полей и как берег с садами из тени и тумана движется прямо на пароход. Но только здесь она в первый раз в жизни стала свидетельницей того, как цвета воплощаются в формы отчетливых и устойчивых видов суши. Даже Юсуф, который не отличался богатым воображением, как-то вечером сказал:

— Мы плывем сквозь миражи... Обычно в пустыне земля водой кажется, а тут, наоборот, вода кажется сухой...

Но когда наступала ночь, духота наваливалась вновь, удушливый туман окутывал пароход. Хотя через открытую дверь было слышно, как в салоне, не переставая, жужжат два вентилятора, Зулейха не могла усидеть в каюте, ворочалась в кровати, как бьется выброшенная на берег крупная рыба, и, не выдержав, бросалась наверх.

Юсуф нашел выход из положения: немного переделав навес на палубе, он превратил его в своего рода спальню для жены. Сам же он не терпел, чтобы к его телу прикасалось что-либо из шерсти или из хлопка и спал без рубашки на разостланной на палубе циновке. Когда Зулейха выговаривала ему за это, он только отшучивался:

— Ну, о чем вы говорите... Не бойся я вас разволновать, вообще бы спал, облив себя с ног до головы морской водой...

Зулейха почти заболела. Она перестала есть и пить. Боясь, что выйдут напрасные споры, если Юсуф это заметит, часть еды она у него на виду силой скармливала Малышу Халилю.

Малыш Халиль под защитой Зулейхи немного распоясался и, почувствовав себя в несколько привилегированном положении на корабле, выдумал потеху.

По ночам он привязывал веревку к одной из железных деталей на борту, к веревке большую корзину для провианта и в этой корзине спускался в воду. Вся команда сбегалась к краю судна, и так приятно пролетали пятнадцать-двадцать минут.

Как-то ночью капитан с деревянной ногой разолился на врунишку и со словами: «Я и без того уже от твоей болтовни устал, вот и выкручивайся теперь как знаешь», — сделал вид, что хочет ножом перерезать веревку и тем самым заставил Халиля кричать и слезно умолять его этого не делать.

Среди тех, кто смялся над этими шалостями, не хватало только доктора. Бедняга уже несколько дней был так плох, что не выходил из каюты. Юсуф списывал это на жару, которая и здоровых-то людей приводит в жал-

кое состояние, и на сильные измирские лекарства, а потому не сильно беспокоился. Давать лекарства перестали, но вот с жарой поделаться было нечего.

Как-то раз Зулейха захотела навестить доктора в каюте. Доктор в белом грязном энтари* сидел, скрючившись, на кровати. Голову он снова положил на грудку сваленных подушек, как на подставку для книг. У него отросла щетина, впалые щеки начали покрываться жидкой седой бородой.

Когда он узнал голос Зулейхи, то поднял голову и улыбнулся.

— Зачем вы тревожитесь из-за меня, дитя мое? Здесь очень жарко... Идите-ка проветритесь... А мне как полегчает, так тоже к вам выйду...

Зулейха старалась скрыть огорчение, придать лицу радостный вид и присела на край койки у него в ногах. Одна нога больного свесилась с кровати. Зулейха не могла отвести взгляд от этой казавшейся опухшей ноги. На небольшом трехногом столике рядом со стаканом воды и кульком лимонного сахара лежали подаренные Зулейхой амбровые четки.

Доктор вдруг взял эти четки и, дрожа, начал их целовать и подносить к лицу.

Зулейха по неестественно блестящим глазам и лихорадочным движениям доктора почувствовала, что у него припадок.

— Эфенди, вам нехорошо? Вам что-нибудь нужно?

— Спасибо вам большое... Вы мне подарили эти четки... Благодарю... О, эти четки... Как хорошо, что вы мне их подарили...

У доктора заплетался язык, глаза начали косить. Старик вытянул руки над подушками и, схватив Зулейху за руки, делал движения, будто хочет их расцеловать.

— Ох, как же вы хорошо сделали, что подарили их мне...

---

* Энтари — халат длинного свободного кроя, который носят поверх одежды мужчины в мусульманских странах.

Зулейха улыбнулась, желая своим спокойным взглядом и видом успокоить доктора:

— Эфенди, почему вы так говорите? Что случилось?

Доктор огляделся по сторонам и, вытягивая шею с видом, будто хочет сохранить страшную тайну, зашептал:

— Не знаете вы, дитя мое, не знаете... Эти четки непростые... Когда я засыпаю, положив их под подушку...

Зулейха заговорила тем же спокойным голосом, хотя начала ощущать беспричинный страх:

— Что происходит, когда вы спите, положив четки под подушку?

— Я вижу во сне Пророка... В длинной черной джуббе*, с черной бородой... Он склоняется надо мной и целует благоуханными устами...

Когда он это говорил, из прищуренных глаз его потекли слезы, щеки стали мокрыми.

Зулейха вспомнила, как однажды вечером, когда они разговаривали с Эмин-беем, он сокрушался, что уже давно утратил веру, не интересовался Аллахом и Пророком.

Все было ясно. Когда доктор клал голову на подушку и в состоянии между сном и бодрствованием все мутилось в его голове, запах амбры проникал через вату подушки и рождал в его больном сознании эти видения.

В этот день Зулейха вышла из каюты доктора с плохим предчувствием и не нашла в себе смелости войти туда еще раз. Она, казалось, приняла на веру слова Юсуфа, который уверял, что доктор идет на поправку, и больше его не расспрашивала.

Средиземное море было все в той же жаркой волне. «Ташуджу» двигался вперед, больше никуда не заплывая. Зулейха узнавала о том, где они находятся и что за место в той стороне, где виднелся, словно дымок, берег, от Юсуфа или от Малыша Халиля.

---

* Джубба — плащ.

Глава двадцать третья

Однажды утром Зулейха проснулась в постели на палубе с ощущением странной тишины и неподвижности вокруг. Пароход остановился. С места, где лежала, Зулейха приподняла край навеса и в сумерках увидела еще не погасший сигнальный огонек на берегу у маленького поселка. Метрах в ста впереди виднелось что-то черное. Зулейха присмотрелась и различила в темноте маленькую лодку с «Ташуджу».

Юсуф ничего не сказал прошлым вечером, хотя всегда предупреждал, если они готовились заплыть в порт. Было странным, что лодка отправилась на берег в такой час. Это, должно быть, связано с проблемами, которые понять невозможно, — проблемы в гавани с карантинным пропуском.

Зулейха закрыла штору и, перевернувшись на кровати на другой бок, попробовала снова заснуть. Но лодка все никак не шла у нее из головы. После безуспешных попыток уснуть в течение десяти минут Зулейха вдруг решительно поднялась, завернулась в манто, которое лежало рядом на плетеном кресле, и вышла наружу.

На капитанском мостике Малыш Халиль разговаривал с бородатым матросом. Маленький юнга стоял к Зулейхе спиной, а потому ее не заметил. Но, услышав, как ему что-то взволнованно сказал бородач, повернул голову.

Зулейха жестом подозвала его к себе.

— Халиль, где мы?

— В Фетхие, госпожа...

- Почему мы стоим?
- Клянусь Аллахом, не знаю.

Было понятно, что Халиль говорит неправду. Зулейха продолжила его расспрашивать.

— Чуть раньше наша лодка поплыла к берегу... Почему?

— Юсуф-бей на ней поехал, госпожа...

— Юсуф-бей? В такое время? Но зачем? А кто был с ним?

— Гребцы...

— Кто еще?

— Еще господин доктор...

— Доктор тоже уплыл?

Халиль наконец понял, что ему придется сказать правду.

— Вчера ночью доктору стало совсем плохо... Он совсем разболелся после того, как вы легли. Юсуф-бей до самого утра не спал, сидел рядом с ним.

— А ты к ним подходил?

— Он сначала просил принести то да это... А потом сказал: «Больному лучше... и вы ложитесь», — и отправил нас спать...

— А где капитан?

— Не знаю, в своей каюте...

— Хорошо, а куда тогда повезли доктора?

— В больницу повезли...

— Он мог идти?

— Юсуф-бей спустил его в лодку на руках... В нем всего-то всего ничего...

— Он был одет?

— Поверх энтари было накинуто пальто... Доктор-бей...

Зулейха вдруг раздраженно сказала:

— Халиль, ты все говоришь вокруг да около... Доктор-бей не умер?

Халиль всегда напускал на себя безразличный вид, если вдруг ему случалось что-то скрывать.

Но на этот раз маленький юнга с простотой, которая не поддавалась сомнению, ответил:

— Клянусь Аллахом... Да пусть я брата своего больше никогда не увижу, если вру...

Объяснения Халиля Зулейха закончила собственными догадками.

Понятно, что доктору стало очень плохо ночью... Юсуф разволновался и направил пароход к ближайшей пристани, чтобы отправить его в больницу.

Эта мысль ее, казалось, удовлетворила. Этим утром в воздухе почему-то чувствовалась прохлада. Зулейха стояла на палубе, облокотившись о борт, и смотрела на поселок на берегу. Когда ей это надоело, она спустилась вниз, долго умывалась и одевалась. Потом снова вышла на палубу и села за поднос с завтраком, который принес ей Малыш Халиль. Вода вокруг была неглубокой и прозрачной, рядом с бортом судна кишели стайки только вылупившихся из икринок рыбешек. Какое-то время Зулейха развлекала себя тем, что скармливала рыбкам остатки завтрака, потом еще раз спустилась вниз, уложила вещи и чемоданы.

Проходили часы, а лодка с «Ташуджу» все не возвращалась. Никогда еще пароход не казался ей таким скучным и безжизненным. В таком состоянии она подумала, что их путешествие действительно затянулось, и стала подсчитывать, когда они достигнут Силифке.

Наконец Зулейха легла на спину на канапе в салоне внизу, захотела почитать книжку, да так и заснула.

Глава двадцать четвертая

Когда Зулейха снова проснулась и вышла на палубу, ее взору предстало необычное зрелище. Матросы, которые раньше всегда расхаживали на борту босиком и в неопрятной одежде, нарядились в новое платье и были в фуражках.

Двое из них спустились в привязанную к трапу лодку. Остальные выстроились на противоположной палубе под капитанским мостиком.

Малыш Халиль присел на корточки и щеткой начищал брюки капитана с деревянной ногой. Они тоже оделись по-другому. Зулейха раньше такими их никогда не видела.

На капитане была черная униформа и фуражка с золотыми галунами. В руке блестела трость с серебряной рукояткой, в начищенных до зеркального блеска ботинках отражались лучи полуденного солнца. На Халиле была матроска явно с чужого плеча, потому что она была ему велика и оттого висела мешком, рукава — закатаны.

Хотя казалось, что Зулейху никто не замечает, не успела она показаться на палубе, как все встали на свои места. Капитан отошел от Малыша Халиля и, опираясь на трость, прошел по навесным мосткам на палубу, остановился перед Зулейхой и поздоровался.

Хотя он и пытался придать своему лицу официальное выражение, было件нятно, что он крайне огорчен и не находит, что сказать. Зулейха повела себя так же как чуть раньше:

— Капитан-бей, мы потеряли нашего бедного доктора, да?

Капитан снова ничего не ответил. Только показал рукой на флаг на корабле. Зулейха сначала не поняла, в чем дело, но чуть погодя заметила, что флаг — приспущен.

Капитан с таким видом, будто устыдился собственной слабости, нахмурил брови и вытер платком нос и усы:

— Да ниспошлёт Аллах долгую жизнь всем ныне живущим... Состарился человек, что поделать...

— Юсуф-бей там?

— Да.

— Вы сейчас все направляетесь на похороны?

— Да, полчаса назад во время полуденной молитвы я отправил часть ребят. А теперь, с вашего позволения, тоже поеду... Но к двум часам мы точно все вернемся. Вот только Халиль уж очень просил... Но тут сказать нечего, это все чувствительность... Я не знаю, у вас будут какие-нибудь поручения...

Зулейха немного подумала, а потом сказала:

— Ну, ехать, конечно. Я только попрошу вас подождать меня минут десять.

Капитан сначала не понял и переспросил:

— Так что вы будете делать?

— Вы возьмете меня с собой.

— Вас? Как же так?

— А я разве не друг?

Капитан настороженно улыбнулся:

— Конечно... Да пошлет Аллах вам долгих лет жизни... Но я не знаю, что на это скажет Юсуф-бей...

— Вы хотите сказать, он не позволит?

— Нет, Аллах свидетель. Нет... Он просто не хочет, чтобы вы расстраивались. В любом случае было бы лучше, если бы вы остались... Мы сами займемся погребальной церемонией.

— Значит, вы говорите о чувствительности, используете такие красивые и человеческие слова. Конечно, настоящий капитан судна, начальник, это вы. Но все же

вы не вправе запрещать мне то, что позволили Малышу Халилю.

Говоря это, Зулейха слегка коснулась руки капитана, которой тот опирался о серебряную рукоять трости. Этот жест иногда проскальзывал у нее, когда они разговаривали с доктором. Они оба об этом вспомнили и вдруг заулыбались. Но в глазах стояли слезы, поэтому они поняли, что если еще хоть немного так простоят рядом, то случится страшное. Зулейха быстро спустилась по трапу, а капитан вернулся на свое место, еще раз бросив взгляд на приспущенный флаг.

Зулейха была готова через десять минут. Черного платья у нее не нашлось, поэтому она надела платье густого темно-синего цвета, а на шею повязала черный платок, потому что ворот был уж очень вычурным.

Капитан приказал морякам снова выйти из лодки на палубу. Несмотря на большую ногу, он захотел собственноручно спустить Зулейху с трапа «Ташуджу», но конец его трости попал как раз между ступенями. Еще немного, и он бы прямо в униформе и фуражке рыбкой полетел в море. Хорошо, что какой-то молодой матрос вовремя обхватил его за талию и предупредил опасность.

Капитан не захотел брать в лодку никого кроме двух гребцов и Малыша Халиля.

Зулейха этому воспротивилась:

— Почему? Поплыли все вместе, так будет лучше.

Но капитан отказался. Лодка оказалась слишком маленькой. За оставшимися нужно было совершить еще пару ходок.

Капитан сам не мог понять, почему его так потрясла смерть бедняги доктора. Говорил, что тот был очень стар. За ним некому было ухаживать. Денег тоже у него не оказалось. В какой-то степени смерть стала для него благом. И о достойных похоронах тоже позаботились... Его товарищи не посчитали это обременительным.

Зулейха свесила руку с лодки и, опустив пальцы в воду, думала. Старость! Разве именно об этом стоило сожалеть? Смерть в молодости — это своего рода случай-

ность. Такие смерти происходят из-за невезения или в результате роковых совпадений. Однако их можно предотвратить. Но для других, для стариков смерть — как срок заключения, без надежды. Только безысходность. Вся горечь состоит именно в этом.

Но все это не те вещи, о которых можно было говорить с капитаном, и потому Зулейха молчала и только наблюдала, как вода сочится сквозь пальцы. Впрочем, может быть, в основном капитан оказался прав. Он смотрел на жизнь и смерть как нормальный человек из народа. В любом случае было приятно представлять себе и принимать то, что человек, достигший пятидесяти, шестидесяти или даже восьмидесяти лет, всем доволен и что ему больше не о чем мечтать.

***

Маленький старичок в черных очках и клетчатой шерстяной кепке, сшитой из той же ткани, что и его сюртук с длинными рукавами, провел капитана и Зулейху через рынок, узенькие улочки и лавочки с закрытыми ставнями. И наконец впихнул в небольшое помещение, похожее на то, где обычно находится служитель мечети, определяющий время намаза.

Внутри на скамье без спинки из кофейни сидел Юсуф и разговаривал с несколькими людьми в бедных одеждах. Когда он, повернув голову, увидел Зулейху, то радостно вскочил с места и подошел к ней.

Но обратился к ней хмуро, будто находя радость совершенно неуместной.

— Зачем вы приехали?

— А почему мне не приехать?

— Вам будет не по себе... Сильно загрузите. Перед тем как уйти, я велел, чтоб вам ничего даже не говорили.

— Ваше приказание исполнили, но когда я увидела их сборы, то все поняла.

— Лучше бы вам остаться на пароходе. Неразумно вы поступили...

Когда Юсуф это говорил, в его взгляде чувствовался укор.

Но вместе с тем он не мог скрыть, что ему приятно видеть Зулейху тут, рядом с собой. И, наверное, первый раз с того момента, когда они отплыли из Стамбула, не отпускал руку жены.

Зулейха, не говоря ни слова, опустила глаза. Она увидела ночь, когда умер отец, увидела себя, бросившуюся в объятия Юсуфа, у которого от рыданий сотрясилось все тело. Подобное случилось у мужа впервые. Эта ночь стала первой и последней за годы их многолетней супружеской жизни, когда они в чем-то были единомышленны. Казалось, что сейчас в руке, сжимавшей ее руку, она чувствовала остаток того теплого чувства.

Было не известно, что с ними станет. Но она чувствовала, что случись день или ночь, когда она станет страдать от потери любого человека, которого любила, она будет искать присутствия этого мужчины. Неужели эти узы, что неразделимо связывают жен и мужей и некоторых людей, несмотря на все разногласия, — результат такого рода мелких привычек?

Зулейха не сдержалась и зарыдала. Юсуф подумал, что эти слезы только из-за доктора. Но сам Юсуф не мог обнаружить свою слабость и сразу принял непроницаемый вид:

— Не плачьте, ну что вы... Все умирают, — сказал он и добавил уже знакомое ей от других и от капитана утешение. — Он был очень старый...

Люди, с которыми чуть раньше разговаривал Юсуф, ждали стоя. Юсуф представил им Зулейху, сказав «это мой друг», и пояснил: — «Она очень любила покойного, не выдержала, приехала на похороны».

Старик в кепке счел это за оправдание:

— Неважно... Женщина, мужчина, все одно... Местные немного могут сделать... На похороны здесь иногда приходят женщины из семей служащих...

Юсуф представил жене одного из стариков в помещении:

— Прежний муфтий-эфенди...

Оказалось, что ее муж и муфтий, с которым он чуть раньше беседовал, старые друзья. Точнее, муфтий даже

не его друг, а друг еще его отца. Много-много лет назад, когда самого Юсуфа еще и на свете не было, муфтий-эфенди познакомился в Силифке с его отцом. Юсуф находил такие отношения гораздо более крепкими, чем дружбу только с собой, и потому, когда разговаривал со стариком, его глаза постоянно увлажнялись от нежности. Муфтий, несмотря на жару, приготовил чай. Зулейха приняла его угощение, потому что почувствовала, что это будет приятно Юсуфу. Она села на небольшой стульчик и выпила маленький стакан чаю.

Юсуф часто поднимался с места, подходил к дверям и разговаривал с группой стоявших там людей, тихим голосом отдавая им приказания.

В какой-то момент встретившись взглядом с мужем, Зулейха спросила:

— Мы разве не поедem в больницу?

Юсуф удивленно раскрыл глаза:

— В какую больницу? — Потом вспомнил: — Ах да, я вам велел так сказать... Но когда мы приехали сюда, нам уже нечего было делать в больнице. Если хотите, посмотрим... Тут рядышком...

Он провел Зулейху через узкий проход между двумя высокими стенами, камни которых поросли мхом, ввел во двор через вход в виде арки. Там на камне, обернутый чем-то вроде шали из выцветшего персидского ситца, стоял гроб.

Во дворе не было никого кроме малыша лет трех-четырёх, который играл с черной бездомной собакой.

Зулейха, будто не отваживаясь идти дальше, остановилась в проходе.

— Все готово, ждем дневного намаза... — сказал Юсуф. — Вы точно пойдете на кладбище?

— А что в этом такого?

— Ничего... Просто, чтобы вам не пожалеть потом... Особенно, потому что вы к таким церемониям не привыкли.

— Мне нужно увидеть покойного. Вы сказали «когда мы приехали сюда, нам уже нечего было делать в больнице». Он скончался, пока вы ехали?

Чуть поколебавшись, Юсуф признался:

— Нет... Еще раньше... На пароходе... Чуть после полуночи...

— Малыш Халиль меня обманул...

— Он не обманывал. Он и сам не знал. Ни один человек на борту об этом не знал... Кроме капитана, конечно...

— Почему?

— Недобрый это знак для моряков... Доктор умер у меня на руках. Отошел очень легко и тихо... К чему было панику поднимать. Я сказал, что он заснул, и отправил ребят спать. Просидел с ним до рассвета. Потом завернул беднягу в пальто и на руках спустил в лодку. Гребцы заметили, что он мертв, только когда мы уже сходили на берег...

Провести всю ночь наедине с покойным, дожидаться утра, а потом, как больного ребенка, завернув в пальто, везти на руках!

Нельзя было не восхищаться тем, как достойно этот человек держал себя в горе, тому, как проявлялись его преданность и любовь.

Мужчины, которых называют стойкими и сильными, — люди такие, как он.

Чуть позже прозвучал призыв к молитве. На площади у мечети собрался народ. Юсуф обратился ко многим и в итоге ему удалось собрать нескольких школьников и около двадцати мужчин. Моряки с «Ташуджу» перенесли гроб на камень для обряда отпевания умершего во дворе мечети. Впереди шел капитан с деревянной ногой в расшитой золотом фуражке и с тростью с серебряной рукояткой. К этому моменту уже подоспел флаг, который Юсуф заказал у портного. Но накинуть его поверх покрывала, которое было на гробе до этого, никак не удавалось, поэтому Зулейха вышла вперед и помогла.

***

Зулейха заметила, как Юсуф все время о чем-то беседовал со стариком с всклокоченной седой бородой и в черном пальто. Потом на кладбище разыгралась

комичная сцена. Когда покойного уже закапывали, этот старик примкнул к тем, кто лопатами сбрасывал землю. Но из-за того, что был очень старым и слабым, ему с трудом удавалось вытянуть лопату из сырой земли. Он всем телом налегал на нее, а потом что есть мочи дергал обратно. Когда он в очередной раз потянул лопату на себя, она вдруг выскочила из земли, и старик опрокинулся на спину так, что ноги поднялись кверху.

Среди прихожан раздалась смешки, даже несмотря на то, что в противоположном конце мечети бородатый слепой проникновенным голосом читал Коран. Юсуф быстро поднялся, чтобы помочь бедняге встать, шагнул вперед, поднял его кепку и надел старику на голову. Но даже он не смог удержаться от смеха.

Только в это мгновение Зулейха заметила, что пальто и кепка, что были на старике, раньше принадлежали доктору.

Когда потом они вышли из толпы и уже в одиночестве шли по улицам городка, Зулейха, заметив, что старик плетется следом, спросила:

— А кто этот бедняга?

— Разве мало на свете горемык? Старик с Крита. В свое время на родине был вполне себе человеком. Как и у нашего бедного доктора, у него несколько месяцев назад умер сын и он остался без крова... Ему времянами помогал муфтий, но если вы его послушаете, то и он с трудом семью кормит, беднота... Стараясь не сильно задеть его самолюбие, я дал ему поручение, а за его выполнение десять пар... Он не очень-то подходил для этой работы, но старался для нас, упал, шишек себе набил, что еще ему сделать?

Юсуф снова рассмеялся, вспомнив происшествие во время погребальной церемонии. Сцена действительно получилась забавной. Но на этот раз он уже не смог сдержаться и расхохотался во весь голос, заставляя оборачиваться прохожих.

— А почему он идет за нами?

— Он посчитал чрезмерной оказанную ему милость. И, наверное, чтобы выказать свою благодарность, проводит нас прямо до лодки.

— А в чем состоит милость?

— Наследство, доставшееся ему от доктора — пальто да кепка... Были еще энтари и рубаха, но он их, наверное, где-то оставил. Но и их вполне можно носить.

Зулейха остановилась. Потом, как ребенок, помавав рукой, позвала старика:

— Подойдите к нам!

— Баба-эфенди, тебя зовут... Тут все зовут его «Баба-эфенди»...

Старичок неуверенно подошел. Зулейха спросила:

— Вы не ушиблись, когда упали?

У Баба-эфенди было приятное лицо. Он принялся смеяться вместе с ними. С одной стороны, он уверял, что ему было совершенно не больно, но потом повернулся затылком и, раздвинув длинные белые пряди волос, показал огромную шишку.

— Не больно, но испугался порядком...

— Из-за чего?

— Да головой стукнулся о крышку гроба... Не умер еще, а чуть сам в гроб не лег!

По манере разговора стало ясно, что старик был шутник. «О крышку» он произносил как «о крыску», «ещё» как «есё».

И в то же время он был очень воспитанным. Отказался идти рядом, как предложила ему Зулейха, и шел сзади. А когда к нему обращались, все запахивал полы пальто, чтобы скрыть ветхую одежду под ним.

Они дошли до пристани.

— Всего вам хорошего, Баба-эфенди.... — сказала Зулейха, пожимая ему руку: — Я только хочу у вас спросить... Мне вдруг интересно стало. У вас такие зубы белые... Они у вас вставные?

Критянин улыбнулся:

— Хоросо би так, ханум-эфенди, я би их продал усе давно, а на деньги поесть би купил...

Ответ старичка вновь всех рассмешил. Зулейха обратилась к мужу:

— Может, нам отдать Баба-эфенди и остальные вещи доктора?

Юсуф покачал головой:

— Не получится... Прежде чем раздать, сначала мы обязаны представить их властям, чтоб все было по закону.

— В таком случае, если позволите, я тоже сделаю маленький подарок...

Но кроме денег давать больше было нечего. Несмотря на крайнюю нужду, старик ну никак не походил на нищего, поэтому Зулейха стеснялась вытянуть руку из сумки.

Когда пришел момент расставаться, Зулейха вдруг сказала:

— А ну-ка, Баба-эфенди, поплыли-ка с нами.

Старик подумал, широко улыбнулся на эту шутку, которую и в мечтах себе представить не мог:

— Ну, поплили...

— Вы не пожалеете, что уедете отсюда?

Старичок снова улыбнулся и пожал плечами:

— А караван-сарай, детисек да бани мы на кого оставим?

На этот раз вмешался Юсуф и сказал Зулейхе:

— Вы знаете... Я думал на полном серьезе о том, о чем вы сказали в шутку. Мне кажется, он прекрасно поладит с остальными обитателями особняка...

У Зулейхи сердце застучало в груди, глаза блестели. Долго препираться с Баба-эфенди не пришлось. Он даже не спрашивал, куда они едут, этот старичок с всклокоченными волосами и бородой, был готов следовать за ними, словно огромная пастушья собака, вдруг оставшаяся без хозяина.

Юсуф не сомневался, что это событие обрадует всех на «Ташуджу» и поможет преодолеть то невеселое настроение, которое установилось на нем в последние дни.

Старику оказалось нечего больше здесь делать, вещей у него тоже не было. Он лишь сказал кому-то на пристани, по виду носильщику:

— Сынок... Я уезжаю... Передавай поклон моим знакомым... Я им больше ничего не должен...

Это значило, что все дела были закончены. Но когда старик, произнося «бисмилля»*, подобрав полы пальто, поднимался в лодку, Зулейха рассмеялась:

— Но только одно условие, вы не подниметесь на борт в этом пальто и кепке... Я подыщу вам что-нибудь на пароходе.

---

* Бисмилля — «Во имя Аллаха (всемилоственного и милосердного)» — слова, произносимые мусульманами перед началом какого-либо дела.

Глава двадцать пятая

Смерть доктора не навела страх и тоску на «Ташуджу».

Всего несколько ночей не звучали музыкальные трели музыканта с Сакыза, а команда рано расходилась спать.

Баба-эфенди, как был в пальто доктора, в таком же виде залез и в постель в каюте и крепко заснул. Каюта эта на самом деле предназначалась помощнику капитана. Только из-за уважения к Юсуфу в этот раз ее передали в пользование доктору. Старик в своем нынешнем социальном положении не мог в нее даже заглядывать. Но помощник капитана боялся переселиться в каюту, где недавно умер человек, и потому по собственному желанию отдал ее старому критянину.

Баба-эфенди оказалось столько лет, что он мог по возрасту быть отцом доктора. Но тело его было таким же здоровым, как и его зубы. Облачившись в брюки Юсуфа и его же спортивную рубашку без рукавов с глубоким воротом, он бродил по пароходу, словно оставленная без присмотра овчарка, и во все совал свой нос.

У Баба-эфенди были все повадки деревбя. Не прошло и двух дней, как он стал лезть во все, что происходило на борту «Ташуджу». Он придирался ко всем и всему: и как кок чистит картошку, и как капитан отдает приказания.

Но все приступы злости команды он сразу же оборачивал в шутку. Да к тому же он давно вышел из того возраста, когда на него можно было сердиться, а потому

все относились к нему снисходительно, даже по-своему полюбили.

У Баба-эфенди был зычный и резкий голос, не понятно как исходящий из его старческой груди. После еды голос его становился еще громче, и всех на борту страшно смешило, когда какой-нибудь хулиган из команды незаметно задавал ему вопрос. А ответ, произнесенный, как он думал, шепотом, разносился по всей палубе, словно из трубы.

И потом он на особый лад и с особым греческим выговором читал мавалид*, что занимало не только всю команду, но и Юсуфа, а потому повторялось каждую ночь.

Но много можно было сказать и о недостатках Баба-эфенди. Раз начав говорить, он уже не мог остановиться и одинаково выговаривал каждому, кто выступал за то, чтобы продолжить историю по-другому.

Но вместе с тем старичок был понятливым и учтивым. И хотя Зулейха к нему очень благоволила, его это не избаловало. Он никогда не забирался на кормовую палубу, которую считал местом запретным. А если случалось, что кто-нибудь из команды часто туда ходил по необходимости, он начинал выговаривать: «И сто ты там забыл, а, сынок? Это сто, хлев тебе? Не видис, сто жина там?»

Еще более странным казалось то, что когда Зулейха что-нибудь хотела ему сказать или передать и подзывала к себе, то с видом крайне вежливым Баба-эфенди говорил:

— Извините, Ханум-эфенди, пожалуйста к нам сюда, — и приглашал ее на палубу под капитанским мостиком.

Юсуф точно подметил интересную вещь.

— «Ташуджу» — просто пароход переселенцев с островов, — приговаривал он, — от Мидилли до Кипра, с каждого острова по человеку есть... Только с Крита не хватало, а теперь — полный набор.

---

* Мавалид (мн. от ар. мавлид) — мусульманские поэмы о рождении пророка Мухаммеда.

Но Баба-эфенди не останавливался на том, чтобы только представлять на корабле Крит. Он пытался доказать, что Крит лучше других островов, показать его господство, говоря фразы вроде: «Да хватит вам, невежи... Их и островами-то не назовешь», сеял раздор на корабле.

Вот только хотя память у него была столь же блестящая, как и его зубы, и он во всех подробностях рассказывал о приключениях полковника Васоса* и детстве Венизелоса**, сейчас он все никак не мог запомнить, куда и зачем они плывут на этом незнакомом ему пароходе, и временами спрашивал Зулейху:

— Скасите, посалуйста, Ханум-эфенди, а куда мы направляемся?.. И где се озеро? И я там сить буду?

Зулейха просто поражалась той беззаботности, с которой этот старик после минутных размышлений увязался за людьми, о которых не знал, ни кто они, ни куда направляются, и не думал о том, где ему придется умирать, если его высадят на полпути. На самом деле такому спокойствию можно было только позавидовать.

Однако стоило признать, что и она сама о том, куда они приедут и что ожидает их в будущем, знала не больше этого старика. Им оставалось плыть недолго. В тех местах побережья, что начинались за Мерсином, Финике***, и мысом Гелидонья, на пристанях, на которые они снова иногда выходили с Юсуфом, проглядывали свойственные Гельюзю цвета и запахи.

Да, их путешествие подходило к концу. Через несколько дней придется наконец снова встречаться с людьми, противостоять течению жизни, к которой,

---

* Полковник Васос — руководитель экспедиционного корпуса на Крите в 1897 г.

** Венизелос — греческий политик, родился на Крите, был инициатором критского революционного движения и восстания, в результате которого Крит, находившийся под турецкой оккупацией, получил автономию.

*** Финике — город на побережье Средиземного моря в 80 километрах западнее Анталии.

как она предполагала в эти часы, она будет совершенно не приспособлена.

Пропало то состояние приятного покоя, которое, казалось, исходило от безлюдности морских просторов. Уже сейчас она видела лица людей, встречающих ее в Силифке, и в первую очередь свою свекровь. Сердце Зулейхи начинало учащенно биться, и у нее темнело в глазах.

Глава двадцать шестая

И снова «Ташуджу» накрыла волна полуденного зноя и духоты.

После Антальи пароход вышел из открытого моря, повернулся носом в сторону суши и, обогнув скалистый мыс, остановился посреди бухты. Странно было, что в окружавшей бухту зелени не виднелись ни домики, ни что-либо похожее на деревушку.

Юсуф подошел к жене, которая уже много часов подряд лежала на шезлонге на палубе, и спросил:

— Вы спите?

Зулейха поднялась.

— Нет, — сказала она. — Я смотрю по сторонам.

— Не спросите, почему мы остановились рядом с пустынным берегом?

— Сегодня так жарко, что я поглупела от жары и даже не задумалась над этим. Очередной сюрприз, я думаю?

— Что-то вроде того... Мы теперь заплыли в морские границы нашего вилайета... Стали неподалеку от мыса Анамур. Завтра, если посчастливится, будем уже в Ташуджу... Так что сегодня — последний день нашего плавания. И в качестве прощального номера программы я хотел вам предложить отдохнуть на пляже. Вам очень понравилось тогда в Дикили... Я вам покажу, что и у нас есть пляжи ничуть не хуже.

Зулейха рассмеялась:

— Соперничество вилайетов?

— И мне кажется, что вам сегодня немного нездоровится... А сейчас искупаетесь в этой прекрасной бухте, и от недомогания не останется и следа.

Чуть спустя лодка с «Ташуджу» высадила Юсуфа и Зулейху на берег рядом с рощей рожковых деревьев. Когда они ступили на сушу, Зулейха сказала, что ей бы очень хотелось прогуляться среди деревьев.

— Что-то меня немножко укачало... Ни разу еще такого не было. Мне даже не столько вода нужна, сколько тень, — говорила Зулейха и то и дело присаживалась под деревья и, горстями захватывая землю, вдыхала ее запах.

— Ну конечно... — сказал Юсуф. — Сегодня уже двадцать восьмой день нашего путешествия. Можно сказать, половина кругосветного... Вам, наверное, уже надоело...

Зулейха испугалась, как бы Юсуф не обиделся, и, смеясь, сказала:

— Нет-нет, что вы... Я никогда ничего плохого не скажу об этом путешествии. Никогда не забуду «Ташуджу».

Они думали, что находятся в роще совершенно одни, но тут заметили заходивших туда двух маленьких девочек. Юсуф и Зулейха последовали за ними и вышли на бахчу с арбузами. Старик критянин, похожий на Баба-эфенди, пригласил их в уютную растениями беседку рядом с колодцем и, вознося хвалы и молитвы, разрезал арбузы.

Юсуф сегодня взял фотоаппарат.

Зулейха подозвала к себе двух девочек — внучек критянина — и немного попозировала. Потом, когда стало чуть прохладнее, они снова, прогуливаясь между деревьями, спустились к берегу моря.

Здесь берег не был огромным песчаным пляжем, как в Дикили.

Когда здесь, на Средиземном море, при южном ветре разыгрывались штормы, накатывавшие на берег волны ломали скалы: там виднелся небольшой остров, из которого до сих пор торчали корни деревьев, в другом месте вода проточила огромную полость у подножия скалы, еще дальше валялись груды каменных обломков, похожих на остатки пароходной пристани.

Роща рожковых деревьев, окружавшая залив, местами спускалась к самому берегу и нависала над морем с краев отвесных и голых плато, которые издалека походили на бетонные уступы на склонах.

Юсуф после того, как долго ходил туда-сюда, будто выполняя важную работу, наконец выбрал место для купания Зулейхи. Сюда же он принес в небольшой сумке красный купальник, купленный в Айвалыке. Тут Юсуф с прискорбием сообщил, что ему не удалось раздобыть что-либо, похожее на тапочки.

— Здесь все-таки дно каменистое, — сказал он. — Я тут прошелся, подумал, что можете ноги поранить... Может, мне сходить быстренько к этому садовнику-критянину? Вдруг у него найдется что-нибудь вроде тапок. Конечно, за деньги.

Это его простодушное предложение рассмешило Зулейху, и она сказала:

— А что случится? Мои ноги же не драгоценности, чтобы их и касаться нельзя было...

Говоря это, она встала на песок и, чтобы не осталось больше вопросов, начала снимать туфли и носки.

Юсуф оставил Зулейхе купальник и полотенце и произнес:

— Ну а теперь вы тут распоряжайтесь, как в Дикили... А я кое-что поищу. Интересно, смогу ли найти зрелых стручков?

Это был предлог, чтобы на время купания оставить жену одну и предоставить ей полную свободу действий.

Зулейха еще не забыла прелесть и спокойствие часов, что она провела, сидя на песке на мелководе в Дикили. Но тут ей сесть в воду не удалось. Уже через десять-пятнадцать шагов море резко уходило вглубь, а на дне появлялись камни и водоросли.

Она прошла совсем немного и устала. Потом забралась на обломок скалы и спустила ноги в воду.

У подножия скалы лежала бутылка, похожая на бутылку из-под газировки. Зулейха задумалась, как она могла туда попасть. Потом вспомнила сказки, в которых рассказывалось о том, как люди, затерявшиеся

в морских просторах, засовывали в бутылки письма и бросали их в море. С детским любопытством она попробовала достать емкость, чтобы проверить, нет ли в ней чего-нибудь. В это время над песком образовалась легкая тень: мимо быстро проскользнула морская змея и исчезла под скалой.

Увидев ее, Зулейха вскрикнула и резким движением подняла ноги на скалу.

Она поняла, что больше не отважится спустить ноги в воду, и это ее раздражало.

Делать было нечего. Подождав немного, она позвала Юсуфа. Хорошо, что он ушел еще не слишком далеко. Он сразу же откликнулся и вышел на берег.

— Что случилось?

— Не спрашивайте... Тут змея... Я тут застряла.

— Бояться нечего... Это же морские змеи. Они не опасны.

— Может быть... Но это все нервы... Мне кажется, что если я опущу ногу в воду, то она обовьется вокруг меня.

Юсуф рассмеялся:

— Вы маленькую змейку просто в дракона какого-то превратили.

Зулейха от смущения начала привирать:

— Она вовсе не такая, как вы думаете, метра два длинной...

— Вам, наверное, показалось.

— Возможно... Но вам нужно мне подсказать, как отсюда выбраться.

— А тут умом не поможешь... Снова дяде стараться.

— Что вы сказали? Я не поняла.

— Я говорю, снова дяде стараться. Это такое выражение. Суть его такова: туда мне идти. Там мелко?

— Не знаю, местами глубоко, но в целом, кажется, мелко.

— Я смогу пройти, если высоко закатаю штанины? У меня ноги длинные.

Юсуф до голеней закатал штанины и вошел в воду. Но там оказалось глубже, чем сказала Зулейха. Юсуф

походил вправо-влево, чтобы найти место помельче, и тут провалился в яму по пояс.

Зулейха снова села на скалу, чтобы не стоять так близко к Юсуфу в одном купальнике.

— Случилось то, что случилось, — сказала Зулейха и не могла удержаться, чтобы не рассмеяться, глядя на то, как положение Юсуфа все ухудшается. — Дурно смеяться, конечно, когда и вы в таком трагическом положении, но это нервы... Только осторожнее. Если змея и к вам еще подплывает...

— Тогда я выскочу на скалу к вам. Подадим «Ташуджу» сигнал о помощи.

— А как мы поступим сейчас?

— Ну, конечно, змей нам тут не изловить и территорию не очистить... Сделаем так, как в Чанаккале. Вы снова сядете мне на плечи.

Зулейха выслушала план мужа и разозлилась. В Чанаккале она была в одежде, а не практически голая в какой-то тряпке размером с платок, прилипшей к телу. Сейчас было бы просто смешно, если бы она так же свесила ноги и ухватила за волосы Юсуфа. Но самым подходящим, наверное, было все-таки послушаться Юсуфа.

Она продолжила нервно смеяться.

— Вы подумали о том, что если я сяду вам на плечи, то ваша рубашка станет такой же, как ваши брюки?

— Теперь уже все равно. Хватит вам, я же не могу вас тут оставить... Все можно пережить.

Юсуф, словно носильщик, который собирается взвалить на себя груз, согнулся перед скалой и подставил жене спину.

Зулейха подумала, что удобнее ей будет устроиться по-другому, — сесть на плечо, а ноги свесить назад. Так она и сделала. Но в таком положении сложно было удержаться. Зулейха протянула правую руку ко лбу Юсуфа, а пальцы сцепила у него на затылке.

Несмотря на всю свою силу, Юсуфу с трудом удавалось удерживать равновесие. Вода доходила ему до бедер, и он спотыкался почти на каждом шагу.

Несколько раз он вместе с Зулейхой чуть не опрокинулся в море.

Зулейха тоже медленно начала сползать к его груди, ее сцепленные руки сначала опустились со лба ему на лицо, потом на подбородок, на шею.

И в какой-то момент случилось так, что Зулейха оказалась в положении обнаженной женщины, оказавшейся в объятиях крепкого мужчины, который в минуты сильного возбуждения прижимает ее к груди и готов растерзать.

Их подбородки соприкасались, руки сжимали друг друга с силой тетивы лука, груди тесно прижимались друг к другу.

В этот момент глаза Зулейхи оказались на уровне глаз Юсуфа, и она увидела в них желание и смятение.

Эта была случайность, которую себе сложно представить. Их тела вспомнили друг друга, руки сцепились в приступе страсти. Зулейха, вся дрожа, закрыла глаза. У нее перехватило дыхание от того, что Юсуф крепко прижимал ее к себе. Она ждала, приоткрыв губы.

Но проходили секунды, и того, что она ожидала, не происходило. Когда она снова открыла глаза, то увидела перед собой совершенно другого Юсуфа. Кровь отлила у него от лица, губы были сжаты...

Тяжело дыша, Юсуф опустил жену на землю. Потом стер со лба несколько крупных капель пота и прерывисто сказал:

— Вы совсем легкая... Но в воде идти тяжело.

После этих слов он оставил ее одну, чтобы она переоделась, и ушел.

Глава двадцать седьмая

Осень они провели в Гельюзю, а ближе к зиме переехали в дом в Силифке, окна и двери которого все еще были заколочены.

Внешне ничего не изменилось. Они вели ту же жизнь, что и раньше. Юсуф даже в ночь, когда отмечали годовщину Республики, устроил в особняке торжественный суннат* для детей бедных работников.

Сам он, казалось, был очень занят все эти месяцы. Рано утром уезжал в город или спускался на нижний этаж особняка и только поздно вечером возвращался к ужину.

Они привезли в особняк Баба-эфенди и поселили его в комнате на нижнем этаже.

Старый критянин и здесь вел себя так же по-хозяйски, как и на «Ташуджу».

Он выговаривал работникам, случалось даже, что судачил о Юсуфе, чем сильно пугал Зулейху.

Он считал, что все эти люди не умели работать, просто позорили особняк. Разве правильно было Юсуф-бею так их баловать? Он сам на Крите управлял особняками и побольше этого. На месте Юсуф-бея он бы всех горе-работников вышвырнул на улицу, а на их место взял других.

Каждое утро голос Баба-эфенди поднимал на ноги всех в особняке. Если он не находил, кого можно отчитать, то начинал бубнить перед курами и кошками.

---

* Суннат — традиционный для мусульман обряд обрезания.

Наверное, единственным человеком, который не страдал от этого шума, была Зулейха. Голос критянина почему-то напоминал ей звуки моря и тот период ее жизни, который она провела на «Ташуджу» в полном спокойствии и когда ждала неизвестных перемен.

Обитатели особняка с изумлением наблюдали, как Зулейха часто разговаривала с этим человеком, звала по вечерам его с собой на прогулки и уходила с ним в горы или на реку.

***

Но отношение Юсуфа к Зулейхе чуть заметно изменилось. Когда они находились в обществе домашних или гостей, то он был с женой так же внимателен и заботлив, как и на «Ташуджу». Но когда они оставались одни, он молчал, не считая нужным даже договорить фразу до конца, и уходил.

Они сейчас практически не оставались вдвоем. Несмотря на это, Юсуф проводил почти все время, за исключением часов, когда спал, вне дома, и пил больше, чем обычно, хотя и пытался это всячески скрыть.

Со слугами он обращался строго и раздраженно. А однажды ни с того, ни с сего ударил управляющего хлыстом.

Баба-эфенди тоже прекрасно знал про эту вспыльчивость и теперь, только заведя Юсуфа, убегал в угол и не решался и рта раскрыть, когда Юсуф находился дома.

Примерно в то время, когда они переехали в городок, Зулейха перенесла ангину и несколько ночей из-за сильного жара пролежала в бреду.

Во время болезни за ней ухаживала свекровь. Энисе-ханым сидела на подушечке, что положила на пол рядом с кроватью, сердилась, если кто-нибудь из дочерей заходил в комнату, и сказала, что будет присматривать за больной сама.

Каждый раз, когда Зулейха просыпалась ночью, она видела перед собой свекровь. Ее глаза казались еще больше на осунувшемся с недавних пор лице.

Они улыбались друг другу, пожилая женщина поправляла ей подушки и покрывала, щупала температуру и спрашивала, не нужно ли ей что-нибудь.

За все время, что Зулейха болела, муж заглянул к ней всего два или три раза.

Ступая на носках, чтобы не шуметь, он открывал и закрывал окна, переставлял вещи и, как будто считая, что на этом его работа окончена, произносил несколько избитых фраз и выходил из комнаты.

Зулейха обратила внимание на поведение Энисе-ханым. Она обращалась с ней очень вежливо, искренне интересовалась ее здоровьем. И хотя они смеялись и смотрели друг на друга, но во взгляде свекрови проскальзывала та же отстраненность, что во время бесед с Юсуфом на «Ташуджу». С той лишь разницей, что Юсуф в такие моменты медленно отводил взгляд в сторону. Пожилая женщина делала по-другому: двумя руками, будто желая погладить невестку, она брала ее за затылок и волосы и прижимала голову к своей груди.

***

И хотя внешне казалось, будто все забыто и жизнь вошла в привычную колею, Зулейха очень хорошо чувствовала, что это ненормальное состояние и продолжаться так больше не может. Пришло время открыто поговорить с мужем. Она больше не могла терпеть такое положение дел. В любом случае у Юсуфа должны были быть соображения на этот счет и плохие или хорошие решения. Возможно, он молчал, потому что ждал инициативы от Зулейхи.

В те дни, когда болезнь ее ослабевала, но Зулейха по-прежнему чувствовала сильный жар, она составила сама для себя план. Даже мысленно заготовила некоторые фразы.

Но когда она наконец настолько окрепла, что поднялась с постели, то снова почувствовала, что решимость ее несколько угасла, и ждала, как будут развиваться события. Потому что любимое выражение отца все крутилось у нее в голове.

И хотя они решили оставаться в Гёльюзю до первых зимних месяцев, суровая зима заставила семью немедленно переехать в город.

Эта перемена как будто на какое-то время отвлекла Зулейху. Она помогала наводить порядок в доме, который вот уже несколько месяцев был необитаемым. Часто к ним приходили гости, да и она сама не отказывалась от обязанности отдавать визиты. Юсуф несколько раз — как в прошлые годы — даже устроил пышные званые обеды для друзей и важных гостей, которые посетили город.

Юсуф, казалось, был еще больше занят, чем в Гёльюзю. Мало того, у него появилась страсть к охоте. Взяв с собой нескольких недавно объявившихся друзей-охотников, он гнал вперед себя охотничьих собак, которых специально привезли с Крита, уезжал из города и пропадал целыми днями.

Но тем не менее Зулейха с удивлением смотрела на то, как он с учтивым и веселым выражением лица ходит на приемы и встречает гостей. Такое же лицо было у него на «Ташуджу» или, скорее, в ту ночь в Каршияка, когда они приплыли в Измир, чтобы встретиться с ее дядей.

Юсуф этими вечерами выказывал такое уважение жене, что, казалось, просто не знал, чем ей еще можно угодить. Его поведение несколько раз обмануло Зулейху, и она пару раз проявила беспечность, подумав, что так будет и когда они останутся наедине.

Неустанно ходившие к ним в дом гости и эти современные званые приемы отвлекали молодую женщину и даже радовали, но вместе с тем они ее утомляли. После них она просто валилась с ног. А причиной усталости было то, что эти собрания являлись ничем иным, как продолжением той ночи, когда она вышла в свет в доме в Каришияка.

Хотя Зулейха стала относиться к этому проще, но при разговорах с людьми по-прежнему чувствовала волнение. Она гордилась, когда, несмотря на любезность улыбок и серьезность взглядов, могла опреде-

лить, как на нее смотрят, и это подталкивало ее к тому, чтобы стараться выглядеть еще более независимой, веселой и раскрепощенной. А то напряжение, которого требовала эта роль, сильно ее выматывало.

Ее очень тронул визит двух бедных гостей, о которых никто и подумать не мог, что они придут к ним в это время и втянут ее в мир совершенно иных мыслей. Благодаря им она много дней прожила радостно и спокойно.

Капитан во второй раз облачился в парадную униформу, на голову надел шитую золотом фуражку, а в руках держал трость с серебряной рукоятью. На маленьком юнге, несмотря на холодную и дождливую погоду, была легкая белая рубашка. В честь Зулейхи Халиль принарядился: повязал синий галстук и выбрил голову опасной бритвой до середины затылка. Когда Зулейха в передней услышала их голоса, то бегом сбежала по лестнице и просто повисла на шее у Халиля, который пытался поцеловать ей руку. Капитан вместе с оставленными Зулейхой на борту книжкой и шейным платком привез ей небольшие подарки вроде кувшина из Чанаккале и стеклянного браслета, которые купил во время их последнего рейса Халиль, когда сходил на какой-то пристани.

Кроме того, они еще привезли с собой целый сундук овощей и свежих ягод из Анталии и отправили его на кухню со слугой.

Капитан был человеком почтительным. Он пришел, только чтобы убедиться, что Зулейха здорова, и поинтересоваться, как она себя чувствует, а потом собирался сразу же уйти. Но Зулейха удержала гостей до вечера и проводила их до пристани на автомобиле, чтобы еще раз издали взглянуть на «Ташуджу».

Глава двадцать восьмая

Подходил к концу февраль. В солнце, воздухе и начавших зеленеть деревьях проглядывали первые признаки весны.

Юсуфа снова не было с ними уже несколько дней. Конечно, некоторые знали, куда он уехал. Но Зулейха не видела смысла расспрашивать кого бы то ни было о том, что ее не интересовало.

Ей было все равно, находится ли Юсуф рядом или нет. Она даже признавала, что чувствовала себя свободнее, когда он отсутствовал. И в то же время, когда в доме не слышался его голос, не раздавались его шаги, она ощущала какую-то ненадежность. Как будто лежала в комнате, в которую не закрыта дверь, и легкую тоску. Даже в те времена, когда она была на него сильно обижена, это неприятное чувство сразу же улетучивалось, стоило ей услышать, как он звонит в дверь или спускается по лестнице.

Жена управляющего имущественными делами в их ильче* сказала, что ее муж видел Юсуфа прошлой ночью в каком-то ресторане в Адане. То место, что наша бедняжка тактично назвала рестораном, возможно, было и трактиром. В последнее время, казалось, не проходило ночи, чтобы Юсуф не пил. Кто знает, может, он вспомнил забавы тех времен, когда был еще холостым. В вилайете он мог встретить самых разных женщин, потоком хлынувших туда из Стамбула, артисток в барах. Вполне возможно, что Юсуф с его демократичнос-

---

* Ильче — единица территориального деления Турции, уезд.

тью нашел общий язык с кем-то из них. А если это предположение верно, то поступил он очень правильно. Кто имел право хоть что-то на это сказать?

Юсуф пропал на пять дней. Должно быть, он и сам в этот раз почувствовал неестественность происходящего, потому что счел необходимым на третий день послать из Аданы телеграмму, в которой говорилось что-то туманное о том, что он еще не закончил дела.

Шел вечер пятого дня. Зулейха уже поужинала и поднялась к себе в комнату. Ближе к вечеру похолодало, и она затопила печку. Когда она перебирала на шезлонге вновь прибывшие из Стамбула газеты, в дверь постучали. В комнату вошел Юсуф. Он выглядел усталым.

Зулейха спокойно встала, чтобы не подать виду, что знает о том, где скрывался муж. Она предложила ему сесть в кресло напротив печки и спросила, поужинали он.

Они сели друг напротив друга. Зулейха задавала ему ничего не значащие вопросы.

Юсуф ответил на них, а потом, понизив голос, сказал:

— Я забрал извещение из суда в Джейхане. Время отсрочки, что предоставил нам суд, вчера закончилось.

Говоря это, он положил конверт, который держал в руке, на журнальный столик. Зулейха растерялась на мгновение, но потом заставила себя собраться:

— О... Хорошо...

Почему она не подумала о том, что время судебного разбирательства в прошлом году пришлось как раз на февраль и что срок годовой отсрочки истек?

Она смутилась от того, что развод как будто стерся из ее памяти. Она хотела спасти положение, солгав что-то вроде: «Я так и подумала, что вы поедете в Джейхан, чтобы со всем этим разобраться».

Но этим вечером, когда ничего не предвещало грозы, это известие застало ее врасплох.

Ведь все-таки это был развод супругов. Ей требовалось время, чтобы суметь подготовиться и спокойно встретить это известие. Но сейчас существовала опас-

ность того, что, начини она говорить, ее голос задрожит, и она станет запинаться. Было крайне важно сыграть перед мужем ту роль, что она разыгрывала перед посторонними, но в десять раз более спокойно и смело. Она не могла ему уступить.

Юсуф молчал и разглядывал картины на стенах.

Зулейха хотела выиграть время, чтобы овладеть собой, а для этого ей нужно было заняться чем-нибудь, что выглядело бы естественнее, чем поведение Юсуфа. В голову ей не пришло ничего другого, кроме как открыть шкаф и вытащить оттуда украшенную коробку, вытащить из нее кусок пирога, положить на тарелку и подать Юсуфу.

Юсуф не понял, что поступок жены был следствием растерянности. Он с горькой улыбкой взял тарелку из ее рук, медленно поставил на журнальный столик рядом с извещением из суда и спросил:

— Это угощение должно показать сладость расставания?

Эта простодушная шутка заставила Зулейху нахмурить брови.

— У меня и в мыслях такого не было. И развод — это расставание двух людей, которые, несмотря ни на что, долго прожили в дружеских отношениях и которые, несмотря на многие противоречия, смогли во многом оценить друг друга. А потому нет тут никакой сладости, расставание горько, но необходимо.

Юсуф немного удивился столь серьезному и откровенному разговору и сказал:

— Да, необходимо.

Потом поднялся с места и поправил заслонку у дымохода, не вставая на стул, опустил ставень у окна, подцепив его краем щипцов, и немного подвинул камод, мешавший свободно открываться балконной дверью.

Зулейху почему-то очень тронуло, что ее муж занимался этими мелочами, подстраивая все под старые привычки в этой комнате, которая была ей уже чужой. Она отвернулась, чтобы этого не видеть, и стиснула зубы.

Когда Юсуф все закончил, он снова подошел к дивану.

— Нам нужно с вами обговорит все детали, — произнес он.

Потом достал из карманов бумаги с марками и печатями, показал их Зулейхе, назвал какие-то цифры, а потом долго что-то рассказывал, делая подсчеты карандашом.

Из всей его долгой речи, пересыпанной кучей правовых терминов и выдержек из законов, она смогла понять следующее.

Гражданский кодекс предполагал наличие у супругов общих сбережений. Из-за того, что обвинителем в суде выступала Зулейха, суд приговорил Юсуфа к выплатам различных компенсаций. Поэтому Зулейхе полагалась сумма, достаточная, чтобы она могла безбедно жить до тех пор, пока не определится, что делать дальше. Возможно, она сама не сможет разобраться во всех этих вопросах, которые являлись, по сути, делами мужскими, поэтому ее дядя Шевкет-дей должен был присылать ей письменные отчеты

Сейчас Зулейха поняла, почему Юсуф так настойчиво преследовал дядю в Измире.

Она встала, прислонилась спиной к стене, ее лица не было видно в тени абажура:

— Вы должны знать, что в этих делах я никому не доверяю больше, чем вам. Я не до конца разобрала, что вы говорили о тех вопросах, в которых могут разобраться только мужчины. Но поняла: в том, что касается денег, вы поступили со мной очень великодушно... Я должна сказать вам прямо... Я бы никогда не приняла этих денег, если бы они мне не требовались. Но так получилось, что я все же немного нуждаюсь. Поэтому я их возьму и благодарю вас.

— Не стоит. Это все естественно...

Зулейха больше ничего не сказала. Им больше не о чем было говорить этой ночью. Юсуф медленно поднялся и собрался уходить.

Зулейха, будто это только пришло ей в голову, сказала:
— Мы вот что не обговорили... Когда вы хотите, чтобы я уехала?

Юсуф смотрел на мыски своих ботинок.

— Это вы решайте... Когда прикажете...

— В таком случае, в течение нескольких дней.

— Очень хорошо. Вы мне тогда сообщите, в какой день.

— Вы кому-нибудь об этом говорили?

— Знает только мать.

— Если хотите, то скажите после того, как я уеду...

— Я думаю уладить все это еще более подходящим образом... В тот день, когда вы будете уезжать, вы со всеми попрощаетесь, будто отправляетесь в путешествие.

— Да, так будет лучше...

Юсуф тихо притворил дверь, будто в комнате находился больной или покойник, и, стараясь не шуметь, медленно зашагал в переднюю.

Не успел он дойти до начала лестницы, как дверь тихонько приоткрылась и его окликнула Зулейха:

— Вы не подойдете еще на минутку?

Молодая женщина была немного взволнована. Когда муж снова вошел в комнату, она спросила:

— Я могу уехать завтра?

— Завтра? К чему такая спешка?

— Я так хочу... К тому же я не собираюсь брать с собой никаких вещей. А те немногие вещи вы вышлете после.

— Да, но... Завтра не получится по определенным причинам... Торосский экспресс уехал сегодня.

— Я поеду на ежедневном поезде.

Юсуф улыбнулся и спросил:

— В поезде без спальных вагонов? Это невозможно...

Нужно было сказать «будь что будет». Но она испугалась, что Юсуф придаст значение этой спешке, и сдержала себя:

— Вы правы, стоит подождать первого экспресса.

— Ждать осталось недолго — до понедельника. Завтра я телеграфирую в Алеппо и закажу вам купе.

— Спасибо... Да, действительно, у меня еще остались дела. Да-да, придется остаться еще на несколько дней... В Гельюзю разбросаны некоторые мои вещи и мне, конечно, придется собирать их самой.

— Съездите туда завтра или в любой другой день.

— В таком случае, давайте завтра.

Вещи был лишь предлогом. В ее сердце неожиданно возникло непреодолимое желание в последний раз увидеть то место у бассейна, где сидел отец, и комнату, где они с Юсуфом стали мужем и женой.

Она надеялась, что Юсуф поедет с ней. Но когда она встала утром, ей сказали, что Юсуф приготовил автомобиль для ее поездки в Гельюзю, а сам взял собак и ружья и отправился на охоту.

Зулейха поехала в поместье в последний раз с Баба-эфенди.

День выдался влажный и холодный. И пока она со связкой ключей бродила по пыльным и неубранным комнатам и собирала вещи, Баба-эфенди ходил за ней по пятам и все рассказывал о планах на лето. Как только распогодится, первое что он сделает, это вырвет с корнем эти цветы по два пара и на их место посадит другие и превратит садик Зулейхи в сад, похожий на те, что на Крите.

***

В ту ночь после беседы с Юсуфом Зулейха очень тихо и осторожно, чтобы никто не слышал, перебрала свои вещи и собрала чемоданы.

Время ожидания увеличилось на целых два дня из-за ее поездки в Гельюзю. Оставалось только ждать понедельника.

Все эти дни Юсуф где-то пропадал. Зулейха постоянно оставалась дома одна со свекровью. Она ей ни словом не обмолвилась о своей договоренности с Юсуфом. Энисе-ханым, боясь, как бы в ее словах не прозвучал какой намек, тоже молчала. Должно быть, получила строгое внушение от сына.

Энисе-ханым заболела. Но она не ложилась и лишь бродила по дому. Ее глаза, казалось, стали еще больше и темнее на пожелтевшем лице.

Зулейха не забыла ту заботу, с которой отнеслась к ней свекровь, пока она сама была больна. Когда до отъезда остался день, она зашла к ней в комнату. Энисе-ханым лежала на ковре на полу, растянувшись в полный рост, Зулейха нагнулась и тронула ее за руку:

— У вас жар, вы плохо себя чувствуете. Вам нужно раздеться и лечь.

Старая женщина вдруг поднялась с пола.

— Нет, дитя мое, это погода на меня по весне так плохо действует, наверное. Иногда так бывает. Если бы мы были в Гельюзю, то я бы прошлась, и все прошло. Давай-ка, если хочешь, попросим повозку да малость проедемся с тобой.

Зулейху удивило это предложение свекрови. Она не могла припомнить, чтобы они хоть раз выезжали с ней на улицу.

Немного погодя к воротам подъехала крытая повозка. Несмотря на сильный дождь, они выехали в степь, а обратно вернулись неизвестными Зулейхе путями.

Наконец, когда на окраине города показались первые дома, они остановились у начала ограды. Это было кладбище.

— Вот доченька, — сказала Энисе-ханым, — давай выйдем ненадолго и, раз уж нам по пути, навестим твоих отца и матушку... Я в том году ростки посадила, посмотрим, выросло ли чего...

Зулейха опомнилась только сейчас. Значит, свекровь привезла ее проведать отца.

Зулейха шла между могильными плитами, стараясь не увязнуть каблуками во влажной земле и опустив голову. Ей хотелось расплакаться от чистых и религиозных чувств этой старой женщины.

***

Наконец наступил понедельник. День расставания...

Автомобиль дожидался их уже десять минут. Все чемоданы еще полчаса назад снесли вниз и поставили у двери.

Но Зулейха все никак не могла спуститься. Она все растерянно ходила взад-вперед по комнате, будто ища что-то, и только открывала и закрывала дверь в комнату.

Наверху никого. Все домашние собрались и ждут ее в передней.

Ей предстоят последние тягостные минуты внизу... Конечно, и они пройдут. Последний раз, взглянув на себя в зеркало в прихожей и поправив волосы, она спустилась вниз.

Золовки стояли рядом с печкой. Двое слуг быстро выбежали в прихожую.

Свекровь рядом с приоткрытой дверью на улицу присела на корточки, обхватив голову руками. Увидев Зулейху, она поднялась, поправила полы энтари и платок на голове.

Зулейха спокойно и очень по-доброму обняла золовок, подняла на руки малышей, расцеловала их, потом потрепала по подбородку и по спине слуг, что хотели поцеловать ей руки.

Наконец она подошла к свекрови, которая, казалось, затаилась за створкой двери. Старая женщина всегда целовала ее в щеки, а тут еще прижала ее к груди и легко покачала, будто убаюкивая маленького ребенка.

Баба-эфенди во дворе кричал на слуг:

— Сто это такое? Вы сто, в таком огромном доме ковса воды не насли? Порядков не знаете? У вас в васих деревнях сто воду не льют, когда кто в путь отправляется? Чтоб Всевышний сохранил, да доехали все живы здоровы?

Тут откуда ни возьмись на шею Юсуфу бросился кривоногий старик с редкой бороденкой и в синем пальто, поручил привезти ему из Мерсина коробку каких-то непонятных семян и просил завязать себе ниточку на палец, чтоб не забыть.

Зулейха очень испугалась, как бы в этот раз, как во время поездке в Гельюзю два дня назад, Юсуф не послал сопровождать ее постороннего человека.

Но тут увидела, как тот резким движением оторвал руки бородатого старика от своего воротника и направился к машине.

— Ну зачем вы себя утруждаете, что за нужда? — не могла она удержаться, чтобы не сказать.

Юсуф указал на тех, кто был во дворе.

— Да разве так поступают? Я довезу вас до Енидже. Автомобиль проезжал Кызкулеси.

С самого начала пути Зулейха сидела, прислонившись щекой к стеклу, и, не говоря ни слова, смотрела на степи и горы.

Неожиданно она сказала:

— Сколько лет мы не видели Кызкулеси?

Юсуф будто очнулся ото сна и не нашелся, что ответить:

— Да времени не было...

— С тех пор, как я увидела это место первый раз, прошло шесть лет!

— Больше... Около семи... Время летит быстро.

— Да, просто как день проходит...

— Мы, наверное, так же будем говорить, когда состаримся.

— Вы сказали, что прошло около семи лет. И все это время мы оставались чужими друг другу.

— И остаемся такими же.

— Да, так... Как говорили наши отцы, это судьба, предопределение.

Зулейха слегка вздрогнула, будто на нее вдруг напала беспричинная тоска, и добавила:

— Давайте не будем впадать в крайности... Мы не совсем чужие друг другу... Мы расстаемся по-дружески... Это со всеми случается. Я всегда буду желать вам счастья и благополучия.

— И я вам тоже.

— Но я вам сильнее. Вы меня полностью обеспечили.

— Прошу вас, не стоит так говорить.

— Но правда есть правда... С этой точки зрения желать вам счастья — это просто мой долг.

— Давайте больше не будем об этом говорить, прошу вас.

— Но вы, конечно, не станете мне запрещать говорить о нашей дружбе... Даст Аллах, вы будете счастливы. Обзаведетесь семьей... появятся дети...

— Извините, но у вас нет права начинать такие разговоры.

В словах Юсуфа звучал укор. Но Зулейха, не обращая внимания на его слова, будто развлекаясь, продолжала:

— Вот, например, женитесь на той миниатюрной девушке, которую мы встретили в Айвалыке...

Юсуф чуть раздраженно рассмеялся:

— А это вы еще с чего надумали?

— Просто... Мне никто другой на ум не пришел. Вы только не подумайте, что я ее критикую или что-нибудь... Я говорю искренне. Вы не представляете, как мне понравилась эта девушка! У нее от природы такие густые ресницы.

— Я вас прошу...

— Эта девочка вас любила, ведь правда?

На этот раз Юсуф засмеялся, но ничего не ответил.

Зулейха покраснела, потому что почувствовала, что во время этого разговора делает что-то постыдное. Но не смогла себя пересилить.

После долгих дней молчания и напряженного ожидания ей ужасно хотелось поговорить. До этого момента ей казалось сложным найти темы для разговора на время этого долгого путешествия, когда ей придется провести несколько часов наедине с Юсуфом. Но сейчас самым страшным для нее было это затянувшееся молчание. С ее губ готовы были сорваться лирические, детские фразы, которые говорят во время легкого опьянения и горячки. И чтобы скрыть этот приступ нежности, она придавала выражению лица насмешливый вид и говорила колкости.

Но когда Юсуф рассмеялся, закашлялся и замолчал, ей тоже пришлось последовать его примеру, и скоро этот приступ утих.

***

На полпути им снова пришлось остановиться на десять минут на полуразвалившемся постоялом дворе.

Сад казался совсем голым из-за того, что листва на деревьях еще не появилась, и степная кофейня выглядела еще более ободранной и жалкой.

Юсуф и тут был все так же замкнут и неразговорчив. На все вопросы Зулейхи отвечал парой слов и уходил в свои мысли.

Зулейха, в конце концов, была для Юсуфа гостем на пять-шесть часов. И разве в это время ему не стоило вести себя с ней немного вежливее?

Глава двадцать девятая

На вокзал в Мерсине они приехали слишком рано. автомотриса*, что должна была довести их до Енидже, отправлялась только через два часа. Зулейха положила чемоданы на багажную полку пустого вагона. Потом еще раз сказала Юсуфу, который, нахмурившись, смотрел на часы:

— Вы, если хотите, можете возвращаться... Я сама справлюсь.

— Нет... Я должен вас сам усадить на экспресс.

— Осталось еще примерно часа два. У вас наверняка есть дела в городе. Вы идите.

— А вы что будете делать?

Зулейха чуть пожала плечами, посмотрела на безлюдную станцию и мелкий, словно водяная пыль, дождь.

— Ничего... Буду ждать...

Все эти предложения и слова были упреком молчанию Юсуфа.

Но он этого так и не понял, как не уловил обиды в молчании Зулейхи, начавшемся после Кызкулеси, и сказал:

— Если хотите, можем пойти в парк на берегу, посидим там часок...

Конечно, не нужно было соглашаться на эту натянутую вежливость. Но Зулейха, не говоря ни слова, под-

---

* Автомотриса — самоходный железнодорожный вагон, снабженный мотором и предназначенный для служебных поездок персонала, перевозки пассажиров, перегона вагонов и т.п. (Примеч. ред.)

нялась. Они побрели рядом по улицам, прошли через рынок и спустились к морю.

Парк еще не открыли, так как сезон пока не начался. Официант притащил для них на берег два стула и стол. Они сели, не обращая внимания на мелкой пылью моросивший дождь.

Зулейха долго следила за тихо перекатывавшимися мутными волнами, на которых качались клубки грязных морских водорослей.

Юсуф все так же, не произнося ни слова, сидел с нахмуренным лицом и играл цепочкой от ключей. Потом посмотрел на часы:

— Осталось пятьдесят минут...

Зулейха удивилась, как вдруг сократился последний день, который, как она думала, никогда не закончится. Только сейчас ее вдруг словно ударили в сердце — пришло время уезжать.

— Ну что, пойдём?

— Если хотите, можем еще посидеть полчаса. Когда мы сюда шли, то много плутали, но станция всего в десяти минутах ходьбы...

— Тогда посидим еще минут пять, хорошо?

С Зулейхой сейчас творилось примерно то же самое, что она пережила, когда некоторое время назад они проезжали мимо Кызкулеси. Им нечего было сказать друг другу. Но что же, они так и расстанутся молча?

Она так ждала, что Юсуф с ней заговорит в последний день. Так было нужно. Что могли изменить, в какие тона окрасить это неизбежное расставание слова, которые она от него ждала? Ничего и никак... Но все равно они должны были быть произнесены. Еще немного, и все это станет просто невыносимым.

Манто Зулейхи сползло с плеч на спинку стула. Юсуф снова накинуд его Зулейхе на плечи. Все. Наверное, это был последний раз, когда ее касались руки Юсуфа.

И хотя между ними не было никакой связи, это движение ни с того, ни с сего напомнило Зулейхе ее и Юсу-

фа на пляже в Анамуре, когда Юсуф носил ее на руках. Это был конец. Она чувствовала, как сердце с каждой минутой стучит все сильнее. Это ощущение заставило ее податься вперед и положить локти на стол. Резким движением Зулейха вытянула руки и посмотрела на Юсуфа.

— Море было совсем другим, когда мы были на «Ташуджу»...

— Конечно... тогда было лето...

— Да, лето... Я никогда не забуду «Ташуджу»...

— .....

— Я только хочу у вас кое-что спросить.

— Спрашивайте.

— Но не знаю, стоит ли.

— Спрашивайте.

— .....

— Почему вы молчите?

— Передумала...

— ...

— Вы, наверное, думаете, что это что-то важное. Ну раз уж я начала... Я хочу спросить... Просто из любопытства...

— Спрашивайте, что вам угодно.

— Мы ведь с вами расстались год назад, верно? С того дня мы стали независимыми и свободными людьми. Сейчас я снова уезжаю... И хочу спросить: почему вы все это делали?

Юсуф немного смешался, подумал, потом с горькой усмешкой сказал:

— Вы точно хотите, чтобы я вам ответил?

— Думаю, что ничего плохого в этом нет.

— Хорошо, вот только... Как бы вам объяснить...

Это объяснение может нас далеко завести...

— Я не поняла, к чему вы это говорите.

— Возможно, придется сказать вещи, которые вам бы не хотелось услышать.

Самым верным на эти слова было бы ответить: «Ну, как знаете» — и замолчать. Но больше не было времени ждать. Если Юсуф еще раз замолчит как накануне, то больше уже точно не заговорит.

Зулейха задрожала:

— Скажите... Ничего не случится, если вы скажете...

Юсуф побледнел.

— Хорошо, я вам отвечу, все равно между нами давно все кончено. Но в газетах... Когда я прочитал про аварию, что-то во мне дрогнуло. Вы же знаете нас, провинциалов. Это должно было быстро пройти, конечно. Но мать меня просто замучила. Еще в ту ночь, когда я вернулся в Енидже, она вцепилась мне в горло с криками: «Что ты сделал дочке Али-Османа?»

Юсуф говорил с трудом и, чтобы не встречаться взглядом с Зулейхой, смотрел вдаль, на море.

— Короче говоря, я решился. Подлостью и неуважением стало бы оставить его дочь в таком положении. Нужно было обеспечить вам уважение окружающих... Был ли кроме этого другой путь, кроме как сделать вид, что для меня это ничего не значило, приехать, забрать вас отсюда и ввести в окружение своей семьи и друзей? Не буду вам врать, мне это далось тяжело. Ходить перед всеми с повинной головой... Что бы там ни было, а вам это не пристало. Я ради него и ради его памяти еще и не такие трудности переносил. Если хотите, мы можем с вами договорить по пути.

Они вышли из кофейни и снова зашагали рядом к станции, даже не смотря по сторонам.

— Извините меня, — сказала Зулейха чуть погодя. — Мне такое даже в голову не приходило. Если бы я знала, что вы так будете мучиться, то я бы давно все это прекратила.

— Ну, не стоит так преувеличивать, дорогая...

— Не судьба мне была сделать вас счастливым. Но знайте, что я никогда не хотела, чтобы вы так страдали.

— Вы тоже знайте, что эта сторона дела не была для меня так тяжела, как вам кажется. Видите ли, если хотите, могу вам пояснить... Люди ревностно относятся к тем, кого любят... Ведь так? Для таких людей сложно терпеть... Но для тех, кого не любишь всей душой, все упирается лишь в вопросы чувства собственного досто-

инства. Но и с этим смиряешься, не такими трудами, конечно. Ведь между нами никогда не было любви, взаимного интереса? Ведь так?

Юсуф говорил об этом с таким детским простодушием, что, несмотря на сильную печаль, Зулейха не удержалась и горько улыбнулась.

Юсуф тоже рассмеялся и принялся пересказывать Зулейхе почти дословно, как запоминают школьники, все ее злые шутки о смехотворности романтической книжной любви.

Улица стала более людной, рядом проезжали повозки, пробегали носильщики, крича: «Посторонись!» А они шли вперед, не разбирая дороги. Зулейха еще не разу не видела, чтобы ее ботинки так испачкались в грязи.

Юсуф продолжил:

— Да, если принимать во внимание ваши слова, то из нас никогда не получились бы нормальные муж и жена... Но разве не было этого предательского путешествия на «Ташуджу»? Оно все перевернуло с ног на голову...

Зулейха остановилась и с удивлением воскликнула:

— Что вы такое говорите?

— К сожалению, это так. Приступы потихоньку начались еще в Мраморном море. И в конце концов самого серьезного кризиса достигли на пляже в Анамуре. Того состояния, что врачи называют симптомом надвигающегося тяжелого приступа. Вы, может быть, будете смеяться... Но что поделать, если такова правда... И в Гельсю и в Силифке мы боролись все с той же хворью...

Дождь пошел еще сильнее. Зулейха не замечала, как все ее лицо стало влажным от его крупных капель. Все ее внимание было поглощено тем, чтобы спасти свои туфли от потоков воды, которые струились между камней мостовой.

В единственном купе автомотрисы они оказались с семьей учителя, о котором узнали, что он едет на новое назначение в Урфу*. Учитель набросился с разгово-

---

* Урфа — вилайет на юго-востоке Турции рядом с границей с Сирией.

рами на Юсуфа, его жена — на Зулейху. До самого Енидже Зулейха проговорила с этой женщиной, но потом не могла припомнить из сказанного ни слова.

***

Енидже... Экспресс опаздывал. Они сидели под большими деревьями в кафе рядом со станцией.

Смеркалось.

Юсуф подозревал мальчишку—чистильщика обуви и велел ему до блеска натереть щеткой влажные туфли Зулейхи.

Зулейха еще раз обратилась к Юсуфу:

— Экспресс, наверное, еще задержится... Как бы вам не опоздать на поезд в Мерсин. Да и тяжелого у меня ничего нет. Мои чемоданы покидают в поезд тот паре-нек...

Юсуф раздраженно сказал:

— Почему вы хотите то, что я не могу сделать?

— Но есть опасность, что вы здесь останетесь совершенно один в этой безлюдной местности.

Юсуф отрывисто рассмеялся:

— Не волнуйтесь... Обязательно в какую-нибудь сторону будет поезд, или найду машину.

И, будто желая показать, что ему все равно, в какую сторону ехать, Юсуф махнул рукой вправо и влево.

Прошло еще немного времени, и вдалеке показался экспресс. Тогда Зулейха снова положила руки на стол и, вытянув голову, искала глаза Юсуфа в зеленом свете фонаря, который стоял перед ними.

— Я хочу вам кое-что сказать...

— Да? Ну говорите!

После небольшой паузы Зулейха произнесла совершенно изменившимся голосом:

— Я вам не изменяла, Юсуф...

Впервые, называя мужа по имени, она покраснела и задрожала, будто сделала что-то постыдное, но взгляд не отвела.

В какое-то мгновение Юсуф, казалось, поверил ей и радостно и удивленно посмотрел на Зулейху. Но это

продлилось недолго. Он снова нахмурил брови, блеск в глазах погас, и он опустил голову.

— Мне хочется вам верить, — сказал он. — Но для тех, кто подцепил эту дрянную болезнь, сомнение — невыносимое страдание.

Локомотив остановился перед ними. На станции все пришло в движение.

Юсуф подхватил чемоданы, Зулейха проследовала за ним, из-за волнения и темноты не видя, куда ступает.

Юсуф держал шапку в руке, на лбу у него выступила капелька пота. Он растерянно еще раз осмотрел купе Зулейхи и, быстро отряхнув, повесил упавшее на пол манто Зулейхи.

Зулейха все никак не могла открыть окно и попросила помочь проводника, который проходил мимо двери купе. Когда стекло опустили, поезд медленно тронулся.

Юсуф сделал несколько быстрых шагов и застыл, опустив руки.

В горле у нее стоял комок, глаза щипало от слез. Будто испугавшись, что схватит пальцами что-нибудь неподходящее, Зулейха не решилась вытереть глаза, высунула голову из окна и подставила лицо темноте и ветру.

***

Прозвенел звонок — приглашение к обеду. Этот звук показался Зулейхе призывом стряхнуть с себя груз темноты, который, казалось, навалился на нее, и твердо шагать навстречу сиянию новой жизни.

По освещенному коридору прошли две молодые женщины и мужчина. Зулейха поднялась, включила лампу, долго подправляла потекшую тушь перед зеркальцем, а затем направилась в вагон-ресторан.

Решад Нури Понтекин

СТАРАЯ БОЛЕЗНЬ

Выпускающий редактор *Е. Новикова*

Технический редактор *Е. Алексеева*

Корректоры *И. Румянцева, Е. Щербакова*

Дизайнер обложки *Е. Маховикова*

Компьютерная верстка

ООО ТД «Издательство Мир книги»

**Книги нашего издательства Вы можете
приобрести практически в любом книжном
магазине страны или через каталог
«Мир Книги»**

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ:

Москва:

Сеть розничных магазинов ООО «ТОП-КНИГА»
(«Книгомир», «Литера», «Лас-Книгас»)
«Московский Дом книги», Новый Арбат, 8
ТДК «Москва», Тверская, 8
Торговый дом «Библио-Глобус», Мясницкая, 6
Дом книги «Молодая гвардия», Большая Полянка, 28
Сеть магазинов «Библиосфера»
Сеть магазинов «Республика»
Сеть магазинов «Букберри»

Санкт-Петербург:

Сеть магазинов «Буквоед»
«Дом книги на Невском», Невский пр-т, 62
«Санкт-Петербургский Дом книги», Невский пр-т, 28

ПОЧТОВАЯ РАССЫЛКА:

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу: 111116, г. Москва
а/я 30 «МИР КНИГИ», тел.: (495) 974-29-74,
e-mail: order@mirknigi.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

www.ozon.ru
www.bolero.ru
www.labirint-shop.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ:

**Управление по продажам ООО ТД «Издательство
«Мир книги»**

тел.: (495)670-21-44, доб. 9019/9025,

e-mail: commerce@mirknigi.ru

Представитель в Северо-Западном Федеральном округе
ООО «Май»: тел.: (812) 275-47-03, e-mail: mamontmail@mail.ru

Представитель в Южном Федеральном округе
ООО «Анданте», г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д.107,
тел. 8(863) 218-43-83
e-mail: mkrnd@mail.ru, rostov@mirknigi.ru

Представитель в Украине
Тов. «Планета Книжок», Украина, г. Киев, ул. Радищева, 12/16
тел./факс: (044) 455-72-04 (05), тел.: (044) 239-90-88 (89)
e-mail: taras@bookplanet.kiev.ua

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.11.2008.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура NewBaskerville. Усл. печ. л. 15,12
Тираж 9 500 экз. Заказ № 4817339

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

